НАУКА – ШКОЛЕ: ЧЕРЕЗ БИБЛИОТЕКИ – В БУДУЩЕЕ!

А.В. Соколов

БИБЛИОСФЕРА И ИНФОСФЕРА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Профессионально-мировоззренческое пособие

Профессиональная библиотека школьного библиотекаря

Аркадий Соколов

Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России. Профессионально-мировоззренческое пособие

«Ассоциация школьных библиотекарей
русского мира (РШБА)»

2016

ББК 78.0(2Рос)

Соколов А. В.

Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России. Профессионально-мировоззренческое пособие / А. В. Соколов — «Ассоциация школьных библиотекарей русского мира (РШБА)», 2016 — (Профессиональная библиотека школьного библиотекаря)

ISBN 978-5-91540-131-9

Главное противоречие техногенной цивилизации заключается в стремительном возрастании технической мощи и духовном обнищании культуры информационного общества. Для того чтобы научно-техническое могущество служило во благо, а не во вред России, нужно востребовать знания и мудрость российской интеллигенции, сосредоточенные в библиотечно-информационных ресурсах библиосферы. Ключевая роль здесь принадлежит профессионалам книжного, библиотечного, библиографического дела. Однако учебные планы библиотечных и редакционно-издательских учебных заведений приоритетно ориентированы на овладение технологическими компетенциями, а не на формирование профессионального мировоззрения. Поэтому молодые специалисты не представляют эволюцию российской библиосферы и направления развития инфосферы, не могут оценить поучительный опыт их взаимодействия в культурном пространстве. Они не в состоянии судить о перспективах книжности, библиотек, библиографии в постиндустриальном обществе, где им предстоит жить и трудиться. Особенность данного пособия заключается в интегрировании родственной проблематики библиотековедения, библиографоведения, информатики, книговедения, культурологии и некоторых других научных дисциплин для обеспечения целостности и многосторонности профессионального мировоззрения. Оно адресовано не только педагогам и учащимся библиотечно-информационных и книжных учебных заведений, но и практикам книжного и библиотечно-библиографического дела, озабоченным будущим своей профессии. Учебное

пособие профессионально-мировоззренческой направленности и интегрально-межотраслевого жанра создается впервые в нашей стране.

ББК 78.0(2Рос)

© Соколов А. В., 2016
© Ассоциация школьных библиотекарей русского мира (РШБА), 2016

ISBN 978-5-91540-131-9

Содержание

Времена великих перемен 7
Глава 1 16
1.1. Культурное пространство в контексте концепций культуры 16
1.2. Исчисление коммуникационных ситуаций 22
Глава 2 34
2.1. Понятие об интеллигенции 36
2.2. Сущность и магия Книги 54
2.3. Библиотечная интеллигенция 62
Глава 3 66
3.1. Поколения библиотечной интеллигенции 67
3.2. От Древней руси до Серебряного века 72
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Аркадий Соколов
Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России. Профессионально-мировоззренческое пособие

Посвящается Русской школьной библиотечной ассоциации.

Автор

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНОГО БИБЛИОТЕКАРЯ
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

В помощь педагогу-библиотекарю

Серия 1
Выпуск 6

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

На 1-й обложке использована работа художника Олега Высоцкого www.artstudio.ee «Древо Мировое» из цикла «Дыхание космоса»

ВСТУПЛЕНИЕ

Времена великих перемен

Мы – современники не просто больших или значительных, а ***великих перемен***, охватывающих геополитический ландшафт, повседневный образ жизни, может быть, даже психогенетические устои рода человеческого. Футурологи с гибельным восторгом напоминают, что «сегодня мы переживаем удивительный и уникальный момент нашей истории, который по многим признакам можно считать преддверием резкого качественного скачка в развитии народов. Главная задача современного человечества – задача самосохранения и выживания в условиях исторически небывалых до нынешнего момента рисков и угроз самоуничтожения человечества как вида и Земли как планеты, способной порождать жизнь»[1].

Не будем малодушно утешаться иллюзией, что «на наш век хватит». Великие перемены не могут обойти стороной библиотеки и библиотечную профессию, перед которыми возникает *жизненно важный вопрос* о праве на существование в наступающем неведомом будущем. Быть или не быть? Будущее библиотечного института зависит от профессионального сознания библиотечной интеллигенции, от тех целей, знаний, убеждений, которыми станет руководствоваться авангард профессии. Задача настоящего профессионально-мировоззренческого пособия – подготовить библиотечное сообщество к встрече с вызовами великих перемен. Для этого мы намерены обсудить три фундаментальные проблемы, чрезвычайно актуальные в нынешнюю динамичную эпоху:

1. *В чем сущность Книги и библиосферы* как мира книжности, в котором функционируют социальные институты книгоиздания, книжной торговли, библиотечного дела, библиографии? Метафорический ответ на этот вопрос можно сформулировать так:

Библиотечный мир реальности и грёз!
Он мал и фантастически велик.
В нем океаны слов и водопады слёз,
И островки надежд, затерянные в них.

2. *В чем сущность информации и инфосферы* как социально-коммуникационной среды постиндустриального информационного общества? Здесь больше вопросов, чем ответов:

О Информация, случайный псевдоним
Чего-то, что уму непостижимо!
В чем суть твоя? Ты пламя или дым?
А может быть, всего лишь тень от дыма?

3. *В чем сущность культуры и культурного пространства*, в котором взаимодействуют библиосфера и информационная сфера? Поскольку в культурологии нет ответа на данный вопрос, мы вынуждены довольствоваться своими гипотетическими соображениями и констатировать:

Культурное пространство – область странная,
Его предназначенье неизвестно.
Оно романтику – земля обетованная,
А обывателю – простое «третье место».

[1] Безгодов А.В. Планетарный проект: от устойчивого развития к управляемой гармонии. СПб: Питер, 2016. С. 8–9.

Переходя от профессионально-фольклорных метафор к серьезному дискурсу, признаемся, что стимулом, заставившим задуматься над перечисленными фундаментальными проблемами, является не абстрактная научная любознательность, а кризисные явления в библиосфере и двойственность государственной культурной политики в библиотечно-информационной сфере. Остановимся для начала на двух вопросах: проявления кризиса российской библиосферы и его причины.

1. Проявления кризиса библиосферы

1. Дисфункция книжного чтения. Термин «дисфункция» означает нарушение, расстройство функции какого-либо органа или системы. Дисфункция книжного чтения – показатель недостаточного использования гуманистических ресурсов книжности. Чтение – самосотворение личности, человек читающий – homo legens – качественно отличается в духовном развитии от нечитающего человека. Уже хрестоматийной истиной стали выводы, сформулированные советским социологом С.Н. Плотниковым в конце прошлого века: «Читатели, в отличие от не-читателей, способны мыслить в категориях проблем, схватывать целое и выявлять противоречивые взаимосвязи явлений; более адекватно оценивать ситуацию и быстрее находить правильные решения; имеют больший объем памяти и активное творческое воображение; лучше владеют речью: она выразительнее, строже по мысли и богаче по запасу слов; точнее формулируют и свободнее пишут; легче вступают в контакты и приятны в общении; обладают большей потребностью в независимости и внутренней свободе, более критичны, самостоятельны в суждениях и поведении. Словом, чтение формирует качества наиболее развитого и социально ценного человека»[2].

Исследования С.Н. Плотникова показали, что в 1991 г. «совсем не читающих книг» было 21 % жителей России, а в 1992 г. их количество увеличилось до 26 %[3]. В 2010 году социологи чтения установили, что 20 % россиян, будущих граждан информационного общества, не имеют дома книг, а доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, составляет 35 %. Однако судить о дисфункции чтения только по данным массовых социологических опросов – очень поверхностно. Важно учитывать тип чтения. Ю.П. Мелентьева различает семейное, учебное, профессиональное, развлекательное (досуговое), экзистенциональное чтение. Отмечая широкое распространение развлекательного чтения, она отдает предпочтение *экзистенциальному чтению,* представляющему собой «вид высокодуховной коммуникации, цель которой – самоопределение человека в мире, понимание своего бытия, раскрытие своей личности, постижение себя (своего Я) через другого»[4]. К сожалению, книжный рынок всегда ориентировался на массового потребителя, жаждущего легкого чтива, а не на книголюба, проявляющего «рудиментарные интеллигентские читательские навыки».

2. *Сокращение книгоиздания и деформация книжного рынка.* Коммерциализация книгоиздания привела к тому, что хронический советский дефицит на книги повышенного спроса (детективы, приключения, фантастика) был быстро удовлетворен. Уже в 1995 году остросюжетные детективы, сентиментальные романы, фантастика, приключения заняли 40 % рыночных изданий, зато значительно сократилось издание отечественной и зарубежной классики, современных писателей России, переводов зарубежных писателей и ученых, на долю которых осталось всего 8,1 %[5]. Статистика продаж показывает, что самыми популярными авторами из года в год являются Донцова, Маринина, Акунин, Шилова, Устинова, далекие от идеалов просвещения.

---

[2] Плотников Н.С. Читательская культура в России // Homo legens. Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929–1995). – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 47.

[3] Там же. С. 50.

[4] Мелентьева Ю.П. Многослойность чтения // Кризис чтения: энергия преодоления: сборник научно-практических материалов / ред. В.Я. Аскарова. – М.: Мцбс, 2013. С. 8–23.

[5] Морозовский М. Комментарий к итогам 1995 // Книготорговый бюллетень. 1996. № 5/6. 8 февраля.

Ежегодные отраслевые доклады Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям нельзя назвать оптимистическими. Падение продаж в книжной рознице, сокращение числа книжных магазинов, постоянно растущие цены на книги – зримые приметы болезненного состояния российского книжного дела. Зато выпуск электронных изданий и букридеров находится на подъеме, и, по оценкам экспертов, в ближайшем будущем может занять четверть книжного рынка. Ожидалось, что в постсоветской державе благодаря отмене государственной монополии на издательскую деятельность быстро возрастет количество издательств, а рыночная конкуренция будет стимулировать повышение количества и качества выпускаемой ими печатной продукции. Эти ожидания не оправдались. Происходит непрерывный спад производства газетно-журнальной и особенно книжной продукции. По сравнению с 1990 г., когда доля книг в структуре выпуска отечественной полиграфической промышленности составляла 20 %, в 2015 г. эта доля упала до 9 %, причем более половины из выпускаемых изданий печатается тиражом менее 1000 экземпляров. В 2010 году продажи книг упали на 9 %, в 2011 году – на 7 %, а в 2015 г. эксперты книжного рынка были вынуждены признаться, что «динамика изменения основных показателей книгоиздания удручает: выпуск книг и брошюр и по количеству изданных наименований, и по совокупному тиражу стал худшим в сравнении со всеми предшествующими полугодиями последних восьми лет… Сегодня в России на душу населения издаются 2,66 экземпляра книг и брошюр»[6]. В натуральном выражении производство книг и брошюр в 2015 г. составило 112 647 названий и выросло, по сравнению с предыдущим годом, на 0,5 %; совокупный тираж отпечатанных изданий составил 459,4 млн экз. и, по сравнению с 2014 годом, снизился на 5,4 %[7]. При этом рост цены книги за последние 15 лет составлял 13–15 % ежегодно; учебник для общеобразовательных школ подорожал в 17 раз – до 350 рублей, а ежедневная газета стала дороже в 7 раз[8].

Деформация книжного бизнеса заключается в образовании крупных производственно-коммерческих монополий, контролирующих различные сегменты книжного рынка – например, сегмент учебной литературы или сегмент общедоступной книжной розницы. Монополизация ведет к росту цен и свертыванию выпуска интеллектуальных изданий. Вероятно, сохранятся в ближайшие годы несколько десятков издательств, относящихся к уровню среднего бизнеса и занимающих ниши книжного рынка, еще не захваченные монополиями, а также многочисленная россыпь малого бизнеса и издательских подразделений различных учреждений, предприятий, вузов и т. д. Но нет гарантий, что будут присутствовать на российском рынке независимые издатели, руководствующиеся не корыстными расчетами, а просветительскими и гуманистическими идеалами. Напрашивается сочетание рынка с государственным регулированием. Рынок успешно удовлетворяет платежеспособный спрос на произведения массовой культуры, но он не в состоянии способствовать гуманизации общества и возвышению духовных потребностей личности. Здесь «нерентабельное» книгопроизводство нуждается во внерыночной государственной поддержке. Однако наше государство не спешит поддержать интеллигента-книжника. Исполнительный директор Ассоциации интернет-издателей Владимир Харитонов, задавшись вопросом, «какими словами можно сказать о том, что происходит с российской книжной индустрией», предложил на выбор два диагноза: *катастрофа* или *системный кризис*[9]. Хочется надеяться, что российская библиосфера переживает кризис, пусть даже системный. Ведь кризис, как известно, ассоциируется с тяжелым переходным состоя-

[6] Воропаев В.Н. Российское книгоиздание в первом полугодии 2015 года: назад, к 100 тысячам // Университетская книга. – 2015. Сентябрь. С. 27.

[7] Книжный рынок России. Состояние, тенденции, перспективы развития. Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – М., 2016. С. 7.

[8] Университетская книга. – 2016. Июнь. С. 6.

[9] Харитонов В. Катастрофа или системный кризис? // Университетская книга. -2015. Октябрь. С. 72–73.

нием, ведущим к улучшению или ухудшению состояния больного, а катастрофа – это летальный исход.

3. Глобальное бремя знания. Интернет уже сегодня обеспечивает библиографический поиск и электронную доставку релевантных запросам документов более полно и оперативно, чем традиционные библиотечно-библиографические учреждения. «Автоматические библиографы» способны обеспечить в массовом масштабе и со сравнительно небольшими экономическими затратами индивидуализированное (дифференцированное) распределение новых информационных поступлений (сигнальное информирование) между тысячами абонентов. Беда в том, что количественный рост информационных потоков не уменьшает, а увеличивает информационную нагрузку на отдельного человека, которая давно превысила гигиенические нормы.

Получается парадоксальная ситуация: автоматизация информационного поиска не облегчает, а напротив, усугубляет кризис текущего информирования. Как разрешить этот парадокс? Единственный выход: вновь обратиться к компьютерной технике, способной, как известно, решать такие задачи, которые не под силу человеческому интеллекту. Д.И. Блюменау справедливо заметил: «Одна из важнейших задач, которая ждет своего решения, заключается в том, чтобы передать компьютеру процедуру автоматического свертывания входного потока документов с целью формирования пакетов самостоятельных фрагментов, упорядоченных по тематике и их аспектной принадлежности. Образовавшаяся в результате такого свертывания база знаний будет информационной основой для формирования различных синтезируемых документов типа дайджестов, квазиобзоров, квазиконспектов и квазихрестоматий»[10]. Допустим, алгоритмически синтезированные «квазивторичные документы» избавят референтов от трудоемкой работы по реферированию и аннотированию первоисточников, но как избавить реципиентов от чтения «многопудовой квазиинформации»?

Гораздо сложнее преодолеть кризис ретроспективного поиска, заключающийся в том, что «мы не знаем, что мы знаем». В принципе, можно обеспечить контроль содержания оцифрованных фондов библиотек и архивов. Интеллектуальный робот-библиограф на основе информационно-поисковых тезаурусов сможет обнаружить все концепции (гипотезы, теории, законы), относящиеся к данной тематической области. Но исключить волнующую ученых ситуацию, когда «гениальные открытия сделаны, опубликованы и похоронены в фондах библиотек», таким путем не удастся, поскольку о степени гениальности открытия могут судить только люди, а никак не интеллектуальные компьютеры. Учитывая чрезвычайную сложность автоматизации семантических процессов, следует признать, что суть дела заключается не в имитации информационными технологиями продуктов человеческого интеллекта, а в разумном сочетании человеческих возможностей и возможностей техники. Конечной истиной развития аналитико-синтетической переработки информации является человеческое творчество, обслуживать которое призвана мощь компьютерной техники. При этом гордое человечество вынуждено согласиться с невозможностью разрешить кризис информации без использования потенциала интеллектуальной робототехники.

Удручают поистине необозримые пространства оцифрованной информации. Самые приблизительные подсчеты указывают ориентировочную цифру – более чем 2500 эксабайтов данных, расположенных на серверах по всему миру (1 эксабайт = 10^{18}байт). Подсчеты специалистов показывают, что если перевести эти данные в книжный формат, то можно покрыть территорию США или Китая 100 слоями книг. Где хранить эти массивы? Как в них ориентироваться? Неизвестно. Львиную долю этих «книг» образуют аудиовизуальные записи, метеорологические и космические данные, курсы акций, прочая бизнес-информация, и нужно каким-

[10] Блюменау Д.И. Информационный анализ / синтез для формирования вторичных документов: учебно-методическое пособие. – СПб: Профессия, 2002. С. 186.

то образом их упорядочить, ибо в постиндустриальном обществе информационный коллапс будет равнозначен социальной катастрофе. Непосильное бремя информации, которое стремительно увеличивается, становится глобальной проблемой современности, наряду с проблемами разоружения и предотвращения ядерной войны, угрозами терроризма и наркомании. Теперь в этот роковой ряд приходится включать и глобальный информационный кризис. Каким способом можно его разрешить? Невозможно сократить производство информации и знаний, нельзя последовать совету грибоедовского Фамусова: «уж коли зло пресечь, забрать все книги бы да сжечь». Единственный разумный выход – разработать новые эффективные средства и методы аналитико-синтетической переработки информации, в полной мере использующие мощь информационной техники. Здесь нужны нетривиальные творческие решения, и вполне вероятно, что многовековой опыт библиотечных классификационистов и трудолюбивых библиографов найдет применение при разработке глобальных информационных систем, избавляющих человечество от непосильного бремени знания.

4. Свертывание библиосферы. Без официального афиширования, но достаточно последовательно в стране осуществляется политика *свертывания библиотечных сетей.* Испарились сети партийных и профсоюзных библиотек, серьезно пострадали отраслевые и территориальные системы научно-технических библиотек, продолжается демонтаж централизованных библиотечных систем. Единственным крупным вкладом в библиотечное строительство стало открытие в мае 2009 года Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина. Необходимой инфраструктурой библиосферы является *книжная торговля*, служащая посредником между издательством и потребителями книжной продукции, включая библиотечную сеть, информационные службы и читательскую массу. Товарная продукция, поставляемая издательствами на книжный рынок, должна пользоваться платежеспособным спросом, в противном случае книгоиздательский институт лишается средств к существованию. Книготорговый социальный институт не только коммерческий посредник, но и один из индикаторов общей культуры общества. Об этом свидетельствуют факты: если в Советском Союзе во времена перестройки насчитывалось более 60 тысяч книжных магазинов и киосков, то в современной России существует меньше одной тысячи книготорговых учреждений на 146 миллионов населения. В то же время во Франции один книжный магазин приходится на 18 тысяч жителей, в Германии – на 17 тысяч.

Детальные данные относительно динамики изменения сети общедоступных библиотек в 2012–2015 гг., собранные сотрудниками РНБ, выглядят следующим образом[11]. На 1 января 2016 г. насчитывалось 43,3 тыс. библиотек, из них 256 центральных библиотек субъектов федерации, 36,6 тыс. муниципальных библиотек и 6,5 тыс. библиотек – структурных подразделений культурно-досуговых учреждения (КДУ) и других организаций. В сельской местности числятся 34,3 тыс. библиотек, что составляет 79 % от общего количества библиотек Министерства культуры. В течение последних трех лет темпы закрытия общедоступных библиотек нарастают. Из общего числа потерь за три года (1902), на 2015 год приходится 1113 библиотек, в том числе около 700 сельских, которые ликвидируются по причинам недостатка финансирования и малочисленности сельского населения. Во многих регионах ухудшение библиотечного обслуживания происходит из-за передачи библиотек в состав КДУ, где они превращаются в пункты выдачи литературы и утрачивают библиотечные кадры. Отмечается следующая закономерность: сначала сельская библиотека преобразуется в пункт выдачи, а затем этот пункт закрывается. Правда, параллельно идет процесс возвращения некоторых библиотек из клубной сети в библиотечную сеть. Реорганизация и сокращение общедоступной сети происходит и в городах. Так, в Москве библиотеки-филиалы ЦБС преобразованы в отделы, и вместо 453

[11] Аврамова М.Б. Библиотечная сеть: куда идем? // Библиополе. – 2015. № 9. С. 2–5; Она же. Муниципальная сеть: реструктуризация реальная и иллюзорная // Библиотека. – 2015. № 11. С. 2–6; Она же. Региональная политика: библиотечные полномочия и сетевые трансформации // Информационный бюллетень РБА. – 2015. № 75. С. 7—11.

библиотек их стало 278. Отмечается также устойчивая тенденция сокращения числа центральных библиотек, занимающихся библиотечно-информационным обслуживанием особых групп пользователей – детского и юношеского возраста, слепых и слабовидящих.

Разрушительные тенденции затронули не только общедоступную сеть Министерства культуры, но и сети отраслевых специальных библиотек. Несмотря на ежегодное удвоение мирового объема научной информации[12], практически распалась ГСНТИ, созданная в советское время для библиотечно-информационного обеспечения научно-технического прогресса в стране. Исчезли отраслевые институты и бюро научно-технической информации, ликвидированы территориальные центры НТИ вместе с их библиотечно-библиографическими подразделениями. Оказались невостребованными сотни научно-технических библиотек, работавших на предприятиях, в КБ и в НИИ страны. К счастью сохранилась головная организация сети НТБ – ГПНТБ России, которая является государственным депозитарием научно-технической литературы, держателем сводного каталога по научно-технической литературе, методическим центром для научно-технических библиотек.

Свертывание и реструктуризация библиотечных сетей, по-видимому, будут продолжаться, и наивно рассчитывать на возрождение единой государственной системы, насчитывающей сотни тысяч библиотек. Всероссийский опрос, проведенный в мае 2015 года фондом «Общественное мнение» (ФОМ), показал, что только 12 % россиян посещали библиотеку менее 6 месяцев назад, а остальные объяснили пренебрежение библиотечными услугами нехваткой свободного времени (33 %), скачиванием литературы из Интернета (23 %), покупкой литературы в магазинах (20 %), наличием обширной домашней библиотеки (18 %). При этом 30 % провинциальных респондентов полагают, что через 10–15 лет библиотеки с печатными книгами должны исчезнуть, а в Москве и Санкт-Петербурге «могильщиками библиотек» являются более 40 % населения[13]. Вывод получается такой: в обозримом будущем сети общедоступных и специальных библиотек в России станут *значительно меньше*, но спрос на библиотечно-информационные услуги *значительно возрастет.* Поэтому современная библиотека в информационном обществе XXI века должна быть *иной*, чем нынешняя библиотека. Какой – вот в чем вопрос.

5. *Кризис библиографии.* Инфраструктурное назначение библиографического института заключается в создании и поиске библиографической информации, необходимой для книгоиздателей, книготорговцев, библиотекарей, читателей-книголюбов и прочих субъектов документных коммуникаций. Здесь библиография выступает как вторичная документальная система, выполняющая в библиосфере поисковую сущностную функцию. Отсюда следует, что *библиография суть поисковая инфраструктура библиосферы.* Головным учреждением библиографической отрасли является Российская книжная палата (РКП), которая успешно обеспечивает издание текущих «летописей» отечественных книг, газетных и журнальных статей, нот, изопродукции, картографии, ведет статистику печати, хранит национальный Архив печати («книжную память нации», включающую в себя сегодня около 90 млн единиц хранения), осуществляет научные исследования в области библиографоведения и книговедения. Поэтому указ В.В. Путина в декабре 2013 г. о лишении РКП статуса самостоятельного учреждения и преобразования её в филиал ИТАР-ТАСС выглядит неоправданной антикнижной акцией.

6. Депопуляция библиотечной профессии. Министерство культуры РФ в ежегодном Государственном докладе 2015 года констатировало, что численность библиотечных работников, составлявшая в 2014 г. 147 тысяч человек, в 2015 уменьшилось до 141,2 тыс. человек, причем количество работников с библиотечным образованием сократилось на 2,5 тысячи. 26 сентября 2016 г. на совещании в Министерстве культуры сообщалось, что во всех вузах, осуществляю-

[12] Биктимиров М. Сетевые информационные ресурсы // Университетская книга. -2016. Июль-август. С. 70–71.

[13] Университетская книга. -2015. Июль-август. С. 11.

щих обучение по специальности «Библиотечно-информационная деятельность» (восемь вузов Минобрнауки и тринадцать вузов Минкультуры России) наблюдается отток студентов. В 2015 году по данной специальности в вузах Минкультуры обучалось 3590 студентов, было принято на обучение 873 человека, выпуск составил 566 специалистов; в 2016 году принято 504 обучающихся, а на 2017 год с учетом потребности регионов в библиотечных кадрах установлено 437 бюджетных мест. Для сравнения: в 2005 году обучалось всего 7086 студентов, было принято на обучение 1457 человек, выпуск составил 1161 человек. Таким образом, количество обучающихся по библиотечной специальности за последние 10 лет сократилось на 3496 человек (50,6 %), количество принятых на обучение сократилось на 584 человека (59,9 %), а выпуск специалистов сократился на 595 человек (48,7 %).

Библиотечная профессия всегда была уделом бессребреников и нестяжателей, способных, как отметил один интеллектуал, «долго существовать при безденежье и не жаловаться на плохие условия труда». Справедливая оценка труда библиотечного работника никогда не рассматривалась как серьезная социально-экономическая проблема. Библиотечно-профессиологическое исследование, проведенное нами в начале XXI века, выявило немало энтузиастов-книжников предпенсионного возраста и катастрофический дефицит молодежи. Хуже всего, что только 4 % выпускников высшей библиотечной школы планируют связать свою биографию с библиотечным делом, а 68 % предпочитают частное предпринимательство вне библиотечно-информационной сферы. Вырисовывается кошмар «разбиблиотеченных» библиотек, то есть учреждений без книг, без читателей, без библиотекарей, но с вывеской «библиотека».

2. Причины кризиса библиосферы делятся на объективные, не зависящие от воли государственной власти, и субъективные, обусловленные дурным управлением отечественной культурой и пассивностью библиотечного сообщества.

а) Объективный характер имеет *всемирно-историческая тенденция глобализации.* Глобализацию сопровождает информатизация, которая способствует вытеснению полиграфической коммуникации электронной цифровой коммуникацией. Глобальная сеть Интернет предлагает мировому сообществу в бесплатном круглосуточном доступе гигантские, непрерывно пополняемые и корректируемые массивы мультимедийной информации на любой вкус. Формируется новый антропологический тип – homo informaticus, оснащенный индивидуальными устройствами для мобильного доступа ко всему разнообразию цифровых информационных ресурсов и чуждый книжному чтению.

б) *Дегуманизация населения России.* Главным этическим противоречием техногенной цивилизации является диспропорция между стремительно растущей технологической мощью и упадком культурно-этических норм. Россия давно уже находится в зоне риска и риска, надо признать, весьма опасного. В конце прошлого века философ Мераб Мамардашвили написал, выражая общую обеспокоенность российской интеллигенции: «Я боюсь, что современная Россия становится зоной антропологической катастрофы, ибо слишком явственно проступают в её лике симптомы дегуманизации»[14]. Российским недугам посвящен необозримый массив официальных, публицистических, политических, научных, философских, футурологических и прочих публикаций, которые пестрят терминами «депопуляция», «деградация», «обнищание», «деиндустриализация», «дискредитация идей свободы и демократии», «криминализация», «коррупция», «беззащитность», «дестабилизация», «бездуховность», «обман, предательство, бесстыдство» и другими, сравнительно недавно не отличавшимися высокой частотностью в русском языке.

Растет социальное расслоение и ужесточается межэтническая вражда. У нас очень мало социально ориентированных предпринимателей, умных и деловитых чиновников, нет цивили-

[14] Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. – СПб: Азбука, Азбука-Атти-кус, 2011. С. 25.

зованного гражданского общества и авторитетной власти, пользующейся доверием населения. Имитация демократии и либерализма оборачивается апатией, аморальностью, беззаконием, социальной дезинтеграцией. Совесть, стыд, милосердие, альтруизм, интеллигентность старомодны и неактуальны. Мы живем в дегуманизирующемся обществе. Дегуманизация, то есть утрата облика человеческого, не только отвратительна, но и опасна. Дегуманизированная, одичавшая техногенная цивилизация нежизнеспособна, поэтому риск дегуманизации представляет собой прямую угрозу национальной безопасности страны.

в) Противоречие между динамичными социально-экономическими процессами глобализации и *консервативной этно-культурной идентичностью наций.* В глобальном информационном обществе, насаждающем вестернизованную цифровую массовую культуру, неизбежны беспощадные «столкновения цивилизаций», обусловленные демографическими диспропорциями и стремлением национальных государств сохранить свой суверенитет в экономическом и в политическом отношении[15]. Гарантом жизнеспособности нации является национальная культура. Народы, утратившие культурное наследие, теряют национальную идентичность (самосознание) и, следовательно, прекращают свое существование в истории человечества. Поскольку книжность является ядром национальной культуры, заботливое сбережение таких институтов национальной памяти, как библиотеки, архивы, музеи, необходимо для обеспечения суверенитета российской культуры в условиях глобального однообразия.

г) Субъективную мотивацию имеет *свертывание муниципальных библиотечных сетей,* осуществляющееся местными властями. Более чем двадцатилетний опыт показал, что мощный и дорогостоящий библиотечно-библиографический социальный институт, выращенный советским тоталитаризмом, не требуется постсоветской государственной власти. В советской стране библиотеки всех типов и видов были бойцами идеологического фронта, они были мобилизованы для выполнения идейно-воспитательных функций, и в этом заключались гарантии их существования. Находясь во враждебном окружении, советская власть содержала библиотеки, дворцы культуры, школы, как она содержала боеспособную армию и военно-промышленный комплекс. Когда победили Бурбулис и Чубайс, оказалось, что им требуются банки и биржи, а не массовые библиотеки. Псевдодемократическому государству не нужны никакие «опорные базы», кроме избирательных штабов и команд политтехнологов.

д) Еще одна субъективно обусловленная причина кризиса библиосферы – *пассивность и конформизм библиотечного сообщества.* Безошибочным индикатором низкой культуры нации является социальное положение работников культуры и, в частности, нищенская заработная плата библиотекарей, с которой они давно примирились. Следует признать, что никто не позаботится о библиотекарях, если они сами о себе не заявят. Каким образом? До сих пор библиотеки позиционировали себя как беспартийные учреждения, гостеприимно принимающие все партии. Такая позиция привела к тому, что в выборных структурах власти, от муниципалитетов до Государственной Думы, очень редко появлялись представители библиотечного сообщества, которые отстаивали бы интересы библиотек. Поэтому библиотекари всегда были в роли просителей, которые досаждают властям своими жалобами. Здравый смысл подсказывает, что нужно добиваться участия в управленческих структурах и делегировать во все органы власти энергичных интеллигентов-книжников, которые сумеют объяснить Правительству и Президенту, что выбор состоит в том, что строить – библиотеки или тюрьмы, что процветающие силовые структуры – это свидетельство уродства техногенной цивилизации, что гуманизм – необходимое условие жизнеспособности глобального информационного общества.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы определить перспективы преодоления кризиса и гарантии сохранения библиотек в эпоху великих перемен. С этой целью с позиции библиотечной интеллигенции рассмотрим культурно-историческую эволюцию отечествен-

[15] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд-во АСТ, 2003. 603 с.

ной библиосферы, её взаимодействие с динамично развивающейся информационной сферой, социальную миссию библиотечного института в информационном обществе. Подобное исследование предпринимается впервые, оно носит постановочный характер и рассчитано на дальнейшее развитие, дополнение и уточнение.

Глава 1
Понятие о культурном пространстве

1.1. Культурное пространство в контексте концепций культуры

«Культурное пространство» – одно из популярных понятий в современной культурологии, но понимается оно разными авторами неоднозначно. Все согласны с тем, что культурное пространство – это вместилище, среда обитания культуры, расхождения же обусловлены тем, что категория культуры трактуется по-разному, в зависимости от концепции, которой придерживается тот или иной культуролог. Под *концепцией* в данном случае понимается логически обоснованная или интуитивно ясная идея, могущая служить отправной точкой для развития теории или принятия управленческих решений. Чтобы упорядочить терминологию, в «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», принятые 9 октября 1992 года и действующие до сих пор, была включена «основополагающая законодательная» формулировка: *«Культурная деятельность* – деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей». Однако добиться однозначности не удалось, потому что понятие «культурная ценность» определено крайне широко и расплывчато, от «идеалов и норм» до «зданий и технологий». В результате во всех концепциях культуры говорится о культурной деятельности, но «субъекты культурной деятельности» и «пространство обитания культуры» понимаются по-разному.

Сбивает с толку ведомственно-отраслевая трактовка, в которой культура фигурирует как область деятельности культурно-просветительных и культурно-досуговых учреждений (библиотеки, дворцы и дома культуры, парки, музеи, театры и т. д.), находящихся под эгидой Министерства культуры. Культура отграничивается от образования, массовой коммуникации, науки, искусства, которые относятся к другим, «некультурным» ведомствам. С позиции этой трактовки словосочетания «культура и искусство», «культура и образование» не выглядят логически несоразмерными. Выходит, что учреждения Министерства культуры создают и распространяют культурные ценности, а другие социальные институты к этим ценностям отношения не имеют. Подобное понимание культуры выглядит произвольным и неубедительным. Ведь при изменении области, подведомственной Министерству культуры (такие случаи известны – достаточно вспомнить Наркомпрос, который ведал одновременно школами и внешкольными учреждениями, позже ставшими «учреждениями культуры»), приходится пересматривать ранее принятую концепцию культуры.

В научной литературе по теории культуры можно обнаружить, по крайней мере, пять «отправных точек», соответствующих пяти различным концепциям культуры и интерпретациям понятия «культурное пространство». Обратимся к известным нам концепциям для того, чтобы выбрать ту из них, которая наиболее полно соответствует сущности библиосферы и инфосферы.

1.1.1. *Социоатрибутивная концепция*, именуемая также функциональной, технологической или деятельностной, получила распространение в культурологии, социологии и социальной философии. Здесь культура понимается как неотъемлемый, искусственно созданный атрибут человеческого социума, соответствующий метафоре «вторая природа». Культура не наследуется биологически, а приобретается каждым новым поколением в результате освоения культурных ценностей предыдущего поколения (процесс социализации). Основополож-

ник социокультурного подхода Э.С. Маркарян (1929–2011) предлагал следующую аналогию: «Культура – это та сила, которая сплачивает человеческих индивидов в людское сообщество, подобно тому, как сила гравитации создает из отдельных атомов физические тела. Поэтому культура неотделима от общества, как тяготение неотделимо от материальной массы. Поле культуры заполняет и насыщает все социальное пространство, образуемое кооперированной человеческой деятельностью, оказывается как бы размытым по всему телу социального организма и проникающим во все его поры»[16].

«Тело социального организма» образуют общественно организованные секторы материального и духовного производства, сектор государственно-политического управления, семейно-бытовой сектор, обеспечивающий биологическое воспроизводство общества и непрофессиональное духовное творчество. Эти секторы взаимодействуют друг с другом посредством коммуникационных институтов. Поскольку все социальные секторы и институты занимаются созданием, сохранением, распространением и освоением культурных ценностей, их можно считать субъектами культурной деятельности, а «тело социального организма», то есть социальное пространство, правомерно интерпретировать как культурное пространство. Смущает то обстоятельство, что «некультурных» участков социальной жизни не обнаруживается; социальная деятельность совпадает с культурной деятельностью, а социум растворяется в культуре (или наоборот). Культурной в этом случае можно считать любую человеческую деятельность, включая физиологические процессы сна, питания и т. и., которые приобретают «культурные формы». К. Маркс справедливо заметил: голод есть голод, но голод, который утоляется при помощи ножа и вилки, совсем не тот голод, который утоляется зубами и когтями, рвущими сырое мясо.

Авторитетный российский культуролог А.Я. Флиер в заключении своей монографии, посвященной исторической динамике культуры, сформулировал следующий мировоззренческий вывод: «Все социальное культурно, а все культурное социально. Культура – это совокупность наиболее устойчивых форм коллективной (социальной) жизнедеятельности людей. Другой культуры просто не бывает. Поэтому понятия “культурное” и “социальное” – это лишь два разных ракурса взгляда на одно явление – исторически установившиеся порядки человеческих взаимодействий и взаимоотношений»[17]. Из этого вывода вытекает, что социальное пространство равносильно культурному пространству, а коммуникация социальных смыслов в социуме равносильна движению смыслов в культуре. Таким образом, социоатрибутивная концепция подтверждает очевидную истину, что библиосфера и инфосфера являются субъектами социального пространства.

1.1.2*. Духовно-смысловая концепция* исходит из постулата, что человека от животного отличает одухотворенность (осмысленность, целенаправленность) его действий. Говоря кратко, *культура – мир человеческих смыслов.* Более развернуто: «Культура предстает перед человеком как смысловой мир, который вдохновляет людей и сплачивает их в некоторое сообщество (нацию, религиозную или профессиональную группу и т. д.). Этот смысловой мир передается из поколения в поколение и определяет способ бытия и мироощущения людей»[18]. С точки зрения философских категорий материального и идеального, смысл – это человеческое идеальное, представляющее собой знания, эмоции, волевые побуждения. Сущность культуры в данном случае состоит в *духовном творчестве,* заключающемся в генерации (создании) и коммуникации (трансляции) смыслов во времени и пространстве.

---

[16] Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1983. С. 44.

[17] Флиер А.Я. Избранные работы по теории культуры. – М.: ООО Изд-во «Согласие»; изд-во «Артём», 2014. С. 302.

[18] Культурология: учеб, пособие для вузов / Сост. и отв. ред. А.А. Радугин. – М., 1996. С. 16.

Сотворенные смыслы могут овеществляться в создаваемых людьми материальных ценностях, а могут существовать в неовеществленной форме. Овеществленные смыслы, окружающие нас в городах и на селе, можно трактовать как *овеществленное культурное пространство* (материализованное культурное наследие) и как памятник культуры. В настоящее время в понятие культурного наследия включены не только уникальные архитектурные и историко-культурные объекты, но и ансамбли, исторические ландшафты, а также традиционные технологии и памятники духовной культуры (язык, традиции, фольклор)[19]. Комплектование, описание, хранение, охрана, осмысление и использование культурного наследия осуществляется музеями, выполняющими мемориальную функцию в качестве института социальной памяти. Библиосфера и инфосфера также выполняют мемориальную функцию, но объектами их деятельности являются не музеефицированное культурное или естественно-природное пространство, а специально созданные документы – носители смыслов в знаковой форме.

1.1.3. *Коммуникационно-семиотическая концепция,* именуемая также «информационно-семиотической концепцией», превосходно представлена в творчестве выдающегося отечественного филолога, культуролога и семиотика Ю.М. Лотмана (1922–1993), первооткрывателя идеи семиосферы. Вот максимально свернутая формулировка этой идеи: «Культура организует себя в форме определенного «пространства – времени" и вне такой организации существовать не может. Эта организация реализуется как семиосфера и одновременно с помощью семиосферы. Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации, становится содержанием семиотического текста» [20]. Подчеркивая «важность изучения семиотики культуры», Юрий Михайлович постоянно повторял, что «культура оказывается неразложимо единой семиотической структурой», выполняющей следующие коммуникативные и творческие функции:

1. Передача имеющейся информации (текстов).

2. Создание новой информации, то есть создание текстов, не выводимых однозначно по заданным алгоритмам из уже имеющихся, а обладающих определенной степенью непредсказуемости.

3. Память: способность хранить и воспроизводить информацию (тексты) [21].

Таким образом, концепция семиосферы отождествляет культурные ценности с текстами, выраженными теми или иными знаками (не обязательно в виде естественного языка), а культурную деятельность – с социально-культурной коммуникацией. Акцент делается на коммуникационной стороне культуры (трансляция, обработка, сохранение, освоение культурных ценностей в виде знаковых сообщений).

Взгляды Ю.М. Лотмана были одобрительно восприняты как в нашей стране, так и за рубежом. Одним из идеологов коммуникационно-семиотической концепции в современной культурологии является А.Я. Флиер, который уверен, что «культура всегда текст», «культура – система социальной коммуникации». Он аргументирует свою позицию следующим образом: «Культура состоит из множества разнородных явлений (материальных, интеллектуальных, социальных, художественных), которые при рассмотрении в определенном ракурсе являются её текстами. Именно культурными текстами обмениваются участники культурных коммуникаций и именно культурные тексты они воспринимают в качестве носителей передаваемой информации… Культурная коммуникация является одной из первостепенных социальных функций культуры, в существенной мере обеспечивая сам факт её существования. Культура

[19] Полякова М.А. Культурное наследие России. История охраны и современное состояние: учебное пособие. – М.: РГГУ, 2015. 388 с.

[20] Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб: «Искусство – СПб», 2000. С. 259

[21] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. С. 2–3.

вне коммуникации в принципе невозможна. Один человек не может создать никакой культуры. Вне коммуникации, вне обмена «культурными текстами», вне взаимопонимания и взаимодействия между людьми не может быть никакой культуры».[22]

Сказано эмоционально и убедительно, но все же воздержимся от отождествления культуры с коммуникацией, а культурного пространства – с пространством социальным. Дело в том, что культурная деятельность, помимо коммуникации в виде обмена культурными текстами, включает в себя создание новых текстов (творчество), о чем упоминал Ю.М. Лотман. Творчество в культуре имеет столь же существенное значение, как и коммуникация между людьми или долговременное хранение культурного наследия. Мало того, культуре свойственна функция инкультурации, то есть приобщения человека к культурным ценностям, которая отчетливо выражена в гуманистической концепции.

1.1.4. *Гуманистическая концепция,* которую правомерно назвать также антропоцентристской или этической, акцентирует роль культуры в формировании личности, рассматривая культуру как способ и меру «производства человека», а не вещественных изделий. В отличие от социоатрибутивной концепции, здесь содержание культуры видится не в машинах, сооружениях, орудиях труда и даже не в овеществленных или неовеществленных продуктах духовного производства, а в этических нормах, эстетических вкусах, мировоззренческих убеждениях, которые «делают человека человеком». Эта концепция исповедует гуманистический идеал всесторонне развитой личности. В отличие от прочих концепций, она отказывается признать продуктами культуры оружие массового уничтожения, ложь и клевету, считая их акультурными явлениями, проявлениями «мирового зла».

Всесторонне развитая личность – гармоничный результат двух противоположно направленных психопедагогических процессов: социализации и индивидуализации. Социализация, то есть освоение культурного наследия данного общества, есть чисто коммуникационный процесс, где социализирующийся индивид находится в роли реципиента. Индивидуализация нацелена на реализацию творческого потенциала (талантов, способностей, задатков) данного человека и готовит его к выполнению роли не реципиента, а творца – коммуниканта, создающего новые культурные ценности и вводящего в коммуникационные каналы культурные тексты. Понимая это, «гуманистические» культурологи заявляют: культурная деятельность «по самой своей природе есть не что иное, как коммуникативная (!) деятельность, как обмен сущностными силами между людьми»[23]. Получается вывод, уже известный нам из коммуникационно-семиотической концепции: культурная деятельность по существу своему есть деятельность коммуникационная – значит, область культуры совпадает с областью социальной коммуникации. Точнее, эти области пересекаются друг с другом, поскольку личностная физическая культура не имеет отношения к коммуникации, а бессознательно (интуитивно) осуществляемые коммуникационные контакты – например, интуитивное понимание – лежат вне культуры.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что коммуникационно-семиотическая и гуманистическая концепции существенно различаются по содержанию. Они рассматривают один и тот же объект – социальную коммуникацию – с разных сторон, то есть выделяют разные предметы изучения в данном объекте. Одна концепция рассматривает социальную коммуникацию как идейно нейтральный информационно-семиотический процесс, а другая – как процесс психолого-педагогический. Вследствие этого даются разные ответы на вопрос, что такое культурное пространство, и развиваются разные представления о его содержании. Культурологи и филологи, разделяющие коммуникационно-семиотический подход, толкуют о вращающихся в соци-

[22] Флиер А.Я. Избранные работы по теории культуры. М.: ООО Изд-во «Согласие»; изд-во «Артём», 2014. С. 223, 232.

[23] Культурная деятельность: опыт социологического исследования. – М., 1981. С. 54.

уме текстах, символах, языках и знаках культуры, а гуманистически ориентированные педагоги, философы и работники учреждений культуры занимаются воспитанием, просвещением, «инкультурацией» общающихся друг с другом людей. Ясно, что эти методологические подходы не отрицают, а дополняют друг друга, и оба заслуживают внимания. Мы вернемся к гуманистическим проблемам в главе 2, посвященной русской интеллигенции и книжной культуре.

1.1.5. Трансцендентная концепция отличается от предыдущих тем, кто выводит культуру за пределы общества. Если социоатрибутивные или коммуникационно-семиотические теории, при всей их широте, связывают культурное пространство с реальными человеческими сообществами, и в связи с этим остаются *материалистическими*, то трансцендентные теории склонны рассматривать смыслы культуры независимо от тех или иных социально-исторических условий, и поэтому их можно назвать *идеалистическими.* Отсюда название «трансцендентный», что значит «запредельный».

Трансцендентное понимание сущности культуры можно сформулировать следующим образом: культура – не способ делания чего-то и не совокупность каких-либо материальных или духовных ценностей, а относительно свободный творческий Дух, субъект человеческой Истории, воплощающийся в глубинных смыслах Культуры. Примером трансцендентного смысла является *смысл истории,* понимаемый как ответ на вопрос, в чем *цель* существования человечества. Религии объясняют смысл истории «божественным замыслом» (провиденциализм), философы-рационалисты заявляют, что история не имеет смысла, поскольку отсутствуют «универсальные исторические законы» (К. Поппер, теоретик «антиисторицизма»), либеральные политологи рассуждают о «конце истории» (Ф. Фукуяма), но большинство социальных философов, философов истории и культуры, предпочитает заниматься поисками смысла существования человечества, чтобы постичь его будущее.

Эти поиски обогащают культурологию открытием фактов и тенденций, объясняющих современное состояние культурного пространства и причины наблюдаемых явлений. Так, Н.А. Бердяев зимой 1919–1920 гг., в разгар гражданской войны, прочитал в Москве слушателям Вольной академии духовной культуры курс лекций о взаимосвязях священной небесной истории и земной секулярной истории, который послужил основой для его книги «Смысл истории». Особенно большой популярностью до сих пор пользуется монография Карла Ясперса (1883–1969) «Смысл и назначение истории», впервые опубликованная в 1949 году. В этой книге немецкий философ ввел понятие «ось мировой истории», которую, по его словам, следует отнести к духовным процессам, происходившим в период между 800 и 200 гг. до н. э., названный им «осевым временем». В это время произошел резкий поворот в истории. Появился человек такого духовно-интеллектуального типа, какой сохранился и по сей день, чему способствовали необычайные события, произошедшие почти синхронно и независимо друг от друга в разных частях света.

В Китае жили тогда Конфуций и Лао-Цзы, образовались многочисленные направления китайской философии. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в Индии, как и в Китае, были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, материализма, софистики и нигилизма. В Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки Илия, Исайя, Иеремия; в Греции это время Гомера и Софокла, философов Парменида, Гераклита, Пифагора, Сократа. В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, и заложены основы мировых религий. Ясперс пришел к выводу: «Во всех направлениях совершался переход к универсальности, выявлялось то, что, невзирая на все различия в вере, свойственно всему человечеству. Одно дело видеть единство истории и верить в него, руководствуясь только своим внутренним убеждением, и совсем иное – мыслить единство истории в коммуникации со всеми другими людьми, соотнося свою веру с сокровенной глубиной всех людей, объединяя

собственное сознание с чужим. В этом смысле о веках между 800 и 200 гг. до и. э. можно сказать: они составляют эмпирически очевидную для всех людей ось мировой истории»[24].

В современной культурологии в русле трансцендентного направления находится оригинальная *смыслогенетическая* концепция, разрабатываемая А.А. Пелипенко[25] и его последователями[26]. В этой концепции развивается новый взгляд на осевое время мировой истории, объединяющий философию культуры с исторической антропологией. Обобщая, можно сказать, что трансцендентные концепции культуры рассматривают в качестве культурного пространства всю Вселенную, антропогенез и эволюцию человечества.

Для целей нашего исследования трансцендентный подход представляется избыточным, а социоатрибутивная концепция – слишком прагматичной. При рассмотрении библиосферы и инфосферы наиболее приемлемо культурное пространство семиосферы, соответствующее коммуникационно-семиотической концепции культуры. В пространстве семиосферы различаются три рода коммуникационной культуры и, соответственно, три способа коммуникационной деятельности: *словесная культура* – устная коммуникация; *книжная культура* – книжная коммуникация; *мультимедийная культура* – электронная коммуникация. Книжная культура, в свою очередь, делится на три технологические формы: рукописание, мануфактурное книгопечатание, индустриальная полиграфия, которые концентрируются в библиосфере, образуя культурное пространство книжности. Мультимедийная электронная коммуникация реализуется в информационной сфере (инфосфере), являющейся пространством *информационной культуры.* Следовательно, библиосфера и инфосфера в качестве элементов культурного пространства занимают определенное место в структуре реальной социальной коммуникации. Эта структура многомерна. Помимо культурологического деления по способу реализации на словесность, книжность, мультимедийность, она дифференцируется по видам социальных субъектов, уровням и формам взаимодействия между ними, которые нуждаются в особом рассмотрении.

[24] Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. С. 32–48.

[25] Пелипенко А.А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 384 с.

[26] Костяев А.И. Смысловое пространство культуры. Теория, методология, практика исследования. – М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 2014. 240 с.

1.2. Исчисление коммуникационных ситуаций

Исходя из общего определения – ***смысловая социальная коммуникация*** *есть движение воплощенных в знаковой форме смыслов от коммуниканта к реципиенту в социальном пространстве и социальном времени,* – можно сформулировать два основополагающих понятия теории коммуникации, а именно:

коммуникационная деятельность есть *движение воплощенных в знаковой форме смыслов в социальном пространстве;*

социальная память *есть движение воплощенных в знаковой форме смыслов в социальном времени.*

Достоинство этих дефиниций в том, что они демонстрируют диалектическую взаимосвязь (единство противоположностей) коммуникационной деятельности и социальной памяти. В качестве коммуникантов и реципиентов выступают три субъекта, относящиеся к разным уровням социальной структуры: индивидуальная социализированная личность (И), социальная группа (Г), массовая совокупность (М). Коммуникация играет в жизни перечисленных субъектов весьма важную, хотя и различную роль.

Люди, как известно, рождаются не личностями, а индивидом биологического рода homo sapiens. Личности формируются в процессе социализации. Различаются первичная социализация в детском возрасте в кругу семьи и ближайшего (знакомого) окружения и вторичная социализация, продолжающаяся практически всю последующую жизнь. Главной целью *первичной социализации* является овладение навыком межличностного общения, где в качестве коммуникабельных знаков используется *естественный язык.* Этот навык представляет собой неотъемлемую коммуникационную способность формирующейся личности и служит предпосылкой для последующей вторичной социализации. Благодаря первичной социализации, ребенок становится *коммуникабельным существом.* Цель *вторичной социализации* состоит в том, чтобы коммуникабельный индивид стал полноценным членом общества в экономическом и социально-культурном отношении. Важнейшими составными частями вторичной социализации являются: а) формирование самосознания, личного Я, то есть осознание своего человеческого достоинства; б) профессионализация, то есть приобщение к определенной профессиональной группе, образовавшейся в результате общественного разделения труда.

Формирование личности предполагает овладение мировоззрением и социально-психологическими установками, ценностными ориентациями, этическими нормами и эстетическими предпочтениями, свойственными данному обществу. Здесь недостаточно контактов с привычным ближайшим окружением, возникает потребность в ознакомлении с культурным наследием своего народа и других народов. Для этого требуется обращение к массовой коммуникации. Содержанием *массовой коммуникации* являются социальные смыслы, знать и понимать которые необходимо, полезно, интересно всем членам общества. Социальными институтами массовой коммуникации в наши дни являются: 1) общее образование, школа, 2) искусство, художественная литература, фольклор, 3) религия, 4) средства массовой информации, в том числе Интернет, 5) учреждения культуры, включая публичные и универсальные библиотеки, 6) службы маркетинговой коммуникации (реклама, связи с общественностью и т. и.), 7) книгоиздательские и книготорговые фирмы.

Чтобы стать профессионалом, необходимо овладеть специальными знаниями, умениями, навыками соответствующей практической деятельности, а также профессиональной терминологией и приемами профессиональной коммуникации, принятыми в группе. Помимо естественного языка, профессионалы используют терминологию и знаковые средства, искусственно созданные ими для общения в своей профессиональной группе и непонятные другим членам общества. Можно дать следующее определение: *профессиональная коммуникация*

– специальная смысловая коммуникация, служащая для передачи профессиональных знаний и умений посредством искусственных знаковых систем. Основными институтами специальной коммуникации являются: 1) высшие и средние учреждения специального образования, 2) научная коммуникация, включающая в себя службы научной и технической информации, 3) специальные отраслевые библиотеки, 4) органы служебной информации, оперирующие сообщениями «для служебного пользования» или грифом секретности. Главное различие в деятельности массовых и специальных коммуникаций заключается в том, что первые ориентированы на массовые совокупности, вплоть до общества в целом, а вторые – на определенные профессиональные группы. Заметим, что функционирование массовой и специальной коммуникации обеспечивается профессиональными группами информационно-коммуникационных работников, среди которых важное место принадлежит специалистам библиотечно-информационной деятельности.

Итак, социализация личности предполагает последовательное включение индивида в три разновидности коммуникационной деятельности: во-первых, в первичную детскую коммуникацию, нацеленную на овладение родным естественным языком («мутер шпрахе», как говорят немцы) и навыками поведения в ближайшем окружении; во-вторых, в массовую коммуникацию, распространяющую смыслы, ориентирующие в жизни общества; в-третьих, в профессиональную коммуникацию, необходимую для профессионализации члена общества. Благодаря коммуникации происходит формирование личности, способной функционировать в пространствах современной культуры в качестве полноценного члена общества и сотрудника той или иной профессиональной группы.

Помимо социализированных личностей (И), в качестве субъектов социальной коммуникации выступают *коммуникабельные социальные группы* (Г). Специфические особенности этих групп обусловлены, во-первых, использованием собственной терминологии и знаковых систем; во-вторых, хранением документированной групповой памяти (субкультурного наследия группы); в-третьих, осознанием коммуникационных (информационных) потребностей; в-четвертых, формированием библиотечно-информационных служб, хранящих групповую память и удовлетворяющих коммуникационные потребности группы. Какие социальные группы можно считать коммуникабельными?

В социологии различаются малые и большие социальные группы. Малые группы, члены которых находятся в постоянном личном контакте, не нуждаются в информационном обслуживании, а их групповая память представляет собой сумму воспоминаний членов группы. Следовательно, семья, школьный класс и т. и. к коммуникабельным группам не относятся. Среди больших групп некоммуникабельными являются многочисленные и рассредоточенные социально-демографические группы (молодежь, женщины, пенсионеры, инвалиды и пр.), а также группы с общим имущественным цензом (богатые, малоимущие, нищие) и сословно-классовой принадлежностью. Дело в том, что эти группы не имеют общих социальных смыслов (знаний, умений, эмоций, стимулов), которые требовали бы передачи во времени и информационного обеспечения. Коммуникабельными являются профессиональные группы и общественные объединения (конфессии, политические партии, добровольные общества и союзы), которые можно назвать *целевыми социальными группами.* Целевые социальные группы берут на себя выполнение определенных общественных функций, что требует консолидации группы, фиксирования положительного опыта, сохранения и передачи его между членами группы. Ради этого целевыми группами создаются специальные информационно-коммуникационные системы. Наиболее сложной структурой обладает система научной коммуникации.

Наконец, обратимся к третьему социальному субъекту коммуникации – массовым совокупностям (М), представляющим собой множество людей, случайно оказавшихся вместе здесь и теперь. Для массовых совокупностей свойство коммуникабельности не характерно, но есть одно исключение, которое заслуживает особого внимания. Будем обозначать индексом М мас-

совую совокупность, представляющую собой *множество современников, проживающих в пределах государственных границ.* Это множество людей образует *общество* данной страны в данный исторический период. Общество (социум) характеризуется не только общностью территории и экономических отношений, но и общностью психического склада и общественного сознания. Оно является носителем живого национального языка, национального культурного наследия и национальной памяти, обеспечивающей культурную преемственность поколений. В процессе международного общения государственно-организованное общество выступает в качестве *коммуникабельной массовой совокупности* и именуется *нация*[27].

Субъекты коммуникационной деятельности взаимодействуют друг с другом, образуя, абстрактно говоря, шесть сочетаний, а именно: И – И, И – Г, И-М, Г – Г, Г-М, М-М. *Видами коммуникационной деятельности* будем считать сочетания, где в качестве активного, целенаправленного субъекта выступает И, либо Г, либо М. Назовем их, соответственно, *микрокоммуникацией, мидикоммуникацией, макрокоммуникацией.* Те сочетания, где И, либо Г, либо М выступают в роли объекта воздействия, назовем, соответственно, *межличностной, групповой и массовой коммуникацией*, понимая под ними *уровни коммуникационной деятельности.* В формулах сочетаний левый член обозначает активного участника коммуникации, а правый член – пассивного участника. Сочетания Г – И, М-И, М-Г исключены, так как группа не может активно действовать на межличностном уровне, так же как массовые совокупности не могут проявлять активность на межличностном и групповом уровнях. Классификацию видов и уровней коммуникационной деятельности наглядности ради можно представить в виде следующего перечня классов (перечневой классификации):

I. Микрокоммуникация
I А. Межличностная коммуникация
I Б. Микрокоммуникация на групповом уровне
I В. Микрокоммуникация на массовом уровне
II. Мидикоммуникация
II А. Межгрупповая коммуникация
II Б. Мидикоммуникация на массовом уровне
III. Макрокоммуникация = Массовая коммуникация[28]

На практике коммуникационная деятельность активных субъектов, в зависимости от поставленной ими цели, осуществляется в одной из форм – *познание, диалог, управление (услуга).* Под *коммуникационной ситуацией* будем понимать микрокоммуникацию (мидикоммуникацию, макрокоммуникацию), которая происходит без смены взаимодействующих субъектов и формы их взаимодействия. Оказывается, количество коммуникационных ситуаций конечно, и его можно представить в виде *исчисления*, то есть исчерпывающего перечисления всех возможных случаев коммуникационных взаимодействий с учетом вида, уровня, формы коммуникационной деятельности. Примерами аналогичных исчислений могут служить таблица умножения или таблица химических элементов Д.И. Менделеева. При перечислении коммуникационных ситуаций будем иметь в виду три обстоятельства. Во-первых, согласно требованию равноправия участников диалога, диалог возможен только между *одноименными*

[27] **В** современное политологии под **нацией** понимается «тип этноса, исторически возникшая социально-экономическая и духовная общность людей с определенной психологией и самосознанием» (Политология. Энциклопедический словарь. – М.: МКУ, 1993. С. 212).

[28] В литературе имеет хождение следующее определение: *«Массовая коммуникация* – систематическое распространение сообщений (через печать, радио, телевидение, кино, звукозапись, видеозапись) среди численно больших, рассредоточенных аудиторий с целью утверждения духовных ценностей и оказания идеологического, политического, экономического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей» (Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 348). В этом определении отнесены к массовой коммуникации микрокоммуникация на массовом уровне и мидикоммуникация на массовом уровне. Мы считаем массовой коммуникацией только М – М – например, диалог культур.

социальными субъектами, т. е. допустимы только сочетания И – И, Г – Г, М – М, а остальные сочетания запрещены. Во-вторых, при познании активным субъектом является реципиент, а не коммуникант, хотя именно последний служит источником передаваемых смыслов. В-третьих, нет четкой границы между управлением и обслуживанием (сервисом), ибо и в том, и в другом случае активен коммуникант, пассивен обслуживаемый (управляемый) субъект. Например, обучение – это одновременно и услуга, и управление.

Исчисление коммуникационных ситуаций представлено в таблице 1.1. В формулах приняты следующие условные обозначения: И – индивидуальная личность, Г – социальная группа, М – массовая совокупность; и – познание, д – диалог, у – управление (услуга). Поскольку не всякая социальная группа или массовая совокупность способны выступать в качестве активных субъектов коммуникации, индексом Г обозначены *коммуникабельные* целевые социальные группы (профессиональные группы и общественные объединения), а индекс М обозначает общество (нацию) в качестве *коммуникабельной* массовой совокупности. В формулах левый элемент представляет активного участника коммуникации, выполняющего в процессе познания роль реципиента, а в процессе управления (обслуживания) – роль коммуниканта. В процессе диалога происходит попеременная смена коммуникационных ролей.

Таблица 1.1 показывает, что теоретически возможны 15 коммуникационных ситуаций, которые распределены между тремя видами коммуникационной деятельности: микрокоммуникация (I), мидикоммуникация (II), макрокоммуникация (III). Эти виды деятельности происходят в различных социальных условиях: микрокоммуникация осуществляется в *обыденном* социальном пространстве и времени малых социальных групп; мидикоммуникация – в *общественно-организованном* пространстве и времени коммуникабельных групп, образующих социально-культурные институты или общественные объединения; макрокоммуникация реализуется в *международном* пространстве и *историческом* времени.

Таблица 1.1

Исчисление коммуникационных ситуаций

№№ п/п	Классы коммуникационной деятельности	Формула	Наименование коммуникационной ситуации
1.	I А. Межличностная коммуникация	И п И	познание человека или идеи
2.	I А. Межличностная коммуникация	И д И	беседа, обмен смыслами
3.	I А. Межличностная коммуникация	И у И	обучение, обслуживание
4.	I Б. Микро на групповом уровне	И п Г	познание социальной группы
5.	I Б. Микро на групповом уровне	И у Г	руководство коллективом
6.	I В. Микро на массовом уровне	И п М	социализация, познание среды
7.	I В. Микро на массовом уровне	И у М	публичное самоутверждение
8.	II А. Межгрупповая коммуникация	Г п Г	познание социальной структуры
9.	II А. Межгрупповая коммуникация	Г д Г	деловые переговоры, дискуссии
10.	II А. Межгрупповая коммуникация	Г у Г	маркетинг и менеджмент
11.	II Б. Миди на массовом уровне	Г п М	коллективное познание мира
12.	II Б. Миди на массовом уровне	Г у М	сервис, руководство обществом
13.	III. Макро (массовая) коммуникация	М п М	создание универсума знания
14.	III. Макро (массовая) коммуникация	М д М	глобальная коммуникация
15.	III. Макро (массовая) коммуникация	М у М	информационная война и мир

Рассмотрим более подробно особенности различных видов коммуникационной деятельности.

1.2.1. Микрокоммуникация. В таблице 1.1 представлены 7 ситуаций микрокоммуникационной деятельности, где индивидуальная личность выступает в качестве активного реципиента (познание, подражание) или активного коммуниканта (диалог, управление); в качестве же коммуникационных партнеров могут быть либо другой индивид, либо социальная группа, либо массовая совокупность, включая общество в целом. Содержание микрокоммуникации достаточно очевидно: на *межличностном* уровне это либо усвоение форм поведения, умений, внешних атрибутов коммуниканта, выбранного в качестве эталонного образца, либо понимание идеи – ***познание человека или идеи***, либо обмен идеями, доводами, предложениями между собеседниками – дружеская или деловая ***беседа, обмен смыслами,*** либо руководство поведением другого человека – ***обучение, обслуживание.*** На *групповом* уровне возможны либо познание, но не отдельного человека, а ***референтной группы,*** с которой индивид желает себя идентифицировать[29] (отметим, что встречается отрицательная установка, когда человек сознательно избегает признаков отвергаемой им группы), либо ***руководство коллективом*** – менеджмент, лидерство в группе. Наконец, на *массовом* уровне микрокоммуникационная деятельность служит для ***социализации, познания среды*** – освоения формирующимся человеком принятых в данном обществе норм, верований, ценностей, языка и правил поведения, чтобы «быть как все», и ***публичного самоутверждения***, т. е. завоевания оратором доверия и одобрения массовой аудитории посредством искусства красноречия.

Возникает практически важный вопрос: можно ли овладеть технологией успешной микрокоммуникации? Этот вопрос чрезвычайно значим для педагогов, деловых людей (бизнесменов), менеджеров, политиков, которые, по сути дела, являются *профессионалами микрокоммуникационной деятельности.* Интересует этот вопрос и людей, желающих иметь успех в обществе, достигать эффектного самовыражения и неформального авторитета в коллективе. Весьма важен он для библиотечных работников, непосредственно контактирующих с читателями. Наконец, умение непринужденно беседовать с незнакомыми людьми и поддерживать атмосферу доброжелательности в своей малой группе – гарантия делового успеха и семейного счастья. Однако знакомство с потоками учебной, научной и практической литературы приводит к однозначному выводу: микрокоммуникационную деятельность нельзя «выучить» по книжкам, здесь нет готовых рецептов, потому что она представляет собой ***искусство***, т. е. творчески-продуктивную, игровую, а не репродуктивно-ритуальную деятельность. Успех всякого устного выступления или письменного сообщения зависит, прежде всего, от личностного обаяния, способностей и дарований (харизмы) их авторов. Допустим, можно вызубрить «Письма к сыну» английского аристократа Филиппа Честерфилда (1694–1773)[30], но это не гарантирует приобретения великосветского шарма.

Социальные психологи представляют межличностное общение как социально-психологическое «осуществляемое с помощью средств речевого и неречевого воздействия взаимодействие между несколькими людьми, в результате которого возникают психологический контакт и определенные отношения между участниками общения»[31]. Это определение описывает внешние атрибуты микрокоммуникации, но не раскрывает её сущностную функцию. Надо признать, что в обширной учебной, популярной, методической литературе, посвященной различным микрокоммуникационным ситуациям, главное внимание уделяется описанию различных фактов и технологическим рекомендациям, а сущностные проблемы затрагиваются редко.

---

[29] Под **референтной группой** понимается группа, в которую индивид не включен реально, но которая выбрана им в качестве эталона для своего поведения, например, подражание купца дворянскому сословию или «нового русского» – аристократам духа.

[30] Честерфилд Ф. Письма к сыну. – М.: Мир книги, Литература, 2006. – 400 с. (Великие мыслители).

[31] Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольпа В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. – СПб: Питер, 2001. С. 12.

Исключением является фундаментальная по содержанию и популярно написанная монография коллектива авторов во главе с О.И. Матьяш[32], в которой обобщен российско-американский опыт изучения сущности межличностного общения людей.

В современной науке считается бесспорной истиной, что всякая личность (социализированный индивид) представляет собой *социальный конструкт.* Это означает, что человек формируется, живет и действует в социальном мире, проявляя себя посредством отношений с другими людьми, прежде всего, посредством межличностной коммуникации с ближайшим окружением (в детстве – родительская семья и школа, затем – социально-культурная среда, прежде всего, социально-культурные институты). Межличностная коммуникация оказывается необходимым фактором в процессе социального конструирования личности. Конструирование личности является реализацией *сущностной функции* микрокоммуникации, которую назовем *антропогенной (человекотворческой)* функцией.

Антропогенная функция реализуется в виде гуманистической и в виде технократической микрокоммуникационной деятельности. *Гуманистическая* направленность присуща диалогу – активному субъект-субъектному взаимодействию равных в каком-то существенном отношении личностей. Это равенство обусловливает возможность выразить их взаимодействие формулой Я – Ты[33]. Эта формула является гуманистической, потому что она предполагает понимание Ты как «другого Я», которое не может быть бездуховным Оно. Формула Я – Ты соответствует основному принципу (императиву) гуманизма, сформулированному Иммануилом Кантом (1724–1804): «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»[34]. Императив Канта выражает гуманистическую идею равноправия всех людей и призывает каждого относиться к другому по формуле Я – Ты.

Однако в социальной реальности далеко не всегда торжествует гуманизм, и поэтому наряду с гуманистическим диалогом микрокоммуникация может осуществляться в соответствии с формулой Я – Оно, которая выражает *технократическую направленность.* «Технократия» (от греч. techne – искусство, ремесло, мастерство, и kratos – власть) понимается как «власть техники» или «техника (технология) властвования». Микрокоммуникация в форме управления (приказ, внушение, убеждение) целенаправленно используется коммуникантом в качестве средства подчинения реципиента своей воле. Но управленческие технологии можно обнаружить и в подражании, и в негативных диалогах-конфликтах, и в дискуссиях оппонентов. Эти технологии красочно представлены в рекомендациях Дейла Карнеги (1888–1955), прославленного мастера управления людьми, произведение которого «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей»[35] в 2002 году было названо бизнес-книгой номер один XX столетия.

В заключение сделаем три вывода. 1) Микрокоммуникационная деятельность необходима в жизни каждого человека, потому что она выполняет сущностную антропогенную (человекотворческую) функцию. 2) Антропогенная функция реализуется в виде двух противоположно направленных действий: гуманистического конструктивного диалога и технократической деструктивной манипуляции. Гуманистическая микрокоммуникация есть творческое взаимопонимание в процессе сотрудничества равноправных людей по формуле Я – Ты. Технократическая микрокоммуникация есть средство конкурентной борьбы и манипуляции дело-

---

[32] Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С.А. Биби, Ж.В. Зарицкая. Под науч. ред. О.И. Матьяш. – СПб: Речь, 2011. – 560 с.

[33] Здесь Я понимается как автономное эго, самость, противопоставляющая себя «другому» в одушевленной и неодушевленной форме.

[34] Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 270.

[35] Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. В.П. Зинченко и Ю.М. Жукова. – М.: Прогресс, 1989. 544 с.

вых людей по формуле Я – Оно. 3) Микрокоммуникация осуществляется не только в условиях устной коммуникации, когда налицо непосредственный контакт между коммуникантом и реципиентом, но и в условиях книжной (документальной) коммуникации, когда реципиент (читатель) общается с миром книг, а не с их живыми авторами. Чтение – это процесс микрокоммуникации между автором и читателем, опосредованный книгой. Отдельная книга может служить либо гуманистической, либо технократической цели, оказывая соответствующее воздействие на сознание читателя. Задача разумного человека заключается в отборе тех книг, которые конструктивно обогащают его личность, и в отказе от манипулятивных изданий. В этом отношении может послужить образцом читательская деятельность философа-гуманиста Мишеля Монтеня (1533–1592), о которой он поведал в своих знаменитых «Опытах»:

«Книги сопровождают меня на протяжении всего моего жизненного пути, и я общаюсь с ними всегда и везде. Они утешают меня в мои старые годы и в моем уединенном существовании. Они снимают с меня бремя докучной праздности и в любой час дают мне возможность избавляться от неприятного общества. Они смягчают приступы физической боли, если она не достигает крайних пределов и не подчиняет себе все остальное. Чтобы стряхнуть с себя назойливые и несносные мысли, мне достаточно взяться за чтение; оно легко завладевает моим вниманием и прогоняет их прочь. К тому же книги неизменно повинуются мне и всегда встречают меня с той же приветливостью»[36].

1.2.2. *Мидикоммуникация* представляет собой коммуникационную деятельность, где в качестве активного субъекта выступает коммуникабельная социальная группа. Пять ситуаций мидикоммуникации, как показывает таблица 1.1, включают в себя *познание социальной структуры* (Г п Г) – основанная на подражании передача в социальном пространстве вещественных форм, языковых норм, стереотипов поведения и идей, эмоционально привлекательных для социальных групп (типичное явление – мода); ***деловые переговоры, дискуссии*** (Г д Г) – обычный способ кооперации, разрешения конфликтов и достижения соглашений между социальными группами; ***маркетинг и менеджмент*** (Г у Г) практикуется не только в коммерческой сфере (фирма-производитель – целевая группа потребителей товаров и услуг), но и в иерархических структурах (управленцы – исполнители), где контакты между группами четко регламентированы; ***коллективное познание мира*** (Г и М) превращается в коммуникационную проблему для национальных (этнических), религиозных, языковых меньшинств; ***сервис, руководство обществом*** (Г у М) осуществляется со стороны профессиональных групп, распространяющих смыслы, определяющие духовную и материальную жизнь общества.

Сущностная функция мидикоммуникации предопределена тем фактом, что без коммуникационного взаимодействия между социальными группами невозможно формирование социальной структуры, обеспечивающей целостность и качественную определенность социума. Никакие социальные системы, социальные институты и организации не могут развиваться в условиях изоляции от внешнего мира. Распространение творческих новаций в обществе – важнейший фактор социального прогресса. Поэтому сущностную функцию мидикоммуникации назовем *социогенной,* по аналогии с сущностной функцией микрокоммуникации, названной нами «антропогенной». Ключевое значение коммуникации в социогенезе[37] признавалось многими авторитетными обществоведами, которые акцентировали различные формы и виды коммуникационной деятельности. Габриель Тард (1843–1904) был первым классиком социологии, громко и отчетливо заявившим о необходимости научного изучения коммуникационных процессов и посвятившим себя этому изучению. В книге «Законы подражания» (1893)

[36] Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах: пер. с фр. Т. 3. – М.: Голос, 1993. С. 50.

[37] **В** социологии и социальной антропологии под **социогенезом** понимается эволюционный процесс происхождения и развития человеческого общества (социума).

Тард доказывал, что главным фактором социогенеза является социально-коммуникационная деятельность в форме *подражания*[38]. Язык, религия, ремесло, государство изначально были продуктами творчества индивидов-новаторов; затем другие люди стали подражать этим новаторам, и таким образом утвердились названные социальные институты. «Изобретение и подражание – таков основной элементарный общественный процесс», – делает вывод Тард. По его словам, «Общество – это подражание, а подражание – своего рода гипнотизм»; в обществе подражательность имеет такое же значение, как наследственность в биологии и молекулярное движение в физике. Глубокое исследование сущности социальной коммуникации осуществил немецкий социальный философ Никлас Думай (1927–1998). Выдвинув гипотезу о «невероятности коммуникации» вследствие невероятности адекватного понимания коммуниканта реципиентом (вспомним тютчевское «мысль изреченная есть ложь»), он опровергает её выводом о том, что без коммуникации «мы не смогли бы выжить». Думай показал, что самовоспроизведение социальных систем, именуемое в социологии *аутопойезис* (autopoiesis), происходит благодаря межгрупповой коммуникации – движению во времени их элементов.

Таким образом, социогенная сущностная функция мидикоммуникации признается многими авторитетными социологами и культурологами. Отметим также, что, как и в случае межличностной коммуникации, мидиком-муникация имеет гуманистическую (конструктивную) и технократическую (манипулятивную) направленность. Гуманистическую направленность выражает формула Мы – Вы, а технократическую – формула Мы – Они. Формула Мы – Вы свойственна социальному подражанию и деловым переговорам; формула Мы – Они соответствует маркетингу, менеджменту и руководству обществом. Типичным явлением социального подражания является мода. Мода претендует в индустриальных странах на роль одного из детерминантов социального поведения широких народных масс. Моде следуют те люди, которые желают выглядеть (не обязательно «быть») принадлежащими к передовой (современной) когорте, обладающими престижными ценностями, интеллектуально развитыми (оригинальность), эффектными внешне (элегантность). Для выражения смыслов моды служит один из языков культуры – *язык моды.* Язык моды состоит из знаков-образов (стандартов или объектов моды), которые подразделяются на *симптомы* (знаки-индексы) – наблюдаемые явления, свидетельствующие о наличии других, непосредственно не наблюдаемых явлений (например, прическа, макияж, татуировка) и *модели* – материальные предметы в виде фасона одежды, архитектурного стиля или манеры поведения, копирующие модные образцы. Материальные модели обладают документальным качеством, что позволяет считать их документами (экспонатами) определенной культурной эпохи.

Привлекательными мотивами участия в модной коммуникации могут быть ощущение повышения социального престижа за счет хотя бы внешнего приобщения к референтной группе; достижение психологического комфорта за счет обладания модными предметами; обогащение личностного мира новыми знаниями, чувствами предпочтениями, развитие художественного вкуса. Следуя моде, современный человек утверждает себя в собственных глазах и демонстрирует обществу свое «идеальное Я». Первооткрывателем библиотековедческого исследования читательской моды в нашей стране является В.Я. Аскарова, которая в 1984 году защитила диссертацию «Изучение читательской моды как средство совершенствования руководством чтением художественной литературы». Ею выработано понимание читательской моды как «динамической формы стандартизированного поведения читателей, проявляющейся в демонстративно избирательном отношении к произведениям печати в соответствии с культурными нормами референтной группы»[39].

---

[38] Тард Г. Законы подражания. – М.: Академический проект, 2011. – 304 с.

[39] Аскарова В.Я. Психология чтения и проблемы типологии читателей. – Л.: ЛГИК, 1987. С. 37. См. также: Аскарова В.Я. Развитие взглядов на моду в чтении: от эстетико-педагогического подхода к междисциплинарному // Вестник ЧГАКИ. -2012. № 2. С. 74–82.

Маркетинговая коммуникация представляет собой мидикоммуникацию на массовом уровне, соответствующую формуле Г у Г. В качестве управляющего субъекта выступает группа маркетологов, олицетворяющая компанию-производителя, а управляемым объектом является целевая аудитория – социальная группа (сегмент рынка), состоящая из потребителей продуктов и услуг данной компании. Простейшее определение маркетинговой коммуникации звучит так: *адресная передача сообщений о товарах или услугах целевой аудитории.* Потребность в коммуникационной деятельности такого рода обнаружилась во второй половине XX века в связи с изменением идеологии рынка: господствовавший ранее «рынок производителя», для которого характерно превышение спроса над предложением, стал вытесняться «рынком потребителя», где предложение превышает спрос. В новых условиях конкурирующие производители начали заботиться не только о повышении качества товаров и снижении их себестоимости, но и о формировании круга потребителей, предпочитающих продукцию данной фирмы. В наши дни маркетинговые технологии осваиваются некоммерческими организациями (НКО) социально-культурного профиля. Основными инструментами маркетинговой коммуникации являются реклама – оплаченное рекламодателем обращение к покупателю посредством СМИ, почтовой рассылки, рекламных щитов, плакатов и т. д.; связи с общественностью (public relations – PR) – коммуникационная деятельность, направленная на формирование внешней социальной среды, благоприятной и доброжелательной по отношению к данной организации; брендинг – создание и позиционирование уникального символа компании, ее продуктов и услуг в виде запоминающегося и внушающего доверие целевой аудиторией бренда (brand image – заводское клеймо).

В настоящее время практикуется гуманистический маскарад маркетинговой коммуникации, который трактуется как наступление эпохи *необрендинга*, присущей информационному обществу. Если в индустриальном обществе маркетологи рассматривали бренд как торговую марку, привлекающую взыскательных покупателей, то новый брендинг ориентируется не на формальные рыночные отношения, а на неформальную психологическую связь с каждым из клиентов. С этой целью следует не практиковать прямую рекламу фирменных товаров, а постараться ненавязчиво создать положительный имидж компании в социальных сетях и в блогосфере. Спрос на фирменную продукцию будет гарантирован тогда, когда сами клиенты, общаясь между собой, будут рекомендовать её друг другу.

Один из глубоких исследователей маркетинговой коммуникации, современный культуролог А.П. Марков пишет в своей книге: «Маркетинг предельно эгоистичен и «money-центричен». Запуская в мир свои коммуникативные щупальца (в СМИ, Интернет, массовую культуру), он всю свою колоссальную энергию направляет на достижение производственной эффективности, максимизацию прибыли, игнорируя при этом принцип разумности человеческих потребностей. Во имя повышения потребительского спроса в маркетинговых коммуникациях эксплуатируются главные *человечные* ценности – семья, здоровье, дети, любовь. Маркетинг руководствуется представлением о человеке как предмете манипуляций. Он исповедует и утверждает модель человека как существа одномерного, примитивного, поведение которого детерминировано стремлением удовлетворить элементарные потребности в удовольствиях, впечатлениях, развлечениях. Более того, маркетинговые технологии существенно расширили список разрешенных потребностей – сегодня производитель предлагает товары и услуги, удовлетворяющие и активизирующие самые низменные человеческие инстинкты и страсти»[40].

Критическая характеристика А.П. Маркова в полной мере относится к коммерческому маркетингу, действующему по формуле Мы – Они. Однако не исключается реализация не маскарадной, а подлинной гуманистической направленности согласно формуле Мы – Вы. В этом

[40] Марков А.П. Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность. – СПб: СПбГУП, 2005. С. 333–334.

случае имеет место *социальный маркетинг*, который определяется как коммуникация, использующая маркетинговые технологии не для извлечения прибыли, а для того чтобы принести пользу обществу и отдельным личностям. Идеология социального маркетинга соответствует целям и задачам некоммерческих (нонпрофитных) организаций (НКО) социально-культурной сферы, к числу которых относятся библиотеки.

С начала 1990-х годов, когда российские библиотеки стали активно выступать в качестве хозяйствующих субъектов, возникла идея использовать маркетинг в системе управления библиотекой. Практический (прикладной) библиотечный маркетинг нашел отражение в учебных пособиях В.К. Клюева, Е.М. Ястребовой, И.М. Сусловой[41]. Затем последовали другие учебные пособия, научные статьи и даже диссертации. Был сделан вывод, что социальная направленность и неприбыльный характер работы библиотеки указывают на необходимость широкого применения в этой сфере принципов социально-этического маркетинга, что открывает возможности для решения общественно значимых проблем. Сущность *библиотечного маркетинга* видится в управлении библиотекой, нацеленном на стимулирование спроса на библиотечно-информационные услуги и адаптацию к современным социально-экономическим условиям путем использования инструментов маркетинговой коммуникации. В крупных библиотеках организованы отделы (центры, сектора, группы) библиотечного маркетинга (маркетинга и инноваций, маркетинга и рекламы и др.), которые можно назвать центрами маркетинговой коммуникации, поскольку их задача сводится к обеспечению коммуникационных взаимосвязей «библиотека – читатель», «библиотека – общество», «библиотека – партнеры». Наиболее популярным инструментом библиотечного маркетинга является библиотечная реклама. Поскольку библиотечный маркетинг является разновидностью социального маркетинга, библиотечную маркетинговую коммуникацию можно признать гуманистической коммуникацией.

1.2.3. Макрокоммуникация, как показывает таблица 1.1, реализуется путем создания глобального ***универсума знания*** (М и М), ***глобальной коммуникации*** (М д М) и ***информационных войн и мирного сотрудничества*** (М у М). Если обратиться к истории России, легко обнаружить многочисленные факты макрокоммуникационных событий, начиная с Крещения Руси и заканчивая «холодными войнами» XX и XXI веков. Спор между западниками и славянофилами – это борьба *двух макрокоммуникационных идеологий.* Славянофилы утверждали право России на равноправный диалог с Западом и видели миссию России не в том, чтобы завоевывать Европу грубой жандармской силой, а в том, чтобы сообщить ей новые смыслы (православная этика, соборность, альтруизм), которые излечат дряхлеющую и загнивающую Европу от немощи (коммуникационная формула М у М). Западники подчеркивали принадлежность России к западной культуре и призывали воздерживаться от высокомерного духовного сепаратизма и по-прежнему охотно воспринимать достижения европейского прогресса, особенно в части науки, техники, демократии, эстетики (коммуникационная формула М и М). Либерализм, конституционная демократия, социал-демократия, марксизм – все это не российские, а импортные плоды. Пожалуй, только анархизм, украшенный именами М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, – отечественное произведение. Поучительным примером разрушительной мощи информационных технологий является «холодная война» между США и СССР (1948–1991), которая получила название «третьей мировой информационной войны»[42]. Холодная война закончилась поражением СССР – поражением не на полях сражений, а в виртуальном пространстве информационных войн. Политологи утверждают, что в наступившем столетии

[41] Клюев В.К., Ястребова Е.М. Маркетинговая ориентация библиотечно-информационной деятельности (Маркетинг в системе управления библиотекой): учеб, пособие. – 2-е изд. – М.: МГУКИ, 1999. – 99 с.; Суслова И.М. Практический маркетинг в библиотеках: учебно-методическое пособие. – М.: Либерея, 2004. 146 с.

[42] Третья мировая (информационно-психологическая) война. – М.: Эксмо, 2003. 448 с.;

информационные войны станут основным средством мировой политики, главным способом достижения экономической и политической власти. В плане подготовки к будущим сражениям разрабатывается теория и методология информационных войн, где изучаются такие проблемы, как эффективность правды и лжи в информационном противоборстве, методология обмана и психического воздействия на противника и т. и.

Упомянутые ситуации международного и межкультурного взаимодействия являются проявлениями *сущностной функции макрокоммуникации.* Областью реализации этой функции является *глобальный хронотоп*, представляющий собой единство международного пространства и исторического времени. В результате макрокоммуникационных взаимодействий происходят глобальные, всемирно-исторические изменения, поэтому логично назвать сущностную функцию макрокоммуникации *глобогенной (миротворческой).* Напомню, что сущностную функцию микрокоммуникации мы назвали антропогенной, потому что она является конструктивным фактором формирования личности; сущностную функцию мидикоммуникации мы назвали социогенной, учитывая, что она является конструктивным фактором формирования социума. Теперь рассмотрим влияние сущностной функции макрокоммуникации на процесс глобализации, которое оправдывает её наименование – глобогенной функции.

Глобализация – новое слово в современном научном и политическом лексиконе, но по сути дела за ним скрываются давно известные явления и, что особенно интересно для нас, явления коммуникационные. Первоначальное, наиболее грубое проявление глобализации – военная экспансия, стремящаяся к построению мировой империи. История знает немало примеров силовой глобализации, начиная с Римской империи и кончая Британским содружеством наций. Здесь преобладает *материальная коммуникация* – целенаправленное перемещение людей и материальных ценностей в глобальных масштабах. В эпоху Великих географических открытий (XV–XVII вв.) транспортная коммуникация приобрела всемирный масштаб, телеграфно-телефонная связь в XIX веке еще больше сблизила континенты, а радиорелейные каналы привели к образованию глобальной телекоммуникации в конце XX столетия. Таким образом, глобализация материальной коммуникации – состоявшийся факт.

Мировые религии и светские идеологии, претендующие на управление человеческим сознанием и бытием, всегда стремились к глобальному господству, используя для этой цели *социальные коммуникации.* Но их экспансия до сих пор не доходила до глобальных масштабов. Однако в настоящее время появились условия для *интегральной глобализации*, охватывающей все виды материальной и социальной коммуникации и претендующей на *коммуникационное всеединство.* Авторитетный политолог А.И. Уткин предложил следующее развернутое определение: «Глобализация – доминирующая после окончания холодной войны единая общемировая система, основанная на беспрепятственном перемещении капитала, на информационной открытости мира, на быстром технологическом обновлении, на понижении тарифных барьеров и либерализации движения товаров и капитала, на коммуникационном сближении, планетарной научной революции, межнациональных социальных движениях, новых видах транспорта, реализации телекоммуникационных технологий, интернациональном образовании» [43]. С коммуникационной точки зрения, современная глобализация представляет собой формирование всемирной макрокоммуникационной сети, основанной на высокопроизводительной компьютерной и телекоммуникационной технике.

Подводя итоги рассмотрения проблем макрокоммуникации, можно сделать следующие выводы. Макрокоммуникация в виде заимствования культурных достижений и межкультурного диалога может стать предпосылкой формирования глобального сообщества, основанного на общности экономических, политических и культурных устоев, то есть стать инструментом утверждения глобального гуманизма. Однако в настоящее время реализация гуманисти-

[43] Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2001. С. 9.

ческого потенциала глобализации затруднена вследствие корыстной политики частного капитала, нацеленной на извлечение максимальной прибыли из экономической и политической интеграции человечества.

Макрокоммуникация, связанная с решением глобальных политических и экономических задач, не свойственна библиосфере, поскольку последняя не выходит за национальные и государственные границы. В библиосфере в качестве субъектов коммуникационной деятельности выступают: а) читатели, б) профессионалы книжного дела; в) библиосферные институты. Эти субъекты осуществляют два вида деятельности: микрокоммуникацию (прерогатива читателей и профессионалов), которая реализуется посредством чтения и межличностного общения, и мидикоммуникацию (прерогатива институтов), осуществляемую в соответствии с профессиональными целями, нормами и методами. Сущностные антропогенные и социогенные функции, свойственные микрокоммуникации и мидикоммуникации, в значительной степени зависят от интеллигентности коммуникантов и реципиентов, участвующих в коммуникационных процессах библиосферы и инфосферы. Поэтому обратимся к проблеме русской интеллигенции и книжной культуре.

Глава 2
Русская интеллигенция и книжная культура

В соответствии с коммуникационно-семиотической концепцией культуры, которой мы решили придерживаться в нашем исследовании, в пространстве семиосферы различаются три рода коммуникационной культуры и, соответственно, три способа коммуникационной деятельности: *словесная культура* – устная коммуникация; *книжная культура* – книжная коммуникация; *мультимедийная культура* – электронная коммуникация. Книжная культура, в свою очередь, делится на три формы: рукописание, мануфактурное книгопечатание, индустриальная полиграфия, которые концентрируются в библиосфере, образуя культурное пространство книжности. Всякая культура создается людьми и для людей. Кто создавал книжную культуру в российском сословно-классовом обществе? Мы полагаем, что это были образованные и просвещенные люди, которых в Древней Руси называли книжниками, а в новое время – интеллигенцией. Однако А.П. Чехов и П.Б. Струве с нами не согласны. А.П. Чехов в одном из частных писем написал: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо её притеснители выходят из её же недр»[44]. В 1909 году «легальный марксист» П.Б. Струве в знаменитом сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи» написал: «Великие русские писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика» и «Толстой стоит вне русской интеллигенции»[45]. Получается абсурдный вывод: русскую культуру создавали неинтеллигентные люди.

Вместе с тем в конце XIX века писатель-народник Глеб Успенский (1843–1902) патетически восклицал, что интеллигенция – «всегда свет, и только то, что светит, или тот, кто светит, и будет исполнять интеллигентское дело, интеллигентскую задачу»[46]. Один из единомышленников Г.И. Успенского конкретизировал его эмоциональную метафору: «Кардинальный признак в понятии интеллигентности лежит в её общественном характере, не в одной сумме знаний, не в каких-либо формальных, классовых, сюртучных и других внешних признаках, а в её духовной сущности… Тот врач, для которого медицина – ремесло, который является слесарем от медицины, не понимает привходящих в неё элементов общественной миссии, – не интеллигенция»[47].

В наши дни противоречия между интеллигентофобами и интеллигентофилами обострились еще больше.

Социологи и писатели-постмодернисты всерьез рассуждают о «конце русской интеллигенции». Один из лидеров нашей социологии Н.Е. Покровский в статье, многозначительно озаглавленной «Прощай, интеллигенция!», проследив драматическую биографию русской интеллигенции, провозглашает: «Волею исторического случая мы оказались свидетелями и участниками окончательного разрушения интеллигенции и ухода её с исторической арены. Вместе с интеллигенцией уходит и мир её идеалов. Ему нет места в новой климатической ситуации»[48]. Почти банальным стало утверждение: «Цикл существования интеллигенции закончился. Она выполнила свои задачи настолько блестяще, что самоликвидировалась за ненадобностью»[49]. Петербургский книгоиздатель-просветитель Дмитрий Буланин недавно

---

[44] Чехов А.П. Собр. сочинений: В 12 т. Т. 12. Письма 1893–1904. – М., 1964. С. 273.

[45] Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1990. С. 138.

[46] Успенский Г.И. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. – М., 1956. С. 237.

[47] Елпатьевский С.Я. Из разговоров об интеллигенции // Русское богатство.-1904. № 1. С.68.

[48] Покровский Н.Е. Прощай, интеллигенция! // На перепутье (Новые вехи): Сб. статей. – М., 1999. С. 50.

[49] Ерофеев В. Энциклопедия русской души. – М., 2005. С. 246.

опубликовал книгу «Эпилог к истории русской интеллигенции», где сетует, что «в тех сумерках цивилизации, куда погрузилась Россия, для интеллигенции нет места»[50]. Предсказывается, что на смену незадачливым отечественным интеллигентам придут предприимчивые и здравомыслящие *интеллектуалы западного образца.* Окончательно сбивает с толку академик А.В. Петровский, который уверяет, что интеллигенция в качестве реальной социально-психологической группы *вообще никогда на Руси не существовала*, что интеллигенция – это фантом, миф, результат недоразумения. Поэтому разговоры о конце русской интеллигенции беспредметны, так как хоронить-то некого[51].

Конечно, не все умные люди жаждут расстаться с интеллигенцией. Так, писатель М.Н. Кураев одно из своих выступлений закончил патетически: «Вопрос «Нужна ли России в XXI веке интеллигенция?" равносилен вопросу «Нужна ли нам совесть?"»[52]. По мнению философа В.И. Толстых, «незачем и опасно подменять интеллигентность интеллектуальностью, что, увы, начинает входить в моду. Подмена опасная, потому что интеллектуал свободен от ответственности, он профессионал, и не более того, а интеллигент как раз с ответственности перед обществом и за общество начинается»[53]. Известный организатор отечественной науки Н.В. Карлов категорично заявил: «Интеллигенция будет существовать до тех пор, пока существует человечество. И для того, чтобы не перестать принадлежать человечеству, Россия должна развивать свою интеллигенцию, а интеллигенция – Россию»[54]. В нынешней научной литературе можно встретиться с панегириками типа «Подлинная интеллигенция – сгусток знания, квинтэссенция народной совести, катализатор перемен, ведущих народ, нацию, страну к свободе и справедливости, к высотам духовной культуры»[55]. Иногда эти панегирики приобретают метагалактические масштабы: «Представителем ноосферы на Земле является интеллигенция – носитель разума, интеллекта, прогресса, культуры и других ценностных категорий»[56].

Создается впечатление, что интеллигентофобы и интеллигентофилы имеют в виду разные социальные группы, которые по недоразумению именуются одинаково – «интеллигенция». Различие этих групп определяется не уровнем образования и творческой активности (представители обеих групп образованны и творчески активны), а присущим им *этическим самосознанием (этосом).* Именно этическое самоопределение служит критерием размежевания интеллигентов и интеллектуалов. Отличительным признаком интеллигентных людей служат совестливость, толерантность, отказ от насилия, а расчетливые интеллектуалы действуют по принципу «Цель оправдывает средства». Задача настоящей главы заключается в том, чтобы уточнить положение интеллигентов и интеллектуалов в культурном пространстве вообще и в библиосфере в частности.

---

[50] Буланин Д.М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. – СПб, 2005. С. 14.

[51] Петровский А.В. Интеллигенция при наличии отсутствия // Литературная газета. 2005. 19–25 октября.

[52] Кураев М.Н. Нужна ли России интеллигенция в XXI веке? Петербург. Интеллигент, Филистер // Феномен Петербурга: Труды 2-й международной конференции. – СПб, 2001. С. 154.

[53] Перестройка. Десять лет спустя. – М., 1995. С. 111–112.

[54] Карлов Н.В. Интеллигентна ли интеллигенция… // Вопросы философии. -1998. № 3. С. 10.

[55] Интеллигенция и власть: Сб. статей. Вып. 4. – М., 1992. С.6.

[56] Ворова Т. Роль и место интеллигенции конца XX века в социуме // Интеллигенция России: традиции и новации. – Иваново, 1997. С. 197–198.

2.1. Понятие об интеллигенции

***2.1.1**. Лексикография русской интеллигенции.* Лексикографический экскурс, посвященный слову «интеллигенция», естественно начать с истории его появления в русском языке, обзора значений этого слова и производных от него в различных контекстах. К счастью, эта кропотливая и трудоемкая работа уже выполнена несколькими авторитетными филологами, в числе которых академики Ю.С. Степанов и М.Л. Гаспаров. Ю.С. Степанов в своем фундаментальном лингво-культурологическом исследовании «Константы. Словарь русской культуры» посвятил концепту «Интеллигенция» довольно обширную статью[57]. Используя широкий круг философской, художественной, исторической литературы, он рассматривает дальнюю историю термина и концепта «интеллигенция», использование его в общественной жизни XIX и XX столетий, а также семантически связанные с ним концепты «мещанство», «диссиденты» и др. М.Л. Гаспаров посвятил свое эмоциональное по форме и глубокое по содержанию выступление актуальной историко-философской проблеме «Интеллигенция и революция»[58]. Он высказывает свои соображения по поводу роли интеллигенции в русской истории, интеллигентности творцов русской культуры, влиянии русской классики на общественное самосознание, сопровождая их многоаспектными примечаниями – филологическим, историческим, философским и др. Изменения значения слова «интеллигенция» в русском языке XVIII–XIX вв. проследили С.О. Шмидт[59]и Г.Н. Скляревская[60]. Не повторяя суждения названных авторов, но отталкиваясь от них, попытаемся воспроизвести лексикографическую историю понятия «интеллигенция» с учетом задач, поставленных в нашей книге.

Начнем издалека, с самого начала. Об интеллигенции знали древние римляне. Боэций (480–524), известный как «последний римлянин», в своем предсмертном «Утешении философией» называет интеллигенцией (intelligentia) «божественный разум», «высший способ познания»[61]. К термину «интеллигенция» обращалась немецкая классическая философия (Ф. Шеллинг, Г. Гегель), в смысле «самосознание народа», «дух народа» использовали его и русские философы. В «Опыте философского словаря», составленного А.И. Галичем, среди 217 научных терминов есть *«интеллигенция, разумный дух»*[62]. Таким образом, вырисовывается первоначальное, ныне почти позабытое, философско-теологическое значение слова «интеллигенция»[63].

В пореформенной России понятие интеллигенции профанировалось и приобрело содержание, зафиксированное во 2-м издании «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (1881): *«Разумная, образованная, умственно развитая часть жителей».* Поскольку обладающая стабильными социальными свойствами «часть жителей» есть социальная группа, определение В.И. Даля можно назвать социологическим. Эта трактовка с непринципиальными редакционными вариациями воспроизводилась другими дореволюционными словарями и энциклопедиями. Например: «Интеллигенция – слой общества, превосходящий другие

---

[57] Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. С. 610–633.

[58] Гаспаров М.Л. Записки и выписки. – М., 2000. С. 84–112.

[59] Шмидт С.О. Этапы «биографии» слова «интеллигенция» // Судьба российской интеллигенции: Материалы научной дискуссии. – СПб, 1996. С. 45–56.

[60] Скляревская Г.Н. Еще раз о русском слове «интеллигенция» // Русистика и современность. Материалы VII международной конференции. Т. 1. – СПб, 2005. С. 39–47.

[61] Боэций. «Утешение Философией» и другие трактаты. – М., 1990. С. 282.

[62] Галич А.И. Опыт философского словаря // Галич А.И. Опыт философских систем. Кн. 2. СПб, 1819. С.321.

[63] Теологической «интеллигенции» можно уподобить понимание интеллигенции как «виртуальной референтной группы», то есть идеального эталона, с которым люди охотно самоидентифицируются (Кустарёв А. Нервные люди. Очерки об интеллигенции. – М. 1999. С. 240).

умственной культурой» (Энциклопедический словарь: В 3 т. / Сост. М.М. Филиппов. – СПб, 1901); «интеллигент – более или менее образованный и умственно развитой человек; интеллигенция – умственно развитая часть общества или народа» (Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. – СПб, 1905) и др. Обратим внимание на то, что здесь отсутствуют какие-либо профессиональные или сословные ограничения: подразумевается, что любой образованный дворянин, разночинец, священник, чиновник или земский служащий может именоваться интеллигентом. Не учитывается и моральное достоинство: бессовестный, но просвещенный деспот, карьерист или мошенник с университетским дипломом признавался интеллигентом. Так или иначе, но произошло «опредмечивание» бестелесного интеллигентского духа в виде вполне осязаемого и наблюдаемого социального явления, также именуемого «интеллигенция».

Одновременно стало формироваться еще одно понимание интеллигенции, которое впоследствии закрепилось за разночинной молодежью, руководствовавшейся позитивистской этикой «разумного эгоизма» и критически настроенной по отношению к самодержавно-православной российской империи. В кружках интеллигентов-разночинцев образовалась своеобразная *субкультура*, то есть система норм и ценностей, резко отличавшая её последователей от прочей, умеренно либеральной «образованной публики». И.А. Бунин следующим образом описывал субкультурную интеллигентскую среду своего времени: «Жили они, в общем, очень обособленно от прочих русских людей, даже как бы и за людей не считая всяких практических деятелей, купцов, землевладельцев, врачей и педагогов (чуждых политике), чиновников, духовных, военных и особенно полицейских и жандармов, малейшее общение с которыми считалось не только позорным, но даже преступным, и имели все свое, особое и непоколебимое: свои дела, свои интересы, свои события, своих знаменитостей, свою нравственность, свои любовные, семейные и дружеские обычаи и свое собственное отношение к России: отрицание её прошлого и настоящего и мечту о её будущем, веру в это будущее, за которое и нужно было бороться»[64].

Описание интеллигентских кружков конца XIX века, сделанное наблюдательным писателем, хорошо согласуется с характеристикой субкультурных сообществ, принятой в социологии. Отличительными признаками этих сообществ являются обособление и откровенная оппозиционность по отношению к культуре господствующего общества (истеблишмента); наличие собственных харизматических лидеров (пророков, вождей), своего языка (жаргона), стиля поведения, обрядов; разделяемые членами группы общие ценности, идеалы, жизненные цели; присутствие игровой компоненты, придающей эмоционально-эстетическую привлекательность субкультуре. Именно субкультурный образ жизни провоцировал С.Л. Франка, Ф.А. Слепуна, Н.А. Бердяева на сравнение субкультурной интеллигенции с религиозным орденом или со старообрядчеством, отличавшимся развитым этическим самоопределением. В зависимости от идейных ориентаций, различаются этико-политическая и этико-просветительная субкультуры.

Стало быть, в начале XX века обозначились две одновременно существовавших трактовки русской интеллигенции: *социологическая и субкультурная* (этико-политическая и этико-просветительная), что обусловило полисемию термина «интеллигенция», к сожалению, ни одним лексиконом того времени не зафиксированную.

В советские времена как социологические определения в духе В.И. Даля, так и субкультурные трактовки были отвергнуты, и общепринятой стала *социально-экономическая* трактовка: «Интеллигенция – социальная прослойка, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом (ученые, инженеры, преподаватели, писатели, художники, врачи, агрономы, большая часть служащих)»[65]. Или: «Интеллигенция – общественный слой

[64] Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Соч. Т. 3. – М., 1994. С. 660.

[65] Большая советская энциклопедия: 2-е изд. Т. 18. 1953.

людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры» [66]. Предполагалось, что эти люди являются специалистами в своем ремесле, владеют соответствующими знаниями, умениями, навыками и никакими особыми морально-этическими качествами от прочего советского народа не отличаются. Принадлежность к интеллигенции обусловливалась родом занятий работника. Если кого-то *назначали на должность* учителя, инженера, писателя, то этот человек автоматически становился интеллигентом; если его освобождали от занимаемой должности, он выбывал из рядов советской интеллигенции.

Главные отличия официального понимания советской интеллигенции от социологических трактовок в дореволюционное время заключались, во-первых, в том, что первая мыслится как совокупность профессионалов, выполняющих определенные трудовые функции, а вторая – как совокупность «разумных и образованных» людей, независимо от их профессиональной занятости; во-вторых, в акцентировании экономической специфики интеллигенции – работники не физического, а умственного труда. Поэтому советскую трактовку рабоче-крестьянской интеллигенции мы назвали *социально-экономической.*

Важно отметить, что социально-экономическая трактовка неправомерно отождествляет понятия «интеллигент» и «специалист». Специалист умственного труда – это человек, удовлетворяющий духовные потребности общества путем создания, хранения и распространения духовных продуктов, пользующихся общественным спросом. В общем случае специалист работает по найму, он выполняет в пределах своей компетенции любые заказы, за которые ему платят. Интеллигент же осуществляет не любую хороню оплаченную работу, а только ту, которая не противоречит его совести и убеждениям. Интеллигент, будучи образованным и творчески активным человеком, как правило, является специалистом; специалист же, в зависимости от этического самоопределения, может быть интеллигентом, а может быть интеллектуалом. Таким образом, объем понятия «специалист» включает в себя объем понятия «интеллигент».

В монолитном корпусе советских тружеников умственного труда можно распознать, по крайней мере, три субкультуры с разной этической ориентацией. Во-первых, *кастовая* субкультура партийной номенклатуры со своими этическими нормами, авторитетами, образом жизни[67]. Эта субкультура единственная в своем роде, она не дает оснований для обобщения, поэтому исключим её из рассмотрения. Во-вторых, *этико-просветительная* субкультура, сохранившая, несмотря ни на что, альтруистические традиции интеллигенции Серебряного века. В-третьих, в конце 60-х годов в недрах советской интеллигенции возникла диссидентская *этико-политическая* субкультура, оппозиционная могущественному тоталитаризму. Эта интеллигентская субкультура – близкий аналог разночинной этико-политической субкультуры, сложившейся в пореформенной России XIX века, но с иными идеалами и ценностными ориентациями.

В постсоветское время интеллигентские субкультуры, исчерпав себя, самоликвидировались. Произошла дифференциация бывшей советской интеллигенции на две части: а) этически нейтральные специалисты, продолжающие, вопреки всему, заниматься своим привычным делом; б) рационалисты-прагматики, российские интеллектуалы, руководствующиеся нравственностью либерального предпринимательства в погоне за утилитарными ценностями и личным успехом. Кроме того, обнаружилась *этико-культурологическая* группа преимущественно гуманитарной элиты, активно исповедующая интеллектуальную свободу и высокие нравственные нормы – прежде всего, обостренную совестливость, – отвергающая мещанский эгоизм и утверждающая благоговейное отношение к национальной и общечеловеческой культуре.

---

[66] Большая советская энциклопедия: 3-е изд. Т. 10. 1972.

[67] Эта субкультура прекрасно представлена в книге: Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия, 1991. 624 с.

Для группы специалистов, следующих общепринятым этическим нормам, сохраняет силу социально-экономическое определение интеллигенции, принятое в советское время. Для интеллектуалов-рационалистов, естественно, годятся трактовки, принятые за рубежом, например, в словаре Уэбстера читаем: *интеллектуал* (intellectual) – «человек, обладающий превосходным интеллектом и полагающийся на свой интеллект больше, чем на чувства и эмоции»[68]. Строго говоря, для выявления значения термина «интеллектуал» следовало бы провести такой же лексикографический анализ, который был проделан для слова «интеллигент», поскольку в зарубежных лексиконах существуют разные трактовки интеллектуалов. Вот одна из них: «Человек, который (1) получил академическое или подобное ему образование, (2) никак не связан с хозяйственной жизнью и, прежде всего, не является рабочим, (3) выступает публично и стремится стать авторитетом в вопросах морали, политики, философии и мировоззрения»[69]. Далее выясняется, что чаще всего интеллектуалами являются журналисты, литераторы, художники, публично выступающие профессора университетов. Другая трактовка принадлежит классику американской социологии Роберту Мертону, который называет интеллектуалами лиц, посвятивших себя культивированию и формулированию нового знания, имеющих доступ к пополняемому ими общему фонду культуры и осуществляющих все это в свободное или в основное рабочее время[70]. Мертон не упоминает о морально-нравственных качествах интеллектуалов, но зато акцентирует их креативность и эрудированность. В рамках нашего исследования нет необходимости углубляться в зарубежную лексикографию, поэтому будем руководствоваться процитированной дефиницией авторитетного словаря Уэбстера, которая лежит в русле отечественных дискуссий об интеллигенции.

Этико-культурологическое понимание русской интеллигенции представляет собой гуманистическую реакцию на экспансию утилитаризма и технократизма. В качестве образца для подражания постсоветской молодежи предлагается не удачливый бизнесмен, «берущий от жизни все», а идеал «подлинного русского интеллигента», представляющий собой апологетический *этико-культурологический миф.* Сущность этого мифа в афористической форме выразил М.С. Каган: «Интеллигент – образованный человек с больной совестью»[71]. Живым воплощением идеала интеллигентности в 80-е-90-е годы стал академик Д.С. Лихачев. Возможно, в современной России обнаружится еще десяток или даже несколько десятков идеальных русских интеллигентов, но говорить о формировании этико-культурологической субкультуры мы не можем. Вместе с тем игнорировать эту интеллигентскую трактовку никак нельзя. Хотя в социальных структурах «образованным людям с больной совестью» принадлежит то же место, что и интеллигенции в философско-теологическом понимании, они вписали яркую страницу в интеллигентскую мифологию, очень полезную в педагогическом процессе.

В таблице 2.1 систематизированы в хронологическом порядке трактовки понятия «интеллигенция», имевшие хождение в России в XIX–XX веках.

Таблица 2.1

Трактовки понятия «интеллигенция» в XIX–XX веках

[68] Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – N.Y. 1989. P.738

[69] Бохеньский Ю. Сто суеверий. Краткий философский словарь предрассудков. – М., 1993. С. 66.

[70] Цит. по: Покровский Н.Е. Горячее дыхание власти // На перепутье (Новые вехи). Сб. статей. – М., 1999. С. 57.

[71] Каган М.С. Образованные люди с больной совестью // Судьба российской интеллигенции. – СПб, 1996. С. 57–60.

	Общекультурные	Субкультурные	
XIX век	*Социологическая:* «Разумная, образованная умственно развитая часть жителей» (В.И. Даль)	*Разночинная этико-политическая:* нигилисты, народники, боевики-террористы	*Разночинная этико-просветительная:* народные учителя, врачи, ветеринары и т. п.
Советский период	*Социально-экономическая:* «Социальная прослойка, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом» (БСЭ: 2-е изд. Т. 18. 1953).	*Диссидентская* – аналог разночинной, но с иной идеологией	*Этико-просветительная,* продолжающая традиции разночинцев
Постсоветская Россия	*Интеллектуально-рационалистическая:* «Человек, обладающий прекрасным интеллектом, и полагающийся на свой интеллект больше, чем на чувства и эмоции» (Webster Dictionary)	*Специалисты:* Люди, профессионально занятые умственным трудом, с обыденным этическим самосознанием	*Этико-культурологическая:* «образованный человек с больной совестью» (М.С. Каган)

Итак, «интеллигенция» – слово многозначное, имеющее, по меньшей мере, семь разных трактовок, приведенных выше: 1) исходная философско-теологическая, 2) социологическая в смысле словаря В.И. Даля, 3) этико-политическая, относящаяся к разночинным субкультурам XIX века и советскому диссидентству; 4) народническая этико-просветительная субкультура, в слабо выраженной форме сохранившаяся до наших дней; 5) советская социально-экономическая, распространенная на постсоветских специалистов умственного труда; 6) интеллектуально-рационалистическая, заимствованная за рубежом и подменяющая интеллигента интеллектуалом, 7) этико-культурологическая, развиваемая гуманитарной элитой постсоветской России. Предположим, что все трактовки, представленные в таблице 2.1, имеют какой-то общий корень и по существу своему не противоречивы, а совместимы друг с другом. Тогда возникает задача: выработать такие обобщающие формулы, которые учитывали бы исторически сложившуюся многозначность понимания русской интеллигенции. Назовем их формулами интеллигентности и интеллектуальности.

2.1.2. Формулы интеллигентности и интеллектуальности. Почему «интеллигентности», а не «интеллигенции» или «интеллигента»? Потому что «интеллигентность» есть исходное ключевое понятие, так сказать, главный семантический множитель, посредством которого можно выразить другие понятия. Интеллигент – это человек, обладающий качеством интеллигентности, а интеллигенция – множество (социальная группа) интеллигентов. Понятие «интеллектуальность» также является ключевым в своей терминологической группе. Раскрыв смыслы интеллигентности и интеллектуальности, мы определим сущность интеллигента и интеллектуала. Правда, сделать это непросто, потому что интеллигентность иногда понимается как «духовно-душевная одаренность, талант», который можно интуитивно почувствовать на уровне «субсенсорных проявлений, по микроэкспрессиям, неуловимым интонациям, жестам, взглядам» при помощи особого «нюха», шестого чувства и т. п.

Мы не будем апеллировать к мистическому «шестому чувству», а используем реальные лексикографические пособия. Обратимся вновь к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля. Формулировка этого словаря – «Интеллигенция – разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» – была общепринятой в XIX веке, недаром она воспроизводилась всеми дореволюционными энциклопедическими изданиями. Непременными признаками интеллигентности признавались во-первых, *образованность,* во-вторых, разумность, умственное развитие, то есть способность к духовному творчеству, или, говоря современным языком, *креативность.* Разумеется, понятие «образованность» исторически относительно. Во второй половине XIX века образованность предполагала начитанность, приобщенность к журнально-книжному миру, ориентированность в литературных течениях, короче говоря, книжную культурность, а в наши дни индикатором образованности стала *информационная*

культура, включающая в себя не только библиотечно-библиографическую грамотность и культуру чтения, но и владение информационными технологиями, открывающими доступ к электронной коммуникации. Информационная культура, точнее, информационная культурность как свойство личности стала в последнее десятилетие проблемой, активно обсуждаемой в отечественной библиотечно-библиографической литературе [72]. Хотя в этих обсуждениях не затрагивался вопрос о соотношении интеллигентности и информационной культурности, напрашивается, тем не менее, вывод, что, поскольку необходимым компонентом современной образованности стало владение информационной культурой, информационная культурность является отличительной чертой именно постсоветского поколения русской интеллигенции вообще, и, надо думать, библиотечной интеллигенции в частности.

Креативностью (творческими способностями) обладают все нормальные люди, но для индивидов с развитым интеллектов (интеллигентов и интеллектуалов в равной мере) характерна склонность к теоретическому обобщению, они думают не только о том, что есть, но и о том, что должно быть, интересуются далекими от ежедневного бытия вещами – например, «конечными ценностями», началами природы и общества, происхождением Вселенной. Они вырабатывают национальный литературный язык и специальные терминосистемы, выделяющие его представителей из простонародной массы. Надо заметить, что теоретическое мышление, культура речи, книжная культурность способствуют развитию не только чувства собственного достоинства и самодостаточности, но иногда – самомнения, снобизма и высокомерия, поэтому их нельзя называть обязательными качествами интеллигентного человека и включать в формулу интеллигентности. Столь же неприемлемо одностороннее акцентирование креативности, примером которого может служить бестселлер американского социолога Ричарда Флорида «Креативный класс: люди, которые меняют будущее», недавно изданный на русском языке[73].

Примем за основу два бесспорных элемента интеллигентности, названные В.И. Далем. Но этих элементов недостаточно. Образованность и креативность в совокупности представляют собой не интеллигентность личности, а *интеллектность*, то есть обладание интеллектом. Интеллект же образованного, умственно развитого человека может быть направлен на достижение *различных* жизненных целей. Жизненное целеполагание (понимание смысла жизни) зависит от этического самоопределения, то есть, говоря философским языком, *этоса*[74]. Этическое самоопределение санкционирует те жизненно важные смыслы и ценности, к достижению которых следует стремиться, те нормы и эталоны, которыми нужно руководствоваться в практической деятельности, те добродетели, которые желательно культивировать, и те пороки, которых следует избегать. Именно *этическое самоопределение* отличает интеллигента от интеллектуала, оно и является необходимым третьим элементом формулы интеллигентности. Этическое самоопределение либо вырабатывается самостоятельно – это удел духовно сильных личностей (аристократов духа), либо приобретается путем приобщения к какой-либо субкультуре.

В отличие от образованности и креативности – постоянных членов формулы, содержание которых предопределяется современным уровнем культуры – этическое самоопределение – переменная составляющая, направленность которой может меняться в широком диапазоне. Оно может быть ориентировано политически, и тогда перед нами представитель этико-политической субкультуры начала XX века; этико-просветительные и этико-культурологические кон-

---

[72] См., например: Гендина Н.И. Информационная культура личности в контексте формирования общества знаний // Библиотековедение. 2006. № 4. С. 15–17; Зиновьева Н.Б. Информационная культура личности: Введение в курс: Учебное пособие. Краснодар, 1996. 136 с.; Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докл. междунар. научной конференции. – Краснодар, 1996. 490 с.; Справочник библиотекаря. – СПб, 2000. С. 169–176.

[73] Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XX1, 2011.432 с.

[74] Этос (нрав, характер) – совокупность стабильных черт характера субъекта.

цепции интеллигентности акцентируют иные духовные ценности интеллигентного человека, главными из которых остаются гуманизм, альтруизм, толерантность, осуждение мещанского стяжательства и агрессивного насилия, бескорыстное служение культуре.

Получается следующая формула русской интеллигентности: ***интеллигентность*** – *интегральное качество личности, включающее в себя на уровне, соответствующем определенному поколению интеллигенции, образованность, креативность, этическое самоопределение (этос).* Словесную формулировку можно преобразовать в логическую формулу:

Интеллигентность = [C & V] – кТ, где приняты следующие обозначения:

– C – интеллектная постоянная: относительно высокая образованность + креативность;

– V – этическая переменная: принятое личностью этическое самоопределение;

– & – оператор конъюнкции (логический оператор И);

– кТ – коэффициент исторического времени, принимающий различные значения в зависимости от поколения интеллигенции.

Постоянная часть формулы показывает отношение к *сфере общественного производства*: образованный субъект, занятый умственным трудом. Переменная часть – этос – характеризует отношение к *сфере личностного потребления*, то есть к средствам удовлетворения потребностей и интересов. Разграничение интеллигентов и интеллектуалов происходит не в сфере производства, где они могут занимать одинаковое положение и выполнять одни и те же функции, а в сфере досуга, где осуществляется относительно свободная самореализация индивида.

Поколение интеллигенции – историческая общность, характеризующаяся типичными для нее мировоззрением, интеллектно-этическими идеалами, ценностными ориентациями, социально-психологическим складом. Смена поколений интеллигенции означает смену культурно-исторических эпох. Очевидно, что для каждого поколения интеллигенции свойственны свои, исторически обусловленные нормы этического самоопределения. В этих нормах выражаются: направленность личности – альтруизм или эгоизм; отношение к оппонентам (агрессивность) – толерантность или насилие; отношение к культуре – благоговейное почитание или потребительская эксплуатация. Согласно этико-культурологической и этико-просветительной трактовкам интеллигенции, этическая переменная интеллигента V должна обязательно включать в себя: а) альтруизм, б) толерантность, в) благоговение перед культурой. Уточним эти понятия.

Соотношение альтруизма и эгоизма – одна из активно дискутируемых проблем современной этики. *Альтруизм* будем понимать как ощущение ответственности за благополучие не только свое собственное и своих близких, но и других людей, общества, человечества в целом. Тот врач, который, несмотря на собственное недомогание, спешит к больному; тот солдат, который не покидает свой пост, вопреки угрозам его жизни; тот мыслитель, который ради принципов и убеждений, подобно Джордано Бруно, готов взойти на костер, – короче говоря, те люди, которые руководствуются чувством долга, а не своекорыстными расчетами, являются подлинными альтруистами. Согласимся с Н.Н. Моисеевым, который в качестве отличительной особенности интеллигентных людей называл «разумный альтруизм», непримиримость к «несправедливости и бедам общественного бытия», способность «подняться над узкими личностными интересами, интересами той или иной группы, способность думать над тем, что их непосредственно не касается»[75]. Альтруистический этос включает в себя признание *равенства* (равноценности) и *братства* людей, ощущение *потребности в других людях* и *братской любви* к ним. *Эгоизм* является этическим антиподом альтруизма. В нашем исследовании будем отож-

[75] Моисеев Н.Н. Атавизация и интеллигенция // Знание – сила. – 1990. – № 6. С. 13.

дествлять эгоизм с *себялюбием* и *своекорыстием,* хотя взыскательные этики различают эти понятия[76].

Толерантность (ненасилие) – межнаучное понятие, принятое в политологии, этике, культурологии, психологии[77]. При рассмотрении интеллигентности будем иметь в виду понимание толерантности как отказ от насилия и «отрицание принуждения как способа взаимодействия человека с миром, природой, другими людьми»[78]. Толерантность не означает примирение со злом, потакание злу своим бездействием. Напротив, она предполагает противление злу словом или неповиновением, бойкотом распоряжений злобной власти, но никак не силой оружия. Признанными идеологами движения ненасилия являются Лев Толстой, Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг.

Д.С. Лихачев особо подчеркивал: «Интеллигенты – это люди, исполненные духа терпимости к чужим ценностям, уважения к другим… Интеллигента можно узнать по отсутствию в нем агрессивности, подозрительности, комплекса собственной неполноценности, по мягкости поведения. Агрессивен только полуинтеллигент, теряющий себя в шаманизме “массовой культуры“»[79]. Отсюда следует, что интеллигент не может быть тираном и деспотом ни в частной жизни, ни в политике, ни в общественно-производственной сфере. Зато рациональная интеллектуальность вполне согласуется с деспотизмом, нигилизмом, цинизмом, ксенофобией, расизмом.

Благоговение перед культурой представляет собой, с одной стороны, самоидентификацию с национальной культурой и ощущение *бремени культурного наследия*, то есть осознание личной ответственности за сохранение культурных ценностей предков; с другой стороны, почитание культурных памятников других стран и народов в качестве общечеловеческого культурного наследия. Интеллигентный человек относится к произведениям культуры как к безусловной и абсолютной *ценности,* а ни в коем случае не как к утилитарному *средству.* Мне кажется, что сущность такого отношения хорошо выражает книжное слово «благоговение», которое современные словари определяют как «глубокое почтение, уважение, преклонение» [80]. Юридическим выражением интеллигентского благоговения перед культурой может служить «Декларация прав культуры», разработанная академиком Д.С. Лихачевым [81].

Мы получили исходную формулу интеллигентности, которая соответствует фигуре *интеллигента-гуманиста*, этическое самоопределение которого включает в себя альтруизм + ненасилие + благоговение перед культурой. Думаю, что она годится не только для этико-культурологических, но и для философско-теологических формулировок, ведь «разумный дух» безнравственным быть не может. Аналогично можно построить исходную формулу интеллектуальности, которая выглядит так же, как формула интеллигентности, а именно:

Интеллектуальность = [C & V] – кТ

Совпадают и словесные определения формул. Формула интеллектуальности соответствует этико-политической субкультуре и интеллектуалам западного образца. Главное её отличие от формулы интеллигентности заключается в том, что этическая переменная V имеет иное содержание, ибо разумные эгоисты и интеллектуалы, согласно определению, руковод-

[76] Современный взгляд на проблему альтруизма и эгоизма хорошо представлен в книге Гуревич П.С. Этика: учебник для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 416 с. Здесь даны толкования не только понятий «альтруизм» и «эгоизм», но и понятий «жертвенность», «своекорыстие», «разумный эгоизм» (с. 158–175).

[77] Толерантность / Общ. ред. М.П. Мчедлова. – М.: Республика, 2004. 416 с.

[78] Макарова Н.И., Наливайко Н.В. Насилие – ненасилие в современном образовании. – Новосибирск, 2004. С. 151.

[79] Лихачев Д.С. Я вспоминаю. – М., 1991. С. 252.

[80] Большой толковый словарь русского языка. – СПб, 1998. С. 81.

[81] Конгресс российской интеллигенции. – СПб, 1998. С. 266–274.

ствуются разумом, а не эмоциями и чувствами (значит, им чужды моральные эмоции сострадания, привязанности, благоговения, чувства совести и стыда). Место альтруизма в формуле интеллектуальности занимает эгоизм, место толерантности – интолерантность (нетерпимость), практикующая насильственные методы по принципу «Цель оправдывает средства», вместо благоговения перед культурой – потребительское использование её в качестве источника комфорта и развлечения или для достижения своекорыстных целей – например, идеологического манипулирования массами. В связи с этим интеллектуалу свойственны культурная индифферентность, готовность адаптироваться к любой культурной среде, отказ от самоидентификации с определенной национальной культурой. Нарисованную фигуру интеллектуала назовем *интеллектуал-циник*, учитывая, что её этическое самоопределение характеризуют эгоизм + насилие + потребительское отношение к культуре. Как известно, циник – безнравственный человек, использующий любые средства для достижения своих целей.

Наконец, представим формулу интеллектности, соответствующую социологической и социально-экономической трактовкам интеллигенции. Поскольку в этих трактовках отсутствует этическое самоопределение, формула упрощается и выглядит следующим образом:

Интеллектность = С – кТ

Отсутствие в формуле интеллектности этической составляющей не означает, что реальные субъекты этически нейтральны. Ведь не зря дореволюционную интеллигенцию обвиняют в нигилизме и фанатизме, а советскую интеллигенцию упрекают в конформизме и сервилизме, легко перераставших в «рептильную приспособляемость и рабскую угодливость». Интеллигент-гуманист и интеллектуал-циник – это крайности, противоположные полюса, между которыми располагаются промежуточные этические фигуры. Помимо гуманиста, имеются три интеллектные (умственно развитые) фигуры, включающие в себя альтруистическую направленность личности: квазигуманист, использующий насилие ради достижения идеологически санкционированных и альтруистически переживаемых целей – например, утверждение христианства или реализация партийной программы; скептик – высоко образованный и вольномыслящий альтруист, отвергающий насилие и критически оценивающий современную культуру, а не благоговеющий перед нею[82]; наконец, нигилист, не только подвергающий сомнению общепризнанные культурные ценности, но и склонный к их разрушению, ибо, как говорил тургеневский Базаров, «место надо расчистить». Причем, справедливо заметил С.Л. Франк, русский нигилист является не эгоистом, а альтруистом, поскольку, он заботится «о насущном хлебе для всех или большинства»[83].

Эгоистическое самоопределение не менее разнообразно. Эгоист может быть злым и жестоким циником или, напротив, добрым и сострадательным человеком; он может варварски потреблять продукты культуры, а может быть их фанатичным поклонником. В общественной жизни, да и в быту часто сталкиваешься с интеллектуалом-деспотом. Деспотизм, конечно, чужд альтруизма и толерантности, но он базируется на некоторых культурных ценностях – прежде всего, определенной идеологии. Содержание идеологии не имеет значения, важно, чтобы она способствовала укреплению власти деспота. Особый вид деспотизма – культ собственной личности *{нарциссизм),* когда собственное Я становится высшей культурной ценностью, ради блага которой оправдано применение любых средств. Эгоистические личности представлены еще двумя фигурами: сноб, отвергающий насилие и уважительно относящийся

[82] Скептицизм понимается здесь как философская позиция, характеризующаяся сомнением в существовании надежных критериев истины. В эпоху Просвещения скептицизм отождествлялся со свободомыслием (М. Монтень, П. Бейль и др.).

[83] Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М, 1991. С. 182.

к культуре[84] и конформист, толерантный, но идейно беспринципный человек. В общей сложности получается *восемь интеллектных фигур*, имеющих различную этическую ориентацию. Вот они:

ГУМАНИСТ = альтруизм + толерантность + благоговение перед культурой;
КВАЗИГУМАНИСТ = альтруизм + насилие + преданность идеологии;
СКЕПТИК = альтруизм + толерантность + критика ценностей культуры;
НИГИЛИСТ = альтруизм + нетерпимость + отрицание ценностей культуры;
ДЕСПОТ = эгоизм + насилие + насаждение собственных ценностей;
СНОБ = эгоизм + толерантность + признание современной культуры;
КОНФОРМИСТ = эгоизм + покорность + индифферентность к культуре;
ЦИНИК = эгоизм + нетерпимость + потребление культуры.

Важно обратить внимание на то, что других вариантов этического определения *быть не может*, потому что исчерпаны все возможные сочетания этических параметров. Стало быть, представленный перечень является *конечным исчислением* интеллектных фигур. Конечно, наименования фигур приняты условно ради удобства обращения к ним, и, вероятно, возможны более удачные формулировки. Но дело не в словах, а в том, чтобы решить, какие из них относятся к интеллигентам, а какие – к интеллектуалам. Наиболее подходящим критерием для этого может служить *толерантность*: интеллигент – это человек, не способный к насилию, а интеллектуал – человек, действующий по принципу «Цель оправдывает средства». Тогда получаются *два класса интеллектных фигур*, которые обыденное сознание оптом относит к интеллигенции:

фигуры интеллигентов – ГУМАНИСТ, СКЕПТИК, СНОБ, КОНФОРМИСТ;
фигуры интеллектуалов – ЦИНИК, ДЕСПОТ, КВАЗИГУМАНИСТ, НИГИЛИСТ

Очевидно, что восторг интеллигентофилов – «интеллигенция – чудо!» вызывают гуманисты, иногда – квазигуманисты, но никак не деспоты, циники или конформисты. Интеллектуально развитых циников, деспотов и конформистов клеймят интеллигентофобы – «интеллигенция – чудовище!», ошибочно принимая их за полномочных представителей класса интеллигентов. Приведенные формулы наглядно демонстрируют варианты этического самоопределения «разумных и образованных» личностей, которые, конечно, нельзя оценивать однозначно. Поэтому сделаем несколько комментариев по поводу выведенных формул.

1. *Правда и ложь.* Обратим внимание на то, что как в классе интеллигентов, так и в классе интеллектуалов представлены альтруистические и эгоистические фигуры. Альтруизм, в отличие от эгоизма, не нуждается в лицемерии, скрытности, обмане. Альтруист, свободный от своекорыстных расчетов, способен *жить по правде, а не по лжи,* в отличие от эгоиста, в той или иной мере допускающего ложь, хитрость, предательство ради достижения личных целей. Включение в этическое самоопределение интеллигента или интеллектуала альтруизма означает, что *правдивость* становится его неотъемлемой чертой. Суть правдивости хорошо сформулировал И.В Карлов: «Интеллигентность беззастенчиво опровергает любимые и привычные заблуждения. Она говорит горькую правду. Для нее нет запретных тем, нет излишне деликатных вопросов, нет авторитетов, нет сакральной истины. Именно это раздражает. Именно за это её не любят»[85]. Стало быть, гуманисты и квазигуманисты, скептики и нигилисты предпо-

[84] В соответствии с современным словоупотреблением, сноб – «человек, считающий себя носителем высшей интеллектуальности и изысканных вкусов» (Большой толковый словарь русского языка. – СПб, 1998. С. 1223).

[85] Карлов Н.В. Интеллигентна ли интеллигенция… // Вопросы философии. -1998.-№ 3. С. 16.

читают «жить по правде», а деспоты, снобы, конформисты и циники не могут обойтись без лжи. Можно сказать, что в нашей формуле интеллигентности правдивость *подразумевается* в составе этического самоопределения в качестве непременного элемента. Вместе с тем гуманистическая правдивость не должна быть бестактной и жестокой, она может допускать «ложь во спасение» во имя милосердия. Требуя правдивости, альтруизм обусловливает присущие интеллигентным людям доброжелательность, скромность, честность, уважительное отношение к окружающим. Исключаются высокомерие и спесь, самоутверждение за счет унижения других, цинизм, холуйство и хамство. Недопустимо присвоение чужого – от чужого имущества до чужой идеи.

2. *Оппозиционность,* понимаемую как отчуждение от государства и враждебность ему, авторы мифа об уникальности русской интеллигенции называют в качестве сущностного и неотъемлемого её признака. На этом основании интеллигенции инкриминируется разрушение российской империи и установление большевистской диктатуры. Мы не включили оппозиционность в формулу интеллигентности не только потому, что она свойственна только отдельным радикальным субкультурам, а не интеллигенции в целом. Это решение продиктовано также следующими логическими соображениями. Согласно определению, альтруизм предполагает заботу о благе общества. Как известно, общество и государство не совпадают. Если государственная власть угнетает общество, альтруистическая этика диктует интеллигенту встать в оппозицию по отношению к такой власти. Если же государство является подлинно демократическим и заботится о благе своих граждан, потребность в оппозиции не возникает. Стало быть, интеллигентность не обязательно сопровождается оппозиционностью и тем более – анархической антигосударственностью. Для эгоистически ориентированного интеллектуала проблема оппозиционности неактуальна, потому что он готов сотрудничать с любой властью, в том числе деспотической или тоталитарной, в личных своих интересах.

3. *Патриотизм и интеллигентность.* Субкультурную интеллектуальную молодежь, начиная с нахальных нигилистов, разумные люди обвиняли в беспочвенности, антипатриотизме, космополитизме, и не без основания. Эти упреки справедливы в той мере, в какой они обращены к людям, отвергающим русскую национальную культуру. Этическое самоопределение гуманиста, квазигуманиста, иногда сноба, как показывают их формулы, включает в себя почитание, уважение, благоговение, предполагающие служение национальной культуре. Это служение представляет собой создание, хранение, распространение и освоение национальных культурных ценностей. Излишне подчеркивать патриотическую сущность подобного служения, излишне доказывать, что благоговеющий перед памятниками отечественной культуры русский интеллигент (не интеллектуал!) не может не быть русским патриотом.

2.1.3. Сказание об академике Д.С. Лихачеве. Общепризнанным символом, можно сказать, идеалом русской интеллигенции давно уже стал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999). Не случайно 2006 год, год столетия академика, Указом Президента В.В. Путина объявлен в Российской Федерации «Годом гуманитарных наук, культуры и образования – Годом академика Д.С. Лихачева»[86]. Сам Д.С. Лихачев в своих научных и публицистических выступлениях неоднократно приводил собственное понимание интеллигентности, благодаря чему можно построить *модель интеллигента по Лихачеву.* Разумеется, эта модель воплощена в жизненном пути академика, его личной научной и общественной деятельности. Правда, Дмитрий Сергеевич никогда не называл себя *интеллигентом-книжником,* хотя всю свою жизнь изучал труды древнерусских книжников, был страстным поборником и хранителем книжной культуры. Достаточно вспомнить его замечательные слова: «Библиотеки – это центр культуры, самый основной наш культурный фонд, поэтому относиться к библиотекам нужно с особенной

[86] Указ Президента Российской Федерации № 110 от 14 февраля 2006 года.

тщательностью… Библиотеки в ряду культурных ценностей нашей страны должны стоять на самом высоком месте»[87]. Учитывая неразрывную взаимосвязь книжности и интеллигентности в облике Д.С. Лихачева, уместно назвать его «интеллигентом-книжником», имея в виду значение слова «книжник», указанное в «Толковом словаре» В.И. Даля (2-е изд.), а именно: «ученый, знающий ев. писание, догматик; учитель, толкователь Закона Божия, книжный человек, хорошо знающий грамоту; любитель книг». Не думаю, что Дмитрий Сергеевич стал бы отказываться от славного имени «книжник», как, впрочем, и от звания «интеллигент».

Какова же модель русского интеллигента, согласно высказываниям академика Лихачева? Высказываний довольно много, процитируем некоторые. Необходимой предпосылкой формирования интеллигентности, – неустанно подчеркивал академик, – служит *образованность,* «соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением»[88], то есть с *креативностью.* Но только образованности и креативности недостаточно. «Основной принцип интеллигентности – *интеллектуальная свобода*, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и своей мысли»[89]. Развивая эту идею, Лихачев добавляет: «Я бы сказал еще и так: интеллигентность в России – это, прежде всего, независимость мысли при европейском образовании». Имеется в виду независимость от партийных, экономических и карьерных соображений, интересов специальности, «если они выходят за пределы допустимого совестью» (там же, с. 10). Не одобряется сосредоточенность в узкопрофессиональной области: «Ученые бывают неинтеллигентны, когда, слишком замыкаясь в своей специальности, забывают о том, кто и как может воспользоваться плодами их труда… Я очень ценю профессионалов и профессионализм, но это не всегда совпадает с тем, что я называю интеллигентами и интеллигентностью» (с. 9-10).

Д.С. Лихачев вновь и вновь повторял: «Я бы назвал интеллигенцию интеллектуально независимой частью общества. Это не просто образование и образованные люди, работающие в сфере интеллектуального труда. Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных… Интеллигент теряет интеллектуальную свободу и перестает быть интеллигентом, когда принужден слепо следовать догмам какого-либо учения. Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, действий, не согласованных с его личным мнением, то добровольная продажа себя в рабство лишает его возможности причислить себя к интеллигенции. Это очень важное утверждение… Совесть принуждает, но принуждение совести является гарантией полной свободы человека, потому что совесть принуждает изнутри, все остальные принуждения снаружи. Совесть является гарантом свободы человека-интеллигента»[90].

Последовательно отвергая путы партийности, Д.С. Лихачев, выступая на учредительном съезде Конгресса русской интеллигенции в декабре 1997 года, заявил: «Нельзя из интеллигенции делать партию, потому что, как только из интеллигенции будет сделана партия, перестанут существовать интеллигенты… Со свободой и с демократизмом будет покончено»[91]. Силу интеллигенции он видел в разнообразии индивидуальностей, которое ни в коем случае не должно превращаться в «толпу, скованную одной концепцией».

Этическое самоопределение «интеллектуально свободного интеллигента» Дмитрий Сергеевич неразрывно связывал с совестливостью, честностью, правдивостью: «Честь, порядочность, совесть – это качества, которыми дорожить нужно так же, как мы дорожим своим здоро-

---

[87] Лихачев Д.С. Интеллигентным притвориться нельзя // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 43.

[88] Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 17

[89] Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 8.

[90] Лихачев Д.С. Интеллигенция – интеллектуально независимая часть общества // Судьба российской интеллигенции. – СПб, 1999. С. 31- 2.

[91] Лихачев Д.С. Сила интеллигенции – в индивидуальности // Конгресс российской интеллигенции. – СПб, 1998. С. 23.

вьем, ибо без этих качеств и человек – не человек»[92]. С великолепным чувством собственного достоинства он заявлял: «Правда и страх – несовместимы… У нас должен присутствовать один страх: страх лжи. Вот тогда и будет в нашем обществе здоровая умственная атмосфера» (там же, с. 99–100). Особенно возмущали его бесчестные поступки образованных людей, «интеллектуальное воровство». «Стали привыкать жить двойной жизнью, – клеймил он советских интеллигентов, – говорить одно, а думать другое. Разучились говорить правду – полную правду, а полуправда есть худший вид лжи: в полуправде ложь подделывается под правду, прикрываясь щитом частичной правды» (там же, с. 89).

Д.С. Лихачев обнаруживает в русской истории немало людей, соответствующих его модели интеллигентности. Отвергнув по этическим соображениям кандидатуру Владимира Мономаха, он пишет: «В сущности, первым интеллигентом на Руси был в конце XV – начале XVI века Максим Грек – человек итальянской и греческой образованности. В России он подвергся гонениям, находился в заключении и был причислен к лику преподобных только после своей смерти. Своею жизнью он прочертил как бы путь многих и многих интеллигентов на Руси»[93]. К числу этих «многих и многих» Д.С. Лихачев относит Сумарокова, Новикова, Радищева, Карамзина, Пушкина, который «шел свободной дорогой и “жил один“», декабристов, следовавших «велению совести», а не «партийной линии». Решительно отвергается принадлежность к интеллигенции профессиональных революционеров и террористов-боевиков.

Обращаясь к XX веку, к «жесточайшему произволу идеологизированной советской власти», Лихачев признается в чувстве преклонения перед «русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения» и с восхищением пишет: «Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохранили свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору – в исторической науке, литературоведении, в биологии, философии, лингвистике и т. д.» (там же, с. 14). Он приходит к выводу, что «интеллигенция все это время была главным врагом советской власти, так как была независима» (с. 21).

Сказанного достаточно для того, чтобы построить *модель идеального русского интеллигента* по эскизу академика Лихачева. Вот эта модель:

• *образованность* европейского уровня, широкий общекультурный кругозор;

• *креативность* – бесстрашное правдоискательство, интеллектуальная независимость, свободомыслие;

• *этическое самоопределение*: а) совестливость, честность, правдивость; б) толерантность, осуждение насилия и террора; в) благоговение перед культурой, приобщенность к книжной культуре, русской литературе; г) индивидуализм, самодостаточность; д) оппозиционность по отношению к деспотичной власти.

Д.С. Лихачев однажды рассказал, что к нему обратились с вопросом, можно ли писать об ошибках великих людей: «Я ответил, что не только можно, но и нужно писать об ошибках великих людей, что велик человек не тем, что он ни в чем не ошибался. Никто не свободен от ошибок в нашей жизни, в нашей сложной жизни»[94]. Да, конечно, у интеллигента есть право на ошибку, и если он желает «жить не по лжи» (А.И. Солженицын), то он не должен бояться эту ошибку признать. Сам Дмитрий Сергеевич говорил: «Для меня лично нет никакого сомнения в том, что нам нужно научиться признавать собственные ошибки, ибо признание ошибки не только не умаляет достоинство и человека, и общества, а напротив, вызывает чувство доверия и уважения, как к человеку, так и к обществу» (там же, с. 105). Интеллигентская совесть не позволяет полностью согласиться с моделью интеллигента «по Лихачеву», поскольку в ней

---

[92] Лихачев Д.С. Тревоги совести // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997.

[93] Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 15.

[94] Лихачев Д.С. Тревоги совести // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. -С. 95.

содержатся две неточности: во-первых, интеллигент может быть не индивидуалистом, а коллективистом; во-вторых, оппозиционность не является обязательным качеством интеллигента. Поясним наши расхождения с академиком.

Д.С. Лихачев постоянно повторял тезис об интеллектуальной свободе «умственно порядочного человека», о сохранении им уникальной индивидуальности, ибо «если индивидуальность исчезнет, исчезнет и интеллигенция»[95]. Он подчеркивал, что учитель, ученый, писатель, делающий свою работу «по заданию, в духе требований партии, государства или какого-либо заказчика с “идеологическим уклоном”, – не интеллигент, а наемник»[96]. Подлинный интеллигент руководствуется не партийными, классовыми, сословными, профессиональными или иными коллективными интересами, а исключительно своей совестью, то есть индивидуальными ценностными ориентациями. Стало быть, интеллигент – вольный индивидуалист, «сам свой высший суд».

Нетрудно распознать западноевропейские истоки индивидуалистических взглядов Лихачева. «Европейская культура, – говорил академик, – это культура универсализма, при этом универсализма *личностного* характера (курсив автора). Личность человека, его индивидуальные особенности, отличия, его талант и убеждения более всего ценятся в европейской культуре»[97]. Это действительно так. Не случайно именно на Западе популярна доктрина либерализма или либертарианства, утверждающая право каждого человека жить так, как он хочет, при условии уважения прав других людей. Либеральный индивидуализм характерен для западных интеллектуалов, многие из которых желают освободиться от партийных, сословных, классовых, профессиональных уз и обязательств. Однако, как справедливо отмечал В.И. Ленин, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»[98]. Поэтому абсолютная интеллектуальная свобода отдельно взятого индивида недостижима.

Даже беспартийный и внеклассовый академик Лихачев, будучи человеком религиозным, не может игнорировать догматы православия, которые, конечно, ограничивают его интеллектуальную свободу

Этическое самосознание русского интеллигента определяется не свободой воли, а *альтруистической* направленностью, которая предполагает чувство долга, ощущение личной ответственности за благосостояние других людей и своей страны. Долг, ответственность – всегда путы, всегда рамки, ограничивающие свободу индивидуального самовыражения. Индивидуализм деспотичен и эгоистичен, а не альтруистичен, поэтому его нельзя включать в модель интеллигента в виде непременного качества интеллигентного человека, хотя некоторые интеллигенты страдают индивидуализмом и снобизмом.

Что касается требования оппозиционности по отношению к власти, прежде всего – по отношению к советскому тоталитаризму, оно излишне политизирует понятие интеллигентности. Получается, что все сторонники советской власти, независимо от их интеллектуально-этических качеств, автоматически исключаются из состава русской интеллигенции, поскольку, как утверждает академик, «интеллигенция все это время была главным врагом советской власти». В то же время здравый смысл подсказывает, что интеллигенты и интеллектуалы были как среди монархистов, эмигрантов и диссидентов, так и среди людей, лояльных по отношению к советской власти.

Индивидуализм и антисоветизм, включенные Д.С. Лихачевым в идеальную модель интеллигента, конечно, присущи и самому академику. Препятствовали они его интеллигентскому служению русской культуре? Ответим прямо: Лихачев сделал очень много во славу

---

[95] Лихачев Д.С. Сила интеллигенции – в индивидуальности // Конгресс российской интеллигенции. – СПб, 1998. С. 24.

[96] Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 8.

[97] Лихачев Д.С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д.С. Русская культура. – М., 2000. С. 46.

[98] Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 12. С. 104.

отечественной культуры и для укрепления авторитета русской интеллигенции, но в более благоприятных условиях он мог бы сделать больше. Сегодня, анализируя оставленное им колоссальное научное и культурное наследие, невозможно скрыть восхищение, но и от чувства досады избавиться не удается.

Общественная активность Д.С. Лихачева развивалась по трем направлениям: 1) научная деятельность в области древнерусской литературы и в смежных областях, которая принесла ему мировую славу; 2) защита памятников истории и культуры, которая вызывала неудовольствие невежественной власти; 3) этическая проповедь в средствах массовой информации, принесшая ему широкую популярность, доверие и авторитет у современников. Начнем по порядку.

Формирование интеллигента-книжника Д.С. Лихачева началось в студенческие годы (1923–1928), когда он параллельно занимался романо-германской и славяно-русской филологией. Диапазон научных интересов молодого студента удивительно широк: он атрибутирует анонимные публикации Н. А. Некрасова, анализирует древнерусскую литературу о патриархе Никоне, а дипломное исследование посвящает распространению книг Шекспира в России XVIII века. Находилось время и для веселого товарищеского общения, для шутливых диспутов в фантастической Космической академии наук. Забавы жизнерадостных интеллектуалов привлекли внимание бдительных чекистов, при обыске в домашней библиотеке Дмитрия Лихачева обнаружили белогвардейскую литературу (результат неосторожного библиофильства). В итоге – четыре с половиной года в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН), потом на ударной стройке – Беломоро-Балтийском канале. Настоящий ученый не может не мыслить, и Лихачев изучает фольклор уголовников, записывает байки беспризорников, самое главное – общается с интеллектуальной элитой Серебряного века, которая была неплохо представлена на Соловках. За ударный труд освободили в 1932 году и разрешили вернуться в Ленинград. До 1937 года перебивался кратковременными редакторско-корректорскими занятиями и, наконец, оказался под крышей Пушкинского дома, где в течение более чем 60 лет продолжалась его непрерывная, интенсивная, исключительно разносторонняя и плодотворная научная деятельность – деятельность ученого-книжника XX века.

Вначале он получает признание как историк древнерусской литературы. Он ставит перед собой грандиозную задачу воспроизвести историю русского летописания от его возникновения до XVII века и успешно её решает в докторской диссертации (1947) и в книге «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947). Благодаря трудам Д.С. Лихачева древнерусские летописи, особенно «Повесть временных лет», предстали не только как историографические источники, но и как художественные произведения особого жанра. С 1950 года начались его исследования «Слова о полку Игореве», до сих пор остающиеся классическими. О высоком научном авторитете Д.С. Лихачева свидетельствует присуждение ему в 1952 году Сталинской премии за участие в коллективном труде «История культуры Древней Руси. Домонгольский период».

В 50-е годы Д.С. Лихачева привлекают теоретические проблемы литературоведения, которые раскрываются в книгах «Возникновение русской литературы» (1952) и «История русской литературы» (1958). Он убедительно показывает, что без учета древнерусской книжности нельзя правильно представить исторический процесс развития русской литературы XVIII–XIX веков. Вместе с тем интеллигент-гуманитарий Лихачев обращает внимание на особенности «художественного метода» древнерусской литературы, в частности, на способы изображения внутреннего мира и характера конкретных людей. В 1958 году вышла в свет его монография «Человек в литературе Древней Руси», которая раскрывает гуманистические и эстетические взгляды автора. Здесь автор выходит за литературоведческие границы, сопоставляя стили изображения человека в литературе с приемами изобразительного искусства Древней Руси. Продолжением культурологического изучения взаимосвязей слова и живописи стала книга «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого» (1962).

Книги 60-х годов носят в известном смысле подытоживающий характер. Свой богатый опыт научной обработки литературных памятников Д.С. Лихачев обобщил в капитальном методологическом труде «Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв.» (1962). По оценке специалистов, этот труд «представляет собой первый в советской филологии опыт систематизации всех текстологических задач, стоящих перед исследователями русской литературы допетровского времени, и методики их решения»[99]. Другим обобщающим произведением стала многократно переизданная «Поэтика древнерусской литературы» (1967), удостоенная Государственной премии СССР. В аннотации последнего издания, вышедшего при жизни автора, отмечается, что книга представляет собой «цельный взгляд на историю и генезис русской культуры от первых письменных свидетельств до наших дней», что она является «настоящей энциклопедией русской духовной культуры, непревзойденным учебным пособием для самого широкого круга читателей, в особенности для студентов-филологов»[100]. Можно добавить, что этот труд является образцом авторской книжно-библиографической культуры наших дней.

Внимание славистов разных стран привлекли новаторские идеи Д.С. Лихачева о южнославянском влиянии на Русь XV века, о русском Предвозрождении, о специфике русского барокко, о жанровой системе древнерусской литературы и всех славянских литератур средневековья и др. Нет необходимости продолжать здесь перечисление научных достижений Дмитрия Сергеевича, которые хорошо известны специалистам и получили международное признание. В 1970 году он был избран действительным членом Академии наук СССР, еще раньше, в 1963 году, его избрали иностранным членом Академии наук Болгарии, а после 1971 года он стал членом еще десяти иностранных академий. Д.С. Лихачев – почетный доктор одиннадцати европейских университетов и одного отечественного – Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Нельзя не упомянуть о научно-популяризаторской деятельности академика. Помимо популярных изданий «Слова о полку Игореве», он публикует очерки о классических произведениях литературы Древней Руси – «Великое наследие» (1975 и 1980); он инициатор и участник монументальной серии «Памятники литературы Древней Руси», выходившей с 1978 года в издательстве «Художественная литература»; под его редакцией вышло учебное пособие «История русской литературы X–XVII веков (1980 и 1985). Впечатляющими свидетельствами широты его культурного кругозора могут служить книга «Литература-реальность – литература» (1981 и 1984), где содержится подборка интереснейших комментариев к произведениям Пушкина, Некрасова, Гоголя, Достоевского, Лескова, Толстого, Блока, Ахматовой, Пастернака, которые Дмитрий Сергеевич объединяет понятием «конкретное литературоведение», и очаровательная «Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей» (1982 и 1991).

Теперь, по необходимости кратко, о культурозащитной деятельности. Дмитрий Сергеевич решительно выступал, начиная с 60-х годов, против амбициозных планов перестройки Невского проспекта, модернизации Екатерининского парка в Пушкине и Петергофского парка. По словам Д.А. Гранина, «он стал препятствием для ленинградских властей, для их безумных, невежественных, корыстных проектов. Он стал значительным препятствием – вокруг него объединялась общественность. Ей был нужен лидер, и этим лидером стал Лихачев»[101]. Благодаря Д.С. Лихачеву сохранился Земляной вал вокруг Новгорода, были спасены от разрушения многие храмы.

---

[99] Адрианова-Перетц В.П., Салмина М.А. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Лихачев Дмитрий Сергеевич. – М., 1989. С. 33.

[100] Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб: Алетейя, 1997. 508 с.

[101] Гранин Д.А. Феномен Лихачева // Нева. – 1999. № 12. С. 145.

В этой деятельности особенно ярко проявились такие качества Лихачева-интеллигента, как толерантность и благоговение перед культурой. Эти же качества подсказали Лихачеву-ученому в 70-х годах перспективное и очень важное направление научной деятельности – *экологию культуры*[102], которое закономерно привело Лихачева-публициста к разработке *Декларации прав культуры.* Эта декларация – хорошо продуманный и конструктивный документ конца XX столетия, который мог бы служить основой для государственной культурной политики в России и в других странах. Декларация была одобрена Конгрессом российской интеллигенции в 1997 году и рекомендована для введения в действие на территории Российской Федерации[103], но, к сожалению, дальше дело не пошло.

Интеллигентское обаяние Дмитрия Сергеевича сделало его выступления по радио и телевизионные «Встречи в Останкино» нравственными уроками для массовой аудитории россиян. Он рассуждал доходчиво и просто о главных жизненных ценностях, о добром и прекрасном, о России, культуре, русской истории, о науке, литературе, об интеллигенции. Он не был красноречив и артистичен, но в его речах непринужденно являлись эрудиция, житейский опыт, иногда – мудрость, которые заставляли доверять ему и восхищаться им. Незаметно академик Лихачев сделался *совестью нации.* Пожалуй, это вершина русской интеллигентности, покорить которую удалось очень немногим.

Трудно было не прислушаться к его словам, когда он говорил: «Я мыслю себе XXI век как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, разнообразие средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющего талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которой должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятия чести – вот в общих чертах то, что нам нужно в XXI веке. Не только русским, конечно, но особенно русским, потому что именно это мы в значительной мере потеряли в нашем злополучном XX веке»[104].

Он, конечно, знал себе цену, чувствовал свою независимость и жил в соответствии с той моделью русского интеллигента, которую сам выработал для себя. Напряженный умственный труд[105], многообразная публичная активность, представительство на научных форумах и в органах власти, самое же главное – поддержание высокого интеллигентского имиджа, несмотря на возраст, усталость, недомогания. Близко знавший его Даниил Гранин вспоминает: «Он не был святым. У него, как у всякого живого человека, достаточно было черт, которые могли не нравиться. Он был достаточно деспотичен, порой капризен, кого-то не поддержал, кого-то не принял, не понял. Жалуются, что имел любимцев, от некоторых вещей уклонялся, поддавался лести, бывал жесток… Было бы странно, если бы в наше время такой огромный человек, играющий такую большую очистительную роль в нашей жизни, был бы приемлем для всех. Был бы удобен. Всех бы устраивал». Тем не менее, власти оказывали ему знаки внимания: в 1966 году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1986 году ему было присвоено звание Героя Социалистического труда. В том же году он был избран председателем правления Советского фонда культуры, в 1989–1991 гг. был народным депутатом Верховного Совета СССР, не отказывался и от других общественных обязанностей.

Внучка академика Зинаида Курбатова, выросшая в его доме, рассказывает: «Дедушка был человеком властным, я бы даже сказала, деспотичным. Хотя в последние годы о нем часто

---

[102] Лихачев Д.С. Экология культуры // Лихачев Д.С. Русская культура. – М., 2000. -С. 91-101. Культурно-экологической проблематике в значительной мере посвящены его книги «Заметки о русском» (1981) и «Земля родная» (1983).

[103] Декларация прав культуры // Конгресс российской интеллигенции. – СПб, 1998. С. 266–274.

[104] Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 377.

[105] Д.С. Лихачев – автор более 500 научных публикаций и около 600 публицистических выступлений в печати.

вспоминают как о мягком и тихом человеке, нетрудно понять, что такой не смог бы пережить то, что пережил дед»[106].

Да, действительно, Дмитрию Лихачеву, талантливому и любознательному мальчику из интеллигентной питерской семьи, пришлось непосредственно столкнуться с тупой и жестокой силой советского тоталитаризма. Это столкновение многому научило, закалило и, конечно, деформировало характер. Дмитрий Сергеевич очень ярко рассказывает в своих воспоминаниях о «мужестве русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения и погибавшей в полной безвестности», о своем долге «человека-свидетеля века восстановить справедливое к ней отношение».

Замысел настоящего раздела состоял в том, чтобы использовать фигуру академика Д.С. Лихачева для персонификации идеального интеллигента-книжника XX века. Персонификация не означает мифологизации. В лице Дмитрия Сергеевича Лихачева видится не мифический герой без страха и упрека, а живое воплощение русской интеллигентности и книжной культуры. Дмитрий Сергеевич Лихачев в тяжелые годы перестроек и трансформаций сделался символом русской интеллигентности XX века, соединившей преемственность с поколением Серебряного века и почитание культурного наследия тысячелетней России, мужественное противостояние агрессивному невежеству и интеллектуальную независимость. Символ интеллигентности был необходим русским людям на излете тоталитаризма, и Д.С. Лихачев успешно выполнил свою миссию. Еще более этот символ нужен в наши дни, в условиях кризиса нравственности и культуры, в условиях разрушения отечественной книжности. Актуально и весомо звучат его пророческие слова: «Пока русская классическая литература доступна, пока она печатается, библиотеки работают и для всех раскрыты, в русском народе всегда будут силы для нравственного самоочищения»[107]. В чем же заключается сущность Книги и её магическая сила?

[106] Курбатова З. «Ужиться с дедом было тяжело» // 24 часа. – 2005. № 46. Обыденный облик Дмитрия Сергеевича и восприятие его личности сотрудниками, современниками, официальными лицами запечатлены в фолианте: Дмитрий Лихачев и его эпоха. Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. / Сост. Е. Водолазкин. – СПб: Logos, 2002. 424 с.

[107] Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 422–423.

2.2. Сущность и магия Книги

2.2.1. Сущность Книги. Произведения письменности в книжной форме наши предки почитали как весьма ценные, даже сакральные предметы. Древняя Русь не знала апостолов и пророков, учивших живым словом, большинство христианских святителей были людьми книжной культуры, и их ученики в случае пожара сперва спасали иконы и книги, а затем остальное имущество. Русские книжники поэтически воспевали книгу. В «Повести временных лет» (1037) написано: «Велика бывает польза от учения книжного. Словеса книжные суть реки, напояющие вселенную, се суть исходища мудрости». А в сборнике «Пчела» (1199) читаем: «Ум без книг аки птица опешена. Яко ж она взлетети не может, тако же и ум не домыслится совершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное, его же лишився, безумный, аки во тьме ходит и погибнет вовек».

Роль «учения книжного» в просвещении Руси красочно живописал великий историк В.О. Ключевский: «Как взглянул русский разумный и понимающий человек на просвещенный мир сквозь привозные книги, так и впал в уныние от собственного недостоинства, от умственного и правового убожества. Тогда русский ум припал жадно к книгам, к этим “рекам, напояющим Вселенную, этим исходищам мудрости”. С тех пор разумным и понимающим человеком стал у нас считаться человек “книжный”, то есть обладающий научно-литературным образованием, и самою глубокою чертою в характере этого книжника стало смиренномудрие личное и национальное. Так народился первый достоверно известный по письменным памятникам тип русского интеллигента»[108].

Откровенно говоря, Василий Осипович сгустил краски: переводная духовная литература действительно превалировала в чтении русских книжников XI–XII вв., однако создавались также и замечательные оригинальные произведения, например, жития Бориса и Глеба, Киево-Печерский патерик, церковное ораторство митрополита Илариона, Феодосия Печерского, Климента Смолятича, Кирилла Туровского. Но он совершенно верно отметил неразрывную связь между русской книжностью и русской интеллигентностью. В чем же сущность этого чудодейственного предмета, издревле именуемого Книгой?

Как известно, *сущность* – это скрытое за многообразными внешними явлениями внутреннее, *истинное содержание* познаваемого предмета. Содержание понимается как «главный признак или совокупность таких признаков в объекте или системе, определяющих её качественное отличие от других объектов и систем, а также все другие свойства данного объекта или системы»[109]. Выявление сущности предмета завершается его истинной дефиницией, в которой должны быть представлены сущностные признаки, выражающие его содержание. Только зная истинную дефиницию, можно уяснить “что такое Книга”. Важно обратить внимание на то, что в истинной дефиниции речь идет не о понятии, а о *концепте* данного предмета.

Различие между понятием и концептом современный французский философ Андре Конт-Спонвиль раскрыл следующим образом: «Понятие обычно термин более смутный и вместе с тем более широкий, тогда как концепт – более точный и строгий, то есть обозначает более точное и выверенное понятие. Например, говорят о понятии животного и концепте млекопитающего или о понятии свободы и концепте свободы воли»[110]. Что же представляет собой концепт «Книга»? Вообще говоря, этот сакраментальный вопрос резонно адресовать книговедению. Ведь именно книговедение, по словам профессора А.А. Беловицкой, «есть приведенное

[108] Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М., 1983. С. 301.

[109] Лебедев С.А. Философия науки. Краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). – М., 2008. С. 256.

[110] Конт-Спонвиль А. Философский словарь. – М: Этерна, 2012. С. 260.

в систему научное знание о книге как объективном явлении социальной действительности: о природе и сущности книги, о логических и исторических формах, процессах и закономерностях её существования, движения, развития и функционирования»[111]. Что ж, обратимся к книговедам.

Книговеды-классики руководствуются *классической рациональностью*, которую характеризуют два идеала – объективная истина и очевидность фундаментальных постулатов. В современной теории познания эти идеалы воплощают: принципы объективности и детерминизма, теоретический монизм (один объект – одна истинная теория), социально-ценностная нейтральность научного знания, абсолютная определенность (однозначность) языка науки[112]. Понимание книги, соответствующее классическому типу научной рациональности, обнаруживается в трудах Е.Л. Немировского. В своей «Большой книге о книге», обстоятельно рассматривая вопрос «что такое книга – вещь вроде бы всем известная, но подчас имеющая свои секреты и не всегда раскрывающая их», Евгений Львович подразделяет бытующие определения на следующие три класса.

Первый класс – внешнее описание книги как вещественного предмета: «печатное непериодическое издание объемом не менее 49 страниц, не считая обложки» (объем брошюры 5^1–8 страниц, а листовка – печатное издание менее 5 страниц). Второй класс определений исходит из функционального использования книги в духовной жизни общества, например: «Книга – это произведение письменности и печати, являющееся продуктом общественного сознания, идейно-духовной жизни общества, одним из основных средств сохранения, распространения и развития всех форм идеологии (политических взглядов, науки, морали и т. д.), орудием социальной борьбы, воспитания, организации и формирования общественного мнения, орудием научного и технического прогресса» (А.И. Барсук). Дефиниции третьего класса сочетают формальные и содержательные признаки: «Материальная субстанция, цель которой – способствовать оптимальному распространению и восприятию вполне определенного произведения науки, литературы, искусства. Причем распространению во вполне определенной среде, в некотором людском сообществе, и восприятию именно этой, а не какой-либо иной средой»[113].

Каждое из этих определений дает *понятие* о книге, то есть позволяет отличить книги от прочих предметов. Но соответствуют ли они *концепту* Книги? Ясно, что материальная, вещественная форма сущности Книги не раскрывает. Книга – не просто вещь, данная в ощущениях, а нечто более сложное. Не характеризует Книгу по существу и перечень социальных функций (идеологическая, образовательная, публицистическая, научно-вспомогательная и др.), перечисленных А.И. Барсуком, потому что они исторически обусловлены, факультативны, присущи другим социально-коммуникационным субъектам (телевидение, Интернет, радиовещание). Целевое и читательское назначение («оптимальное распространение определенных произведений науки, литературы, искусства в некотором людском сообществе») присуще всякой книге, но оно варьируется в зависимости от типа и вида литературы, и поэтому сущностной характеристикой Книги вообще служить не может.

Самому Е.Л. Немировскому принадлежит энциклопедическое определение книги, которое гласит: «Книга – важнейшая исторически сложившаяся форма закрепления и передачи во времени и в пространстве многообразной информации в виде текстового и (или) иллюстративного материала. С точки зрения семиотики, книга является знаковой системой… С точки зрения общей теории коммуникации книга является одной из форм существования и распростра-

[111] Беловицкая А.А. Книговедение. Общее книговедение: учеб, пособие. – М.: МГУП, 2007. С. 10.

[112] Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия. – М., 2008. С. 35–36.

[113] Немировский Е.Л. Большая книга о книге: Справочно-энциклопедическое издание. – М., 2010. С. 16–23.

нения семантической информации»[114]. Смущает трактовка книги как «формы многообразной информации», потому что информация – понятие многозначное. В энциклопедии «Книга» отсутствует статья, посвященная информации, но в своей «Большой книге о книге» Евгений Немировский излагает свою позицию. Оказывается, он понимает информацию в духе материалистической атрибутивной концепции как «содержание отражения, как содержание связи между двумя взаимодействующими материальными объектами», а семантическую (социальную) информацию связывает с «проявлениями многоаспектной деятельности человеческого общества» и не без эпатажа утвердительно отвечает на вопрос «Неужели Пушкин – это тоже информация?»[115]

Материалистические трактовки информации неприменимы к книге, потому что книга, обладая вещественной формой, имеет идеальное содержание, которое является продуктом сознания, а не атрибутом материи. Невозможно представить себе творчество Пушкина или чтение его сочинений как «содержание связи между двумя взаимодействующими материальными объектами». Фраза же о том, что семантическая информация есть «проявление многоаспектной деятельности человеческого общества», по сути дела бессодержательна. Получается, что информация не способствует пониманию феномена книги по существу, ибо сам феномен информации – предмет научных дискуссий (см. далее раздел 5.1.2). Классическая рациональность, взыскующая однозначного, непротиворечивого и доходчивого понятия, бессильна распознать эту сущность в калейдоскопе гипербол и метафор, сопровождающих Книгу.

Если обратиться к «Энциклопедии книгочея», которую любовно составил писатель-педагог Анатолий Николаевич Чирва в качестве «надежного помощника книгочея, компаса в обширном книжном море»[116], можно впасть в состояние гибельного восторга и беспросветной печали. Книга – путь к самопознанию, это жизнь во всех её противоречиях, частица чьей-то необыкновенной судьбы; она – залог вечности, к которой можно прикоснуться благодаря гениальным книгам. Оказывается, «книги ждут от нас проявления человеческого чувства – понимания, негодования, любви». Каждая книга – «мумия души», скрывающая за своим переплетом квинтэссенцию живого человека, она имеет свою судьбу в зависимости от того, как её воспринимают читатели, не случайно её преследуют жестокие слуги библиоцида – «книгоубийцы». Книгу нельзя считать неодушевленной вещью, она несет в себе живительный сок созидательного духа. Начиненная человеческими мыслями и чувствами, книга властвует над людьми, она обладает почти физической силой, изменяя наши представления о мире, а в конечном счете неотвратимо меняет и сам мир… Нетрудно приумножить выразительные цитаты. Несомненно, есть сокровенная правда в многочисленных апологиях, сочиненных восторженными почитателями Книги. Но как эту правду превратить в сущностную дефиницию, отвечающую на вопрос, что есть Книга по существу?. Мы полагаем, что для экспликации[117]концепта Книги требуется не только формально-рационалистический, но и философский подход.

Философия книги берет свое начало в нашей стране на заре XX столетия, когда книговедческая мысль дошла до уровня философской рефлексии по поводу сущности книги. Зачинателем философии книги является Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948). Пророчески звучат слова Куфаева, сказанные в 1921 году: «Правильнее всего понимать книгу как *вместилище всякой мысли и слова, облеченных в видимый знак* (курс. Куфаева), все то, что могло бы при некотором *техническом* видоизменении получить вид и характер книги в самом узком смысле этого слова. И ассирийская клинопись, и латинский свиток, и современный фолиант и бро-

---

[114] Немировский Е.Л. Книга // Книга. Энциклопедия. – М., 1999. С. 299.

[115] Немировский Е.Л. Большая книга о книге: Справочно-энциклопедическое издание. – М., 2010. С. 1029–1030.

[116] Чирва А.Н. Энциклопедия книгочея: Книга. Читатель. Чтение: изд. 2-е. – М.: ИЦ «Мой учебник», 2008. 624 с.

[117] **В** логике под **экспликацией** (лат. разъяснение) понимают развертывание какого-либо исходного понятия, которое еще не является вполне точным, в научно доказанное понятие; другими словами, замену интуитивного понятия более строгим понятием. (Кондаков Н.И. Логический словарь. – М., 1971. С. 602).

шюра, и афиша – все книги»[118]. Современник Н.М. Куфаева Н.М. Сомов (1867–1951) в своем библиологическом сочинении исходил из дефиниции: Книга – «всякий материал, удобочитаемый и легко переносимый, на котором графически закреплены какие-либо мысли»[119]. «Удобочитаемое и портативное вместилище мысли и слова» – вот формулировка, открывающая путь к раскрытию сущности Книги. Немного уточняя формулировку М.Н. Куфаева и дополняя её свойствами, отмеченными Н.М. Сомовым, предложим следующую *сущностную* дефиницию:

***Книга** – долговременное портативное хранилище, способ тиражирования и передачи социально ценных духовных смыслов, выраженных человекочитаемыми знаками.* В этой дефиниции учтены следующие сущностные (необходимо присутствующие) признаки концепта Книга:

а) *амбивалентная субстанция* – так как всякая книга есть искусственно созданное единство идеального содержания и материальной формы, её субстанция амбивалентна[120];

б) идеальное содержание образуют *духовные смыслы (мысли) – результаты духовной деятельности авторов в виде знаний, умений, эмоций, желаний, фантазий*, которые они хотят обнародовать;

в) ценность книги обусловлена тем, что она представляет собой *тиражированное сообщение,* содержание которого образуют не любые, а *социально ценные смыслы*, создаваемые не только автором, но и редакторами, рецензентами, худ ожинками-дизайнерами, издателями, посредниками; книга – результат *коллективного* труда, *форма социализации индивидуального творчества*;

г) *мемориальность* – передача смыслов во времени: если материальная форма является стабильной, книга становится долговременным (в принципе – вечным) и в то же время портативным *хранилищем социальной памяти*;

д) *системность* книги как коммуникационного сообщения воплощается в знаковых структурах (текстах и изображениях), образованных *человекочитаемыми* (воспринимаемыми органами чувств человека) *знаками*; способ производства знаков – рукопись или полиграфическая печать – не является сущностным признаком книги;

е) *антропоморфичность* – соразмерность физическим и умственным параметрам человеческого организма, которая обеспечивает доступ к содержанию книги без посредничества технических устройств (очки не в счет).

Приведенное сущностное толкование Книги примем в качестве *содержания* концепта Книга. Все издания, произведения письменности и печати, публикации, литературные сочинения могут считаться книгами и включаться в *объем* концепта Книга в том случае, если они обладают всеми сущностными признаками концепта Книга, перечисленными выше. Мы надеемся, что сказанного достаточно для перехода с уровня понятия о книге на концептуальный уровень, но, конечно, не считаем дискуссию о сущности Книги завершенной. Мы не включили в перечень сущностных признаков, образующих концепт Книги, «сверхъестественный» признак, о котором часто упоминают интеллигенты-книжники, – *магию книги.* А может быть, это надо было сделать?

2.2.2. Магия Книги заключается в том, что книга мистическим образом очаровывает и порабощает своих читателей. Очарованный человек утрачивает свободу воли, он доверчиво воспринимает те смыслы, которые диктует книга, и охотно следует им. Эта магия была знакома средневековой Европе. До нас дошла изящная книжица «Филобиблон» – похвала Книге

---

[118] Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. – М., 2004. С. 61–62.

[119] Сомов Н.М. Сущность книговедения. Библиологический очерк. – М., 1933. С. 9.

[120] **Субстанция** – неизменная природа предмета; в философии различаются три субстанции: 1) идеальная субстанция, 2) материальная субстанция, 3) амбивалентная (двойственная, дуалистическая) субстанция – неразрывное единство идеального и материального. Более подробно об амбивалентной субстанции см. раздел 5.1.2.

как орудию умственного и нравственного совершенствования, сочиненная в 1345 году английским епископом Ричардом д'Онджервилом по прозвищу де Бери. Автор красноречиво уверял читателей, что содействие сохранению, умножению и распространению книг – занятие богоугодное, достойное того, чтобы всецело ему отдаться. «О книги, – восклицал епископ-книгочей, – вы как никто щедры, вы уделяете каждому просящему, вы дарите свободу всем, кто вам усердно служит». Сам де Бери собрал личную библиотеку, которая лишь немного уступала по количеству названий библиотечному фонду Сорбонны того времени. «Филобиблон» интересен тем, что он представляет собой первое европейское библиофильско-библиографическое сочинение, свидетельствующее о незаурядной образованности одного из аристократов Англии XIV века.

Коэволюция гуманизма и книжности – характерная особенность эпохи Возрождения. Л.М. Баткин авторитетно утверждал: «Гуманисты – это те книжники, которые усвоили особый и необычный стиль общения, определенный круг занятий и чтения, способ мышления»[121]. В XV веке европейский книжный рынок необыкновенно расширился, в одном Париже насчитывалось несколько тысяч переписчиков[122]. Гуманисты изначально были, можно сказать, невольниками таинственной *магии книги.* Зачинатели ренессансного гуманизма Ф. Петрарка (1304–1374), Дж. Боккаччо (1313–1375), П. Браччолини (1380–1459), Н. Никколи (1363–1437) были страстными библиофилами, собирателями и почитателями античных и современных манускриптов.

Достопримечательностью Флоренции своего времени стал *Никколо Никколи*, истративший свое солидное состояние на книги и предметы искусства, которые ему привозили со всех концов Европы. Всех флорентийских молодых людей, которых он знал, Никколи побуждал к занятиям античной литературой, обеспечивая желающих книгами и учителями. Бескорыстный гуманист завещал 800 ценнейших рукописей для создания общедоступной библиотеки[123]. Библиофилия вошла в моду, итальянские аристократы щеголяли друг перед другом книжными коллекциями.

Существенное значение для коэволюции книжности и гуманизма имело изобретение в середине XV века *технологии книгопечатания*, которое, по словам современника, представляет собой «искусство искусств, науку наук. Его чрезвычайная продуктивность позволила вызволить из мрака сокровища знаний и мудрости, чтобы обогатить и просветить мир»[124]. Началось триумфальное шествие библиосферы, инкунабулы и палеотипы которой стали ценнейшими памятниками европейской культуры. Эти памятники свидетельствуют о характерных чертах ренессансного гуманизма: принципе антропоцентризма, преодолении религиозного монополизма (половину инкунабул составляла художественная и научная литература), признании ценности неклассических языков – итальянского, немецкого, французского, английского, испанского, чешского и других. В конце XV века появились первые печатные книги на кириллице, изданные в Кракове печатником Швайпольтом Фиолем; в начале XVI века развернул свою деятельность белорусский просветитель-первопечатник Франциск Скорина (до 1490 – не позднее 1551); в середине века в Москве работала так называемая «анонимная типография»; в 1564 году основатель книгопечатания в России Иван Федоров (ок. 1510–1583) напечатал первую русскую, точно датированную книгу «Апостол» – превосходно оформленное, обильно орнаментированное издание.

История русской интеллигенции неразрывно связана с историей русской книжности; культурное пространство просвещенного русского общества всегда было литературоцентрич-

[121] Баткин Л.М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. – М.: РГГУ, 1995. С. 62.

[122] Симон К.Р. История иностранной библиографии. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. С. 74–77.

[123] Баткин Л.М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. – М.: РГГУ, 1995. С. 45.

[124] Владимиров Л.И. Всеобщая история книги. – М.: Книга, 1988. С. 97.

ным, и мистическая очарованность Книгой распространена в русском образованном обществе с давних времен. Об этом свидетельствует опыт реконструкции личных библиотек и круга чтения выдающихся исторических личностей, начиная с мифической библиотеки Ивана Грозного и кончая утраченными библиотеками Ф.М. Достоевского и М.А. Булгакова. Особенно интересны попытки воссоздания типичных древнерусских библиотек и дворянских библиотек XVIII века. Современная проблематика реконструкции библиотечных собраний интеллигентов-книжников обстоятельно и компетентно представлена в статье О.Н. Ильиной[125]. Не будет преувеличением сказать, что домашняя библиотека – непременная и отличительная черта не только выдающихся исторических деятелей, но и типичного русского интеллигента вообще. Еще в самом конце XIX века В. Русаков (С.В. Либрович) в статье «Библиотека в рабочем кабинете интеллигентного человека» писал: «В наши дни трудно найти квартиру интеллигентного человека, в которой не имелось бы более или менее солидной коллекции книг, не имелось бы библиотеки. Отсутствие библиотеки в доме – это как будто явное свидетельство… малокультурное™ лиц, занимающих данную квартиру»[126].

Советский период был эпохой расцвета библиосферы и временем распространения массовой коммуникации, когда к прессе добавилось кино, а затем радиовещание и телевидение. Магия книги использовалась советской властью в полной мере и весьма успешно. Кризис библиосферы, о котором подробно говорилось во Вступлении, был воспринят обществом как информационно-коммуникационный переворот, свидетельствующий об освобождении от магических чар книжной культуры и книжной коммуникации. Традиционная библиологическая дискуссия с вопроса «Что есть Книга?» сместилась на вопрос «Зачем человеку Книга?» Этот вопрос особенно актуализировался в связи с формированием компьютерной инфосферы. Ведущий библиографовед М.Г. Вохрышева озабоченно отмечала, что «триумфальное шествие новых информационных технологий вызывает растерянность и ощущение собственной ненужности». Далее она разумно предлагала: «Необходимо найти целесообразный модус культурологической ориентации в пространстве внедрения новых информационных технологий. В конечном счете, компьютер – лишь средство, которое должно быть адекватным благородным образовательным задачам библиографии»[127].

Что мы можем противопоставить пессимистическим прогнозам, предрекающим смертный приговор Книге? Не поддаваясь панике и провокациям, обратим внимание на *магию книги,* которая кажется особенно сильным, хотя и эзотерическим, аргументом в пользу неискоренимой вековечное™ книжности в человеческом бытии. «Книга – это волшебница» – утверждал революционер-народник Н.А. Морозов (1854–1946), которому книги скрасили 25-летнее заключение в Шлиссельбургской крепости[128]. Не зря здравомыслящий книговед И.Е. Баренбаум (1921–2006) призывал не игнорировать «традиционный взгляд на книгу как на “чудо из чудес”, выдающийся феномен культуры»[129]. Еще в 1930 году классик литературы XX века Герман Гессе (1877–1962) написал эссе «Магия книги», где сказано: «Давайте не скорбеть чрезмерно о том, что из понятия “книга” выхолощено почти все его былое величие. Но все же нам вовсе не следует опасаться будущего искоренения книги. Ибо и до инфантильнейших, опьяненных прогрессом людей вскоре дойдет, что функции письма и книги непреходящи. Станет очевидным, что выражение в слове и передача этого выражения посредством письма не только

[125] Ильина О.Н. О некоторых подходах к реконструкции личных библиотек // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. Сборник науч. трудов / РНБ. Вып. 13. С. 70–94.

[126] Цит. по: Берков П.Н. История советского библиофильства (1917 – 1967). – М., 1983. С. 34–35.

[127] Вохрышева М.Г. Библиографоведение на границе веков (Методологические заметки) // Библиография. – 1999. – № 6. С. 13.

[128] Цит. по: Лихтенштейн Е.С. Слово о книге. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. – М., 1969. С. 29.

[129] Баренбаум И.Е. Книговедение и электронная книга // Книга. Исследования и материалы. – М.: Терра, 1999. Сб. 76. С. 14.

важнейшие вспомогательные, но и единственные средства вообще, благодаря которым человечество имеет историю и непрерывное сознание самого себя»[130].

Наконец, процитируем откровение Е.Б. Виноградовой, сотрудника библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», которая объявила книговедение и библиотековедение «магическими науками», поскольку они «негласно эксплуатируют категорию чуда» – «великое могущество знака и книги»[131]. «В силу магии книги, – делает вывод автор, – не имеют успеха попытки объединить наши науки "под сенью" документологии или какой-то иной дисциплины и так трудно ответить на вопрос: что же такое библиотечное дело, проза жизни или поэзия? Потому что это и не проза, и не поэзия, а настоящее волшебство, привлекающее в профессию» (с. 19). Магия книги хорошо знакома библиофилам и библиоманам (умолчим о библиотафах); библиотерапия, как показали исследования Ю.П. Дрешер, является могучим средством современной медицины, а наши президенты во время инаугурации почему-то кладут руку на том Конституции.

«Магия книги» – это метафора, и метафора многозначная. Глубинный её смысл состоит в утверждении нерушимой и вековечной взаимосвязи книжности и человечности. Кажется, что именно эту взаимосвязь имел в виду директор Библиотеки Российской Академии наук В.П. Леонов в своем размышлении о Книге как космическом субъекте[132]. Исходя из тезиса, что человек не случайно возник во Вселенной и не случайно появилась его постоянная спутница – книга, Леонов делает вывод, что «человек и книга представляют собой космические субъекты» и «если книга – космический субъект, значит, она бессмертна». Ссылаясь на В.И. Вернадского, Тейяра де Шардена, Н.Н. Моисеева, наконец, Н.Ф. Федорова, Валерий Павлович утверждает, что человек – необходимое звено в космических процессах, происходящих во Вселенной. Миссия человечества состоит в том, чтобы осуществить «прогрессирующую победу духа над материей», а миссия книги – «влияние на сознание человека, развитие его мышления» путем приобщения к «миру объективного знания». Человечество не сможет выполнить свою космическую миссию без опоры на объективированное знание, поэтому, по убеждению В.П. Леонова, «разгадку происхождения книги нужно искать в генетическом коде человека», который есть следствие и результат многовековой эволюции живой материи, поступательного движения от видов биологических до социальных. Заканчивает автор призывом к формированию «нового типа книжника, книговеда, который по своим воззрениям, по эстетическим научным критериям будет похож на ученого-теоретика». Увлекательная перспектива и для русского космизма, и для академической генетики, и для философии книги!

Если же, оставив в стороне метафоры, вернуться к вопросу о судьбе Книги, то весьма убедительно выглядит экспертное сопоставление преимуществ и недостатков полиграфической и электронной книги, осуществленное О.В. Барышевой и Р.С. Гиляревским[133]. Авторы пришли к выводам: «При непредвзятом рассмотрении доводов "за" и "против" электронной книги первые, несомненно, перевешивают своей значимостью и перспективностью. Многие виды электронных книг (словари, справочники, энциклопедии, учебные пособия), а также журналы уже потеснили своих печатных собратьев, и будут теснить их с возрастающей скоростью. В области интеллектуальных коммуникаций действует своеобразный закон сохранения форм (в отличие от техники, например). Поэтому электронная книга никогда полностью не заменит печатную, но отберет у нее много функций»(с. 63). Мы добавим, что судьба Книги в конечном счете зависит от библиотечной интеллигенции, которая является главной движущей силой в эволю-

---

[130] Гессе Г. Магия книги: Сборник эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле. – М.: Книга, 1990. С. 134.

[131] Виноградова Е.Б. Не проза и не поэзия, а волшебство… Этимологическое путешествие // Библиотечное дело. – 2010. № 10. С. 19.

[132] Леонов В.П. Книга как космический субъект // Библиотековедение. – 2006. № 6. С. 18–21.

[133] Барышева О.В., Гиляревский Р.С. Книга в паутине. – М.: НТИ-КОМПАКТ, 2003. С. 35–63.

ции отечественной библиосферы. Можно представить библиотеку без книжных фондов и без читальных залов, но «библиотеку без библиотекаря» вообразить нельзя.

2.3. Библиотечная интеллигенция

Когда заходит речь о библиотечной интеллигенции, чаще всего подразумеваются профессиональные библиотечные работники. Считается, что библиотечного интеллигента можно обнаружить только в библиотечных стенах, а вне библиотечных профессионалов библиотечная интеллигенция не существует. Выходит, для того, чтобы стать библиотечным интеллигентом, нужно приобрести определенную квалификацию – например, закончить библиотечный факультет или колледж, и умело выполнять свои производственные функции. Желательно владеть иностранными языками, быть начитанным, обладать художественным вкусом. И все. Никакого особого этического самоопределения не предполагается. Это упрощенно-обыденное понимание библиотечной интеллигентности нуждается в уточнении.

Как показывают наши формулы, интеллигентность, как и интеллектуальность, – понятия не профессиологические, а *социально-этические.* Интеллигенция – социальная группа, объединяющая людей по интеллектно-этическому, а не профессиональному признаку. Если наложить профессиональные ограничения (библиотечный интеллигент – обязательно профессиональный библиотекарь или библиограф), то вне рядов библиотечной интеллигенции окажутся преподаватели библиотечной школы, ученые библиотековеды, сотрудники библиотечной прессы и, конечно, учредители библиотек, государственные администраторы, по долгу службы управляющие библиотечной системой (от министра культуры до инспектора по делам библиотек), не говоря уже об индивидуальных почитателях Книги – библиофилах и библиоманах. Получается нелепость: те, кто обучает библиотечной интеллигентности, кто изучает библиотечную интеллигенцию, кто направляет её практическую деятельность, сами библиотечными интеллигентами не являются. Значит, простейшее и, казалось бы, самоочевидное решение – считать библиотечную интеллигенцию творческой элитой в трудовых библиотечных коллективах, нуждается в коррективах: *следует считать библиотечной интеллигенцией всех интеллигентов, профессионально или непрофессионально связанных с библиотечным институтом.*

Уточним, что под *библиотечным социальным институтом* нами понимается профессиональная система (отрасль общественного производства), состоящая из пяти функционально-специализированных подсистем: практика, образование, наука, коммуникация, управление. Библиотечная профессия – одна из гуманитарных профессий, это профессия типа «человек – человек» и «человек – знаковая система», и она предъявляет повышенные этические требования к практическим работникам, именуемым «библиотекари-библиографы». Разумеется, образованные и креативные сотрудники других функциональных подсистем библиотечного института также *не могут быть этически индифферентны,* несмотря на то, что они зачастую не имеют специального библиотечного образования или опыта работы в библиотеках. Их этическое самоопределение может приближаться к формуле интеллигентности или к формуле интеллектуальности, то есть оно может быть альтруистическим или эгоистическим, толерантным или интолерантным, по-разному культурно насыщенным. Правомерность отнесения их к библиотечной интеллигенции обусловлена их соответствием требованиям библиотечной интеллигентности. В чем заключаются эти требования?

Библиотечная интеллигентность представляет собой конкретизацию формулы интеллигентности. Эта конкретизация состоит, во-первых, в дополнении образованности *книжной культурностью* (владение литературным языком и письменной речью, начитанность, библиотечно-библиографическая грамотность); во-вторых, в следующих уточнениях содержания этической переменной:

альтруизм – осознание общественной значимости библиотечно-библиографического дела для просвещения и культурного прогресса нации; ощущение ответственности за удо-

влетворение и развитие познавательных, коммуникационных, ценностно-ориентационных потребностей и интересов своих сограждан;

толерантность – свобода доступа к документным потокам и фондам; исключение коммуникационного насилия по отношению к читателям (цензура, непрошеное руководство чтением, ограничение свободы выбора, навязчивая реклама и т. п.), а также исключение тенденциозной организации фондов и каталогов, прежде всего – спецхранов и идеологических чисток фондов;

благоговение перед Книгой как высшей культурной ценностью, безусловное обеспечение сохранности фондов, исключение библиоцида как святотатства.

Благоговение перед Книгой – не ритуальное почитание произведений письменности и печати, а *состояние души* интеллигента-книжника. Это эмоциональное состояние описывается в терминах «очарованные книгой»[134], «вечные спутники»[135], выражается стихотворными одами, ораторскими панегириками и философскими поучениями. В.Г. Лидин, раскрывая состояние души благоговеющего перед Книгой библиофила, писал, что им ощущается «очень тонкая, очень глубокая любовь, и странно, иногда кажется, что человек, который любит книгу, встречает и её ответную любовь»[136].

Разумеется, не всякий интеллигент относится к числу библиотечных интеллигентов, то есть интеллигентов-книжников. Более того, не всякого библиотечного профессионала можно назвать библиотечным интеллигентом, ибо очарованность письменным словом, благоговейное почитание овеществленной мысли давно ушедших авторов знакомо далеко не всякому. Выражением библиотечной интеллигентности является книга Валерия Леонова «Пространство библиотеки: Библиотечная симфония» [137]. Автор ощущает библиотечное пространство не как вместилище консервированных изданий, а как «отражение космоса в текстах», о котором он пытается говорить словами, но не в повествовательном, а в «музыкальном жанре». Симфонический жанр был подсказан интеллигенту-книжнику Леонову не рационально взвешенным размышлением, а страстной любовью, эмоциональным переживанием вызовов и угроз, надвигающихся сегодня на библиосферу и библиотечную профессию. Он пишет: «Интуитивно я понимаю, что существует некое таинство рождения библиотекаря внутри человеческой личности. Мне это всегда представлялось нормальным и естественным: специалист, прежде всего, обязан чувствовать себя личностью, а затем уже профессионалом» (с.9). В этой музыкальной фразе слышится мелодия формирования библиотечной интеллигентности. Эту мелодию в духе allegro moderato Леонов повторяет в другом месте своей симфонии: «Для немногих библиотека – цель и смысл жизни; попытка через изучение прошлого лучше понять то, что происходит сегодня, увидеть завтра; возможность соприкоснуться с красотой и гармонией книги. Для большинства – обычная работа: сохранение, разыскание, поиски, нахождение нужного читателю материала» (с. 19). Вывод очевиден: библиотечный интеллигент, будучи человеком, органично связанным с книжной культурой, не может не быть *книголюбом-библиофилом.* Некоторые ученые различают понятия «книголюб» и «библиофил»[138], мы же отождествим эти понятия, считая, что в обоих случаях речь идет об *интеллигенте-книжнике,* представителе *библиотечной интеллигенции.*

---

[134] Очарованные книгой. Русские писатели о книгах, чтении, библиофилах. Рассказы, очерки, эссе / Сост. А.В. Блюм. – М.: Книга, 1982. 287 с.

[135] Вечные спутники: Советские писатели о книге, чтении, библиофильстве / Сост. А.В. Блюм. – М.: Книга, 1983. – 223 с.

[136] Лидин В.Г. Друзья мои – книги. Рассказы книголюба. – М., 1976. С. 3–4.

[137] Леонов В.П. Пространство библиотеки: Библиотечная симфония. – М.: Наука, 2003. 123 с.

[138] А.А. Сидоров полагает, что книголюб в качестве «друга книги» «уважает книгу всегда и везде: и в чужом собрании, в государственной, строго охраняемой библиотеке, и в многотиражном издании», а отличительным признаком библиофила является «страсть собирательства», «призвание коллекционирования, составление собственной библиотеки, большой или малой, специализированной или универсальной» (Сидоров А.А. Друг книги – советский библиофил // Берков П.Н. История советского библиофильства (1917–1967). -М., 1983. С. 26–27).

Нуждается в определенном ответе вопрос: можно ли интеллигентного библиографа-практика или ученого-библиографоведа включить в состав библиотечной интеллигенции? Ведь библиография и библиотечное дело – это разные институты в составе библиосферы, а библиографическая и библиотечная деятельность требуют разной профессиональной подготовки. Несмотря на это, в реальной действительности изначально имело место *сращивание* библиотечного и библиографического институтов. Это сращивание состоит в том, что значительная часть библиографов-практиков является сотрудниками библиотек, библиотечное и библиографическое образование давно интегрировались, библиографоведение и библиотековедение, бесспорно, самостоятельные науки, но их неразрывно соединяют, как остроумно заметил О.П. Коршунов, «библиотечное библиографоведение» и «библиографическое библиотековедение». Самое же главное свидетельство взаимопроникновения обоих институтов – общность профессионального мировоззрения, ценностных ориентаций, этического самоопределения их членов. Эта общность и позволяет говорить о *единой, библиотечно-библиографической интеллигенции*, а не о двух обособленных интеллигентских группах. Для краткости будем использовать термин «библиотечная интеллигенция», имея в виду сотрудников библиотечно-библиографического социального института в целом. Однако отметим, что к библиотечным интеллигентам нельзя отнести *библиоманов,* красочно описанных М.Н. Куфаевым. По словам Куфаева, библиоману свойственно влечение менее всего к содержанию и более всего к форме и внешности книги, книжный фетишизм, тщеславие, жадность в накоплении привлекательных книг[139]. В.В. Кунин добавил: «Собирание книг, даже самых лучших, не превращает мошенника в честного человека! Что же касается характеров, психологических типов и тому подобного, то в книжном мире они столь же неисчерпаемы, как и в любой другой области людской деятельности»[140].

В результате получается следующая формула: *библиотечная интеллигентность – интегральное качество личности, включающее в себя на уровне соответствующего поколения русской интеллигенции а) образованность и книжную культурность, б) креативность, в) альтруистическое этическое самоопределение в виде осознанного общественного долга, коммуникационной толерантности, благоговения перед Книгой.* Эта формула соответствует фигуре библиотечного *интеллигента-гуманиста.*

Аналогично может быть построена формула библиотечной интеллектуальности, характерная для фигуры *интеллектуала-книжника.* В этих формулах совпадают качества а) и б), то есть библиотечные интеллигенты и интеллектуалы – в равной мере образованные профессионалы и творческие новаторы, но прямо противоположны их этосы. Библиотечному интеллектуалу чужда гуманистическая ответственность перед обществом за свою профессиональную и непрофессиональную деятельность; он не считает зазорным применение коммуникационного насилия по отношению к читателям; ему не понятен мистический пафос благоговения перед Книгой, для него печатная продукция – неодушевленный объект труда или управления. Чаще всего интеллектуалы концентрируются в подсистеме управления библиотечного института.

Подсистема управления возникла одновременно с появлением библиотечной практики. Она изначально выполняла две противоположно направленных функции: во-первых, *функция книжности* – содействие развитию библиотечного дела и книжности вообще; во-вторых, функция *антикнижности* – ограничение распространения книг, противоречащих интересам духовной или светской власти. Функция книжности свойственна интеллигентам-книжникам, обладающим властными полномочиями, а функцию антикнижности принимают на себя интеллектуалы, чуждые культу Книги. Древним механизмом антикнижности является *цензура*, исторически берущая начало со времен античности. Цензурная практика докатилась до

[139] Куфаев М.Н. Библиофилия и библиомания (психофизиология библиофильства): Репродуц. изд. – М., 1980. С. 34–35.

[140] Кунин В.В. Библиофилы и библиоманы. – М., 1984. С. 473.

Древней Руси вместе с духовной литературой. Как известно, первый список «сокровенных» книг появился в «Изборнике Святослава» (1073), всего же с XI по XVIII вв. русская церковь распространила не менее 100 списков истинных (канонических) и ложных (отреченных или апокрифических) книг. С екатерининских времен существовало государственное цензурное ведомство, имеющее большие заслуги в «антикнижной» деятельности. Инициаторами и исполнителями цензурирования выступали два типа интеллектуалов-книж-ников: интеллектуалы-нигилисты и интеллектуалы-циники. Первые оправдывали свои действия альтруистической идеей полезности цензуры для защиты общества от крамольных или вредных идей; вторые же становились палачами книги из эгоистического расчета. Воспроизведем словесно формулу интеллектуальности:

Библиотечная интеллектуальность *– интегральное качество личности, включающее в себя на уровне соответствующего поколения русской интеллигенции а) образованность и книжную культурность, б) креативность, в) эгоистическое этическое самоопределение, допускающее насилие по принципу «Цель оправдывает средства» и исключающее поклонение Книге как абсолютной ценности.*

Ясно, что в среде библиотечных интеллигентов нетрудно обнаружить, помимо гуманистов, также снобов, скептиков и конформистов, а среди библиотечных интеллектуалов немало деспотов и нигилистов, квазигуманистов и циников. Интеллигенты и интеллектуалы образуют высший, наиболее образованный и креативный слой библиотечной профессии, который мы назвали интеллектным слоем. Кроме того, можно выделить *полуинтеллектный слой*, состоящий из исполнителей, занятых рутинным репродуктивным трудом. Оба слоя распространяются не только на библиотечную практику, но и на библиотечное образование, библиотечно-библиографическую науку, библиотечную коммуникацию, управление библиотечной системой, короче говоря, на библиотечный и библиографический социальные институты.

Наши библиотечно-профессиологические исследования привели нас к *следующим выводам.* Во-первых, библиотечная профессия не однородна, а довольно разнообразна и включает в свой состав практически все типы интеллигентов и интеллектуалов. Во-вторых, в библиотечном сообществе преобладают интеллигенты-гуманисты, основой для формирования которых послужила, надо полагать, приобщенность к книжной культуре. В-третьих, библиотечная элита и библиотечная интеллигенция не совпадают по объему: можно возглавлять библиотеку, но не быть библиотечным интеллигентом. В-четвертых, библиотечная интеллигенция отчетливо дифференцируется на поколения, периодизацию которых логично связать с эпохами русской книжности, поскольку отличительным качеством библиотечного интеллигента, как мы неоднократно подчеркивали, является благоговение перед Книгой. В-пятых, культурно-исторические эпохи русской книжности коэволюционно связаны с историческими этапами зарождения и развития русской интеллигенции, о чем свидетельствует содержание следующей главы.

Глава 3
Культурно-исторические эпохи русской книжности

Более ста лет продолжаются споры о *начале русской интеллигенции.* На звание «первого русского интеллигента» рекомендуются: древнерусские «православные священники, монахи и книжники» (В.О. Ключевский, Г.П. Федотов), современник Ивана Грозного преподобный Максим Грек (Д.С. Лихачев), Петр I (Д.С. Мережковский), просветитель-книжник Н.И. Новиков (Р. Пайпс), А.Н. Радищев (Н.А. Бердяев), П.*Я.* Чаадаев, анархист М.А. Бакунин (П.Б. Струве), не говоря о прочих кандидатах. Современный культуролог Г.С. Кнабе рассуждает в духе эволюционизма: «Россия буквально выстрадала эту “прослойку” и её ценности, трижды вызывая её к жизни»: первый раз – «в виде отдаленного предвестия на рубеже XV–XVI вв.; второй раз «несравненно шире и глубже в предпетровские годы» (автор называет Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина); третий раз «в середине XIX века при Тургеневе и Сеченове, Владимире Соловьеве и Менделееве»[141]. Показательно, что появление интеллигенции в социальной структуре России в середине XIX века Г.С. Кнабе, в отличие от П.Б. Струве и его единомышленников-либералов, связывает не с анархистами и революционными демократами, а с именами ученых, писателей, философов.

Нетрудно понять, что спор о «первом русском интеллигенте» обусловлен разным пониманием сущности интеллигентности: кто-то ассоциирует её с «премудростью Божией», кто-то – со светской образованностью, кто-то – с гуманистической толерантностью, кто-то – с воинствующей квазигу-манистической этикой (см. трактовки понятия «интеллигенция» в разделе 2.1.1). Однако, несмотря на существенные расхождения, все авторы, за исключением П.Б. Струве, связывают появление русской интеллигенции со *становлением русской книжности.* Недаром в числе первых интеллигентов называются древнерусские книжники, в том числе преподобный Максим Грек, допетровские литераторы, начиная с Симеона Полоцкого, книгоиздатель Николай Новиков, которые конкурируют с радетелем отечественного просвещения, прилежным книгочеем Петром Великим. Поскольку время зарождения русской интеллигенции остается дискуссионным, тем более неопределенными кажутся обстоятельства появления библиотечной интеллигенции. Эти обстоятельства, кстати говоря, даже не обсуждаются библиотековедами, предпочитающими толковать о библиотечных кадрах, трудившихся в первых императорских библиотеках. Попытаемся внести ясность в этот вопрос.

[141] Кнабе Г.С. Русская античность. – М., 2000. С. 98.

3.1. Поколения библиотечной интеллигенции

3.1.1. Демографические и социально-культурные поколения. Культурно-историческая эпоха трактуется в культурологии как «длительный период доминирования сходных культурных форм на одной ценностно-смысловой основе»[142]. Книжность можно понимать как одну из исторически обусловленных культурных форм. Как известно, по способу производства книг различаются три культурных формы: рукописная книжность, мануфактурная книжность, индустриальная книжность. Соответственно, можно выделить поколения интеллигентов-книжников рукописной эпохи, интеллигентов-книжников мануфактурной эпохи и интеллигентов-книжников индустриальной эпохи, которых объединяет интеллигентность, включающая в себя благоговение перед Книгой. Таким образом, вырисовываются вехи для построения периодизации библиотечной интеллигенции: XI–XVI вв. – древнерусское книгописание; XVII–XVIII вв. – мануфактурное книгопечатание; XIX–XX вв. – индустриальное книгоиздание. Прежде чем превратить эти вехи в цельную периодизацию библиотечной интеллигенции, уточним понятие «поколение».

Поколение – многозначный термин, относящийся к возрастной структуре общества и к истории культуры (не будем учитывать такие метафоры, как «поколение компьютеров» или «техника нового поколения»). Для нас важно различать два основных значения: демографическое и социально-культурное. *Демографическое поколение* – реальное поколение (когорта) – совокупность сверстников, родившихся в течение длины поколения; *длина поколения* – интервал времени между средним возрастом родителей и их детей, который принимается за 25 лет (четыре поколения в столетие) или за 33 года (три поколения за сто лет)[143]. В генеалогии различаются поколения «детей», «отцов», «дедов» и т. д., соответствующие коленам генеалогического древа. По физическому строению взрослые дети подобны своим родителям, а по духовному развитию – не всегда. В традиционных обществах, где сыновья полностью наследуют образ жизни своих отцов, духовные различия незначительны. Другое дело – индустриальные и постиндустриальные общества нового времени. Здесь интеллектуально-этические отличия могут быть столь несовместимыми, что возникает пресловутый конфликт отцов и детей. Для описания этого конфликта потребовалось понятие *социально-культурное поколение,* когда под поколением понимается историческая общность людей, характеризующаяся специфической *духовностью,* то есть типичными для нее ценностными ориентациями, мировоззрением, социально-психологическими установками[144]. Именно в этом, культурологическом смысле мы используем понятие «поколение интеллигенции».

Демографическое поколение существует в физическом (геометрическом, географическом) пространстве и в астрономическом времени, а социально-культурное поколение развивается в культурном пространстве социальных отношений согласно с изменениями, происходящими в социальном времени. Смена одного демографического поколения другим, более молодым, вовсе не означает смены социально-культурных поколений, если сыновья послушно следуют нормам, идеалам, обычаям своих отцов. Можно сказать, что социально-культурное поколение – скорее, *поколение мировоззрений*, чем поколение живых людей, разделяющих данное мировоззрение, потому что люди приходят и уходят, а господствующие взгляды и идеи могут оставаться относительно стабильными.

---

[142] Березовая Л.Г., Берлякова Н.П. История русской культуры: В 2-х частях. Ч. 1. – М., 2002. С. 14.

[143] Урланис Б.Ц. История одного поколения. (Социально-демографический очерк). -М, 1969. С.10.

[144] Философско-исторические, социологические, культурологические трактовки понятия «поколение» с Аристотеля до наших дней приведены в обстоятельной статье: Безгрешнова А.М. Смена поколений как социокультурная проблема (К истории изучения) // Поколение в социокультурном контексте XX века / отв. ред. Н.А. Хренов. – М, 2005. С. 204–237.

Отсюда следует, что хронологически длина демографического поколения *меньше* длины социально-культурного поколения, потому что один и тот же человек не может быть субъектом разных мировоззрений. Конечно, в течение жизни мировоззрение современного «отца», активно участвующего в общественной жизни, может модернизироваться, но оно не может совпасть с мировоззрением «сына» в силу инерционности менталитета и различия личного биосоциального опыта. Авторы, принимающие длину социально-культурного поколения за 10, 12, 15 лет и в связи с этим толкующие о поколениях «шестидесятников», «семидесятников», «восьмидесятников» и т. д., смешивают модернизацию мировоззрения, иногда довольно существенную, с заменой, качественным преобразованием мировоззрения, полученного в юности.

Нужно иметь в виду еще одно уточнение. В зависимости от субъекта, как демографическое, так и социально-культурное поколение может быть массовым или групповым. *Массовое поколение* охватывает всю совокупность современников, а *групповое поколение* – современный состав отдельной социальной группы, например, интеллигенции. Мы будем понимать «поколение интеллигенции» как *групповое социально-культурное поколение.*

Поскольку именно интеллектный слой, то есть образованная, творчески активная и этически определившаяся часть общества, создает, хранит и распространяет идейное содержание своей эпохи, то *длительность культурно-исторической эпохи совпадает с длительностью группового поколения интеллигенции.* Причем не массовое поколение детерминирует интеллектно-этический потенциал интеллигенции, а наоборот, интеллигенция определяет нравственные нормы и интеллектный уровень современников, то есть культурное пространство данной эпохи. Именно интеллигенция является исторически-значимым *культуросоздающим субъектом.* Отсюда следует, что периодизацию истории культуры нужно строить не по векам и десятилетиям, а по поколениям интеллигенции.

Известно, что мысль о целесообразности использования понятия «поколение» в качестве единицы социально-культурного времени еще в XIX столетии высказывали О. Конт и В. Дильтей, а в первой половине XX века её развивали К. Мангейм, Э. Трельч, К. Ясперс. «Метод поколений в истории» в своих университетских лекциях в 20-е годы прошлого века развернуто обосновывал Х. Ортега-и-Гассет. Он утверждал: «Изменения жизненного мироощущения, являющиеся решающими в истории, предстают в форме поколений. Поколение – это как бы новое социальное тело, обладающее и своим избранным меньшинством, и своей толпой. Поколение, динамический компромисс между массой и индивидом, представляет собой самое важное историческое понятие и является, так сказать, той траекторией, по которой движется история»[145].

Испанский философ хорошо ощущал межпоколенческий конфликт «отцов и детей», его неповторимое своеобразие и противоречия, терзающие поколения. Он говорил: «Для каждого поколения жизнь есть работа в двух измерениях: в одном оно получает пережитое предшествующими поколениями – идеи, оценки, институты и т. д.; в другом – отдается спонтанному потоку собственной жизни… Дух каждого поколения зависит от уравнения, образуемого этими двумя составными частями, и установки, которую принимает по отношению к ним большинство индивидов поколения» (Там же. С.6). Своеобразие мироощущения и духовности поколения означает, что каждое поколение обладает собственным призванием, своей исторической миссией.

Историософское *учение о поколениях* Х. Ортега-и-Гассет подробно развивает в серии лекций, названной «Вокруг Галилея (схема кризисов)»[146]. Здесь не только подробно раскрывается понятие «поколение», но и постулируется длина социально-культурного поколения, которая принимается за 30 лет. «Я бы сказал, – заявляет автор, – что историческое поколение живет

[145] Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М., 1991. С. 5.

[146] Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М., 1997. С. 233–403.

пятнадцать лет становления плюс пятнадцать лет правления» (С. 275). Идея смены фаз в жизненном цикле поколения разумна и плодотворна, но нельзя согласиться с одинаковой длительностью этих фаз во всех поколениях – ровно 15 лет. В отличие от демографических поколений, господство идеологий может длиться несколько десятков лет или даже веков.

В наши дни понятие «поколение» стало межнаучной категорией, или, как выразился известный социолог культуры Б.В. Дубин, «метафорой в языке социальных наук и наук о культуре»[147]. Эта «метафора» нужна для того, чтобы идентифицировать социальных субъектов, описывать конфликты «отцов и детей», обозначать «разрывы» и культурную преемственность возрастных групп. Современная историко-культурная проблематика смены поколений и в мировом, и в отечественном контексте весьма компетентно и довольно полно представлена в двух капитальных сборниках статей, появившихся одновременно: «Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.» и «Поколение в социокультурном контексте XX века / Отв. редактор Н.А. Хренов. – М.: Наука, 2005. 631 с.». В этих сборниках содержатся несколько «поколенческих периодизаций» русской интеллигенции, но все они страдают общими недостатками: а) отсутствует критерий интеллигентности; б) не учитывается разнородность интеллектного континуума, куда входят интеллигенты, интеллектуалы, полуинтеллигенты и др.; в) спутаны демографические и социально-культурные трактовки поколений, из-за чего принимается слишком маленькая длина поколения интеллигенции – 15, или 12–13 лет или даже десятилетие; г) далеко не всегда учитываются фазы развития поколения, которые, напомню, неизменно фиксировал Х. Ортега-и-Гассет; д) упрощенное представление преемственности поколений. Введение понятия «поколение библиотечной интеллигенции» в библиотековедение представляется оправданным и продуктивным, однако из-за перечисленных недостатков мы не смогли довериться какой-либо готовой периодизации и были вынуждены разработать собственную хронологию поколений библиотечной интеллигенции.

3.1.2. Хронология поколений библиотечной интеллигенции. В основу хронологии положены известные эпохи русской книжности: рукописная – XI–XVI вв.; мануфактурная – XVII–XVIII вв.; индустриальная – XIX–XX вв. Каждая эпоха включает в себя несколько социально-культурных поколений интеллигентов-книжников, различающихся интеллектно-этическими качествами, входящими в формулу интеллигентности (содержанием образованности, уровнем креативности, пониманием общественного долга и толерантности, формами книжной культуры). Для разграничения поколений, относящихся к одной и той же эпохе, используем понятие *ментальность поколения.* Поясним, что понимается под ментальностью.

Современники Х. Ортеги-и-Гассета, французские историки М. Блок и Л. Февр, основали в 1929 году в Париже научный журнал «Анналы», в котором активно и весьма остро обсуждались методологические проблемы исторических исследований. Была поставлена под сомнение объективная достоверность исторических источников, ибо их авторы (летописцы, мемуаристы, очевидцы, историографы и пр.) воспринимали описываемые события через субъективную призму своего личного мировоззрения, непроизвольно, а нередко умышленно, их искажая. Субъективизм автора, в свою очередь, обусловлен духовным климатом его социума, который обозначили термином «ментальность» (mentalite – направление мыслей, умонастроение, склад ума).

Был сделан вывод, что для того, чтобы правильно понять реальные исторические события, историк должен реконструировать ментальность данной культурно-исторической эпохи,

[147] Дубин Б.В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. – М., 2005. С. 66.

и главным объектом исторической науки следует считать не факты социальной жизни, а движение ментальностей.

Ментальность французские историки определяли как «систему образов, представлений, которые в разных группах или странах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей»[148]. Нельзя сказать, что сообщество ученых-историков безоговорочно восприняло методологические новации французской «школы “Анналов“»[149], но отечественные историки культуры взяли на вооружение понятие ментальности, понимая его как «картину мира», свойственную данной эпохе и обнаруживающуюся «как в коллективном сознании общественных групп, так и в индивидуальном сознании и творчестве наиболее выдающихся представителей эпохи (при всех неповторимых, уникальных их особенностях)»[150].

Мы последуем их примеру, поскольку для исследования смены поколений интеллигенции понятие ментальности имеет ключевое значение. Ведь одно социально-культурное поколение отличается от другого не демографическими параметрами, а именно свойственной ему картиной мира. Историки «Анналов» учитывали чаще всего повседневную ментальность, то есть ментальность массового поколения современников, нас же интересует групповая ментальность интеллектного слоя общества. Формулы интеллигентности и интеллектуальности, предложенные в разделе 2.1.2, есть не что иное, как *структуры ментальностей* интеллигентов и интеллектуалов. Эти структуры наполняются конкретным содержанием в зависимости от поколения той или иной эпохи русской книжности. Различия менталитетов становятся особенно явными при сопоставлении поколений рукописной книжности с более поздними поколениями интеллигенции. Например, древнерусские книжники, к числу которых в равной мере относились и авторы текстов, и редакторы-компиляторы, и переводчики, и писцы-копиисты, понимали свой труд как особую форму богослужения, где неуместно тщеславие, и поэтому забывали упомянуть свои имена. Более поздние поколения придерживались иных нравственных норм. Индустриальная книжность коммерциализировалась, и ей даже потребовались законы о защите авторских прав.

Будем придерживаться следующей периодизации, включающей в себя 12 библиотечно-интеллигентских поколений:

Эпоха рукописной книжности (РК): XI–VI ее.
РК-1. Древнерусское поколение – XI – первая половина XIV вв.
РК-2. Старомосковское поколение – вторая половина XIV–VI вв.

Эпоха мануфактурной книжности (МК): XVI 1-XVIII вв.
МК-1. Допетровское поколение – XVII в.
МК-2. Петровское поколение – первая половина XVIII в.
МК-3. Екатерининское поколение – вторая половина XVIII в.

Эпоха индустриальной книжности (ИК): XIX-1 половина XX в,
ИК-1. Пушкинско-гоголевское поколение – первая половина XIX в.
ИК-2. Пореформенное поколение – вторая половина XIX в.
ИК-3. Революционное поколение – 90-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.

---

[148] Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. – М., 1991. С. 52.

[149] Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М.: Наука, 1993. 208 с.

[150] Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. – СПб, 2001. С. 35–37.

ИК-4. Героическое советское поколение – 20-е – 60-е гг. XX в.

Времена великих перемен (ВП): II половина XX–XXI в.
ВП-1. Советские шестидесятники – 50-е – 90-е гг. XX в.
ВП-2. Восьмидесятники – 1970-е – 2010-е гг.
ВП-3. Информационное поколение – 2000-е – 2040-е гг.

Предвидя недоуменные вопросы «Почему нет пятидесятников?», «Почему нет семидесятников?» и т. и., поясняем, что длина социально-культурного поколения не может быть короче демографической длины (25 лет), поэтому люди, сформировавшиеся в 50-е годы, попадают в поколение шестидесятников, а сформировавшиеся в 70-е годы – в поколение восьмидесятников. Разумеется, существуют многочисленные индивидуальные исключения из этой статистической тенденции.

Было бы слишком примитивно и поверхностно ограничиться указанием длины поколения без дальнейшей детализации его жизненного цикла. Разные авторы делят этот цикл на три, пять или большее число фаз («возрастов»). Мы ограничимся тремя фазами: *восход* – начальная фаза, переходный период от предыдущего поколения к данному; *расцвет* – фаза господства в отечественной культуре; *закат* – фаза угасания, переход от данного поколения к последующему. Важно заметить, что во время восхода и заката сосуществуют два социально-культурных поколения, представленных интеллектными группами, различающимися по возрасту и социальному опыту, а главное – по ментальности, то есть ценностным ориентациям, мировоззрению и социально-психологическому настроению. Эти различия провоцируют пресловутый конфликт «отцов» и «детей». Если старшему поколению свойственна консервативная сдержанность, то молодежь увлекается романтическими и даже утопическими порывами. Обратим внимание, что в социальной памяти хранятся духовные ценности, созданные поколениями дедов, прадедов, пращуров, которые могут реанимироваться и стать актуальными. Так, в постсоветской России были реабилитированы культ императорской семьи, православные праздники и т. д. Охарактеризуем кратко поколения российских интеллигентов-книжников.

3.2. От Древней руси до Серебряного века

3.2.1. Эпоха рукописной книжности (XI–XVI вв.) включает в себя два поколения книжников, различающихся содержанием ментальности: *древнерусское* поколение (РК-1) и *старомосковское* поколение (РК-2). Наименования этих социально-культурных поколений, как и всех последующих, выбраны нами условно, для удобства пользования, и вовсе не являются общепринятыми. Начало (восход) древнерусского поколения достаточно очевидно: XI век – время активной христианизации и интеллектуализации Руси, окончание же периода господства средневековой ментальности – вопрос дискуссионный. Не углубляясь в научные дискуссии, примем периодизацию, предложенную в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» для отечественной средневековой литературы, то бишь средневековой книжности. Согласно этой периодизации, начальный период ограничен хронологическими рамками XI – середины XIV вв. Последняя дата аргументируется тем, что в течение столетия после монгольского нашествия создаются первоклассные памятники литературы, продолжающие традиции Киевской Руси («Слово о погибели Русской земли», «Повесть о житии Александра Невского» и др.). Однако в конце XIV столетия в результате так называемого второго южнославянского влияния менталитет книжных мужей существенно меняется: распространяется исихазм (Сергий Радонежский и его последователи), появляется стиль «плетения словес», митрополит Киприан (1336–1406) затевает церковные реформы, способствуя распространению византийской культуры. Начинается второй период русской книжности, который мы назвали «старомосковским». Хотя мануфактурное книгопечатание началось в середине XVI века, период старомосковской книжности целиком вписывается в эпоху рукописания книг, ибо в XVI веке в Москве было отпечатано всего около 15 книг религиозного содержания.

Христианизация Руси привела к тому, что книга на старославянском языке стала символом и источником просвещения и образованности. Именно книга одухотворяла и вдохновляла *древнерусских* интеллигентов (поколение РК-1), когда монастыри и дворы некоторых князей (Ярослава Мудрого, его высокообразованных сыновей и дочерей, Владимира Мономаха, Всеволода Большое гнездо) служили центрами духовной жизни и обителями первого поколения интеллигентов-книжников. Вспомним о митрополите киевском Иларионе, известном как «муж благ, книжен и постник», о Несторе, агиографе и летописце, о летописце Никоне, об анонимномном авторе «Слова о полку Игореве», о таинственном Даниле Заточнике, начитанном и образованном правдоискателе, который полностью соответствует формуле интеллигента-гуманиста[151]. Для полноты картины назовем еще князя Волынского Владимира Васильковича (ум. 1288), который прославился как книголюб, переписчик многих рукописей, даритель храмам и монастырям книг в роскошных окладах. Рискованно превращать древнерусских книжников в библиотечных интеллигентов, но все-таки именно в среде «мужей книжных» нужно искать «первого русского интеллигента». Возможно, что автор поучения «Велика бывает польза от учения книжного…. се бо суть реки, напояющие вселенную, се суть исходища мудрости» был первым библиотечным интеллигентом на Руси[152].

Почитание «учения книжного» сохранилось и в *старомосковский* период (поколение РК-2). Основоположник духовного течения не стяжательства, требующего отказа церкви от

[151] В.Г. Белинский характеризовал Заточника как «одну из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают…; которых сердце болит и снедается ревностию по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше бы промолчать, и молчат там, где выгодно говорить» (Белинский В.Г. Поли, собр. соч. Т.5. -М, 1954. С. 351.

[152] Ю.Н. Столяров не без основания называет первой русской женщиной-библио-текарем преподобную Евфросинию Полоцкую (1102–1173), день успения которой отмечается в Белоруссии как день библиотекаря (Столяров Ю. Первые древнерусские школьные библиотеки // Школьная библиотека. – 2001. – № 8. С. 3–5). Правда, он не называет её «первым библиотечным интеллигентом», но её житие не оставляет сомнений не только в её святости, но и в древнерусской её интеллигентности.

земельной собственности и аскетического отшельничества, Нил Сорский (1433–1508) был весьма образованным богословом и религиозным писателем. Он называл книги, «божественные писания» главными наставниками в жизни и не принимал неграмотных в основанный им скит «заволжских старцев». Усердным сторонником не стяжательства был Вассиан Патрикеев, в миру – князь и боярин, человек весьма образованный. Преподобный Максим Грек (1480–1556), кандидатуру которого на звание «первого русского интеллигента» выдвинул Д.С. Лихачев, по своим интеллектуально-этическим кондициям (образованность, креативность, этическое самоопределение) полностью соответствует формуле интеллигента-гуманиста своего времени. Приехав в Москву по приглашению Василия III для переводов и исправления книг его библиотеки, он был вовлечен в церковно-политические споры между иосифлянами и заволжскими старцами. В своих богословских, полемических, нравоучительных произведениях Максим Грек проявил себя не только как искусный мастер красноречия, но и как бесстрашный обличитель корыстолюбия духовенства и бесчинства властей. Особенно часто, как и полагается подлинному интеллигенту-гуманисту, он вставал на защиту бедных и угнетенных против злых и богатых. За это ему пришлось жестоко поплатиться: он был трижды осужден церковным судом и с 1525 по 1551 год провел в монастырском заточении.

Митрополит Макарий (1481/1482-1563) обладал высокой книжной культурой, под его руководством был составлен 12-томный помесячный книжный свод ежедневного чтения – Великие Минеи Четьи. Он был не чужд толерантности и порой ухитрялся склонить Ивана Грозного, которого сам Макарий венчал на царство 16 января 1547 года, к «печалованию» и покаянию. Однако, в конечном счете, он ближе к интеллектуалам, а не к интеллигентам, о чем свидетельствуют антикнижные решения Стоглавого собора (1551), духовным руководителем которого был митрополит Макарий. Собор подчинил книжное дело двойной опеке – церковной и светской цензуре, что было зафиксировано в главах «об училищах книжных», «об исправлении книжном», «о книжных писцах», «о злых ересях». По инициативе Ивана IV была принята 41-я глава, гласившая: «Царю свою царскую грозу учинити и святителям всем по всем градам запретили с великим духовным запрещениям, чтобы православные христиане богомерзких книг еретических у себя не держали и не чли, а которые держали у себя такие еретические отреченные книги и чли их, и иных прельщали, и те бы о том каялися отцам своим духовным, и впредь бы у себя таких еретических отреченных книг не держали и не чли, а которые учнут у себя впредь такие книги держати и чести, или учнут иных прельщати и учити, и им быти от благочестивого царя в великой опале и в наказании, а от святителей по священным правилам быти в отлучении и проклятии»[153]. Однако это постановление осталось «гласом вопиющего», ибо не было механизма его реализации, то есть цензурного ведомства. Создать же такое ведомство при господстве рукописной книги практически невозможно.

Грозные государи московские Иван III и Иван IV были, разумеется, деспотами, но это не мешает считать их книжниками. В книге И.Я. Стеллецкого[154] отстаивается гипотеза, что Софья (Зоя) Палеолог привезла в Россию Библиотеку византийских императоров, которую вывез её брат Андрей из захваченной турками империи. Это было драгоценное наследие византийской культуры, которое семья Палеологов использовала во время пребывания в Риме, а затем решила укрыть его в Москве. Аристотель Фиораванти, строитель Кремля, якобы выстроил подземное хранилище, где и схоронили драгоценную «либерею». О существовании замурованной в подземельях Кремля библиотеке Палеологов мог рассказать книголюбу Ивану IV во время их встречи в монастырском узилище Максим Грек. И.Я. Стеллецкий предполагает, что Максим должен был знать об этом хранилище, потому что Василий III выписал его именно для того, чтобы он переводил греческие книги из византийской библиотеки. Свою собственную

[153] Цит. по: Нотович О.К. Исторический очерк нашего законодательства о печати. – СПб, 1873. 63 с.

[154] Стеллецкий И.Я. Поиски Библиотеки Ивана Грозного. – М.: Сампо, 1999. 400 с.

обширную библиотеку Иван Грозный, по мысли многих кладоискателей, скрыл в XVI веке где-то в катакомбах Кремля, возможно, вместе с собранием Софьи Палеолог. Легенда о старомосковских библиотеках заслуживает внимания, ибо она свидетельствует, что в те времена книги ценились как *царские* сокровища.

По наблюдениям В.О. Ключевского, ментальность типичного старомосковского книжника отличалась не в лучшую сторону от ментальности книжника предыдущего поколения. Воодушевленный победами русского оружия, книжник XVI века утратил прежнее смирение и возгордился. Как раз в это время пала Византия, духовная наставница Руси. Оставшись без учителя, русский книжник, недавний «новоук» благочестия, возомнил себя единственным блюстителем православия, князя московского нарек единственным христианским царем во всей Вселенной, а Москва в его глазах воссияла как «Третий Рим, а четвертому не бывать». Прежде высшей похвалой для образованного русского человека было сказать о нем, что он «муж книжен и философ», теперь тщеславный книжник поучал: «Братия, не высокоумствуйте! Если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах; учуся книгам благодатного закона, как бы можно было мою грешную душу очистить от грехов». Этот словоблуд, уверенный, что все можно понимать, ничего не зная, писал о себе: «Не учен диалектике, риторике и философии, но разум Христов в себе имею». В.О. Ключевский называет нарисованный социальный портрет «вторым типом русского интеллигента»[155]. Трудно согласиться с этим приговором. Описанный грамотей-невежда относится не к интеллигентам, а в лучшем случае – к полуинтеллектуалам Московского царства, которых во все времена было предостаточно в нашем отечестве.

Заслуживает особого внимания соотношение в старомосковской ментальности книжной словесности (умозрительно постигаемого логоса) и иконописи (умозрения в красках). Из-за отрыва от классической греческой традиции и отсутствия школьного образования интеллектуальный уровень книжности оставлял желать лучшего и был простому народу чужд. Зато русские иконописцы в лице преподобного Андрея Рублева, Феофана Грека, Д. Черного, Диониcия почитались как духовные пастыри неграмотного народа. Г.П. Федотов хорошо раскрыл контроверзу словесности и иконописи: «Умозрение открывается в слове. В этом его природа – природа Логоса. Отчего же софийская Русь так чужда Логоса? Она похожа на немую девочку, которая так много тайн видит своими неземными глазами и может поведать о них только знаками. А её долго считали дурочкой только потому, что она бессловесная»[156]. Может быть, для того чтобы объединить слово и образ, рукописные книги богато и красочно иллюстрировались.

XIV–XV века называются эпохой расцвета русской святости, возрождения монашества и отшельничества, расцвета духовной культуры и искусства, средоточием которых были русские монастыри[157]. Огромным моральным авторитетом пользовались монахи и священники, праведные миряне и благоверные князья, которые впоследствии были причислены к лику святых. Подсчеты показывают, что из 545 святых, прославленных Русской православной церковью до 1938 года, 67 приходится на XIV век, 102 – на XV век, 97 – на XVI век[158]. ***Святым*** почитался человек, который за праведную жизнь, подвиг христианской любви, ревностное распространение веры, а также за страдания и смерть, принятые за Христа, после смерти приближен к Богу и прославлен Церковью[159]. Конечно, святость ценилась в то время гораздо выше образованности, предприимчивости, умственного развития. Ведь духовное творчество святых доходило до *чудотворения*, ясновидения, общения с Богом. Именно способность чудотворения и

---

[155] Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М., 1983. С. 302–305.

[156] Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России. Избр. статьи. 1. – СПб: 1991. С. 72–78.

[157] Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб, 2000. С. 230–231.

[158] Русские святые: 1000 лет русской святости / Жития собрала монахиня Таисия. – СПб: Азбука-классика, 2001. С. 711–725.

[159] Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб, 2000. С. 223.

нетленность мощей служили необходимыми условиями канонизации, и эти качества пришлось бы включать в формулу святости, если бы такая нелепая мысль возникла у какого-либо безбожника.

Конечно, «святость» и «интеллигентность» – понятия разноплановые, но у них есть область пересечения, заключающаяся в *этическом самоопределении* святого и интеллигента. Это обстоятельство позволяет поставить вопрос о соотношении ***святости и интеллигентности*** в этической плоскости. Ясно, что интеллектуалы далеки от идеала христианской любви, как и маловеры-скептики, эгоисты, снобы или конформисты. Их оставим в стороне. Только интеллигенты-гуманисты, этическое самоопределение которых отмечено альтруистической озабоченностью, толерантностью и благоговейным почитанием культурных ценностей, могут приблизиться к образу православной святости при условии, что предметом их благоговения являются христианские догматы. Житийная литература показывает, что подобные фигуры не редкость в пантеоне русских святых. Несомненными интеллигентами своего времени были святые равноапостольные первоучители и просветители славянские Кирилл и Мефодий. Однако надо признать, что большинство преподобных, святителей, блаженных, благоверных князей и праведников-мирян по образованности и креативности не достигает современного им уровня интеллектного слоя.

Персонификация средневековой русской интеллигенции – задача весьма сложная, потому что мы неизбежно попадаем в зависимость от литературных источников, рисующих облик того или иного исторического лица. В древнерусский период (XI–XIII), как отмечал Д.С. Лихачев, господствовал «монументальный стиль в изображении человека», вследствие чего «все московские князья до Ивана III как две капли воды похожи друг на друга, так что наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван, а кто Василий». Поэтому судить об интеллектно-этических качествах светских и церковных владык весьма затруднительно. Только в памятниках XVI–XVII вв. встречаются более контрастные, но зато и более противоречивые словесные портреты. Например, о Борисе Годунове говорится, что он «оруженосию не зело изящен, а естеством светлодушен и нравом милостив и нищелюбив», но вместе с тем «оболганных людей без рассуждения напрасно мучителем предаваше», «и властолюбив вельми бываше» и т. д.[160]

Приведенный обзор библиотечной интеллигенции древнерусского и старомосковского поколений не является ни полным, ни всесторонним. Он носит пилотный характер, поскольку служит для проверки гипотезы о *неразрывной связи интеллигентности и книжности.* Исторические факты показывают, что интеллигентская образованность, креативность и этическое самоопределение начинаются с *благоговения перед Книгой*, а книжное наследие суть основа национальной культуры. Жизненный цикл старомосковского поколения продолжался два с половиной столетия: начавшись во второй половине XIV века, он завершился в начале XVII века Смутой, похоронившей средневековую Московию.

3.2.2. Эпоха мануфактурной книжности (XVII–XVIII вв.) складывается из трех социально-культурных поколений: допетровского, петровского и екатерининского. Поколения используют сходные коммуникационно-семиотические формы для выражения различного культурного содержания. Рассмотрим их культурно-исторические особенности.

МК-1. Допетровское поколение. XVII век, не случайно прозванный «бунташным», является «осенью русского средневековья», своеобразным культурно-историческим периодом, обладающим ментальностью, переходной от средневековой старомосковской модели к неокультурной петровской модели. В связи с этим поколение книжников «бунташного» века назовем допетровским. Допетровскую культурную элиту представляли аристократы и духо-

[160] Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. – М., 2006. С. 16, 20.

венство, вполне соответствующие нашим формулам интеллигентности и интеллектуальности – например, боярин-благотворитель Ф.М. Ртищев, искусный дипломат А.Л. Ордин-Нащокин, первый русский драматург и версификатор Симеон Полоцкий, его ученица царевна Софья, поражавшая иностранцев европейской образованностью. Центральным событием в духовной жизни допетровского поколения стал *раскол русского православия*, представляющий собой столкновение интеллектуальных и интеллигентских начал, воплощенных в честолюбивом интеллектуале-деспоте Никоне и консервативном интеллигенте-скептике Аввакуме.

Своеобразие духовной культуры допетровского столетия всесторонне раскрыто в публикациях академиков Д.С. Лихачева и А.М. Пащенко и является общепризнанным[161]. Существенным вкладом этого столетия в формирование российской библиосферы является становление мануфактурной книжности. Хотя продолжалось интенсивное производство манускриптов, особенно книг с красочными иллюстрациями (старообрядцы вообще не признавали типографские издания священными), русские печатники, тем не менее, выпустили в свет более 500 книг, в том числе светские сочинения С. Полоцкого, «Соборное уложение» (1649), «Учение и хитрость ратного строения», «Три чина присяг» и др. Разумеется, эти издания были адресованы интеллектному слою, ментальность которого существенно отличалась от ментальности старомосковских книжников. На ментальность допетровского поколения русских книжников зловещую печать наложила Смута (1598–1613) – первый опыт гражданской войны в России.

Причинами Смуты стали: политический кризис – насильственное и таинственное пресечение династии Рюриковичей, вызвавшее недоверие народа интригану Годунову, и подготовивший почву для самозванства нравственный кризис, превративший в обыденные явления ложь, клятвопреступления, убийства. В результате массовый менталитет «измалодушествовался», «поисшатался» и «обунташился». Смута стала суровым испытанием национального характера и интеллекта. Идеологема Святой Руси и Третьего Рима, выношенная интеллигентами-книжниками старомосковского поколения, утратила свою силу. Прежнее представление о государстве – вотчине самодержавного государя было вытеснено представлением о государстве как общенародном достоянии (государи приходят и уходят, а государство остается). Впрочем, уровень политической культуры был очень низок. Земские соборы, которые периодически созывались в первой половине XVII века, наполовину состояли из людей неграмотных, что свидетельствует о примитивности социального интеллекта. Правда, рост образованности и культурности россиян заметен во второй половине XVII века, чему немало способствовали контакты с украинскими учеными, укрепившиеся после воссоединения Украины и России в 1654 г. Украинские учителя преподавали в немногочисленных светских школах, инициативно открытых в некоторых московских монастырях. Несомненным достижением русского просвещения было основание в 1687 году Славяно-греко-латинской академии.

Типичные фигуры интеллигентов-конформистов обнаруживаются среди стихотворцев XVII века, приближенных к царскому двору. В их числе киевский ученый монах Симеон Полоцкий (1629–1680), который с 1664 года обосновался в Москве, где сделался официально признанным придворным поэтом. Алексей Михайлович и Федор Алексеевич щедро его жаловали за льстивые и патетические вирши. У бедного монаха завелись слуги, собственный выезд, столько всякого добра, что ему отвели погреб в стене Китай-города; во славе и почете он окончил дни свои и удостоился пышного погребения. На смену Симеону пришли его ученики Сильвестр Медведев (1641–1691) и Карион Истомин (1640-е-1722), судьбы которых оказались различными. Сильвестр был человеком простодушным: он усердно почитал своего учителя (до нас дошли 15 редакций его эпитафии Симеона Полоцкого), выступал ревностным защитником царевны Софьи, за что и был казнен по приказу Петра. Расчетливый Карион предательски

[161] Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили. – Л., 1973. С. 138–164; Пащенко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. – Л.: Наука, 1984. 205 с.

отрекся от своего друга Сильвестра и даже принял участие в составлении извета на Медведева. В итоге он не только не был репрессирован, но получил важный пост справщика в Печатном дворе.

Главной особенностью первых трех поколений библиотечной интеллигенции (РК-1, РК-2, МК-1), которые охарактеризованы в нашем обзоре, является отсутствие профессиональных библиотечных работников. Дело в том, что библиотечный социальный институт находился на *нормативной* стадии своего развития, когда не было профессиональных посредников между создателями манускриптов и их читателями. Рукописание и обращение книг в обществе регламентировалось традиционными нормами, а не юридическими правилами. Библиотечную интеллигенцию представляли просвещенные и состоятельные книголюбы, собиравшие личную библиотеку для собственного, а не общественного пользования, поэтому библиотечная интеллигенция XI–XVII вв. была *непрофессиональной* по отношению к библиотечному делу. Монахи, хранившие монастырские библиотеки, как и писцы-копиисты, относились к полуинтеллигенции в связи с нетворческим, репродуктивным характером их труда.

МК-2. Петровское поколение. Профессиональная библиотечная интеллигенция не может возникнуть во время господства рукописной книжности, когда книги являются предметом роскоши, доступным лишь немногочисленной культурной элите, а большинство населения невежественно и неграмотно. Мануфактурное книгопечатание постепенно (напомним, что в XVII веке было отпечатано в России немногим более 500 книг) создает условия для демократизации книжного дела, для появления библиотечных учреждений, для формирования учрежденческого библиотечного института. Книжная статистика свидетельствует, что при Петре I в 1698–1725 гг. вышли в свет около 600 изданий; в 1726–1740 гг. – всего 175 изданий; в царствование Елизаветы (1741–1760) – 620 изданий; зато просветительская деятельность Екатерины II (1760–1800) воплотилась в 7860 изданиях. Всего в XVIII веке было опубликовано около 10 тысяч сочинений гражданской печати, из которых более трети составляли произведения изящной словесности и еще треть – светская научная литература. Книгоиздательский бум был обусловлен политикой модернизации, решительно начатой Петром I и успешно продолженной Екатериной II.

Модернизация (дословно – «обновление») понимается как преднамеренное (искусственное, а не естественное) изменение культурного пространства по образцам, заимствованным из европейских стран, которые считаются лидерами прогресса человечества. Стремительная, порой грубая и насильственная модернизация, инициированная царем-реформатором, привела к расколу культурного пространства страны. «Россия XVIII и XIX столетий, – писал Н.А. Бердяев, – жила совсем не органической жизнью…. Образованные и культурные слои оказались чужды народу. Нигде, кажется, не было такой пропасти между верхним и нижним слоем, как в петровской императорской России. И ни одна страна не жила одновременно в столь разных столетиях, от XIV до XIX века»[162]. Яркой особенностью менталитета петровского и екатерининского поколений дворянства XVIII века является *подражательность*, умышленное следование западноевропейским (при Петре I – голландским, потом французским) модным образцам. В истории российского библиотечного дела Петр I сыграл две роли: индивидуальную роль книголюба-книжника и государственную роль учредителя библиотечной профессии.

В романе-исследовании, посвященном Библиотеке Российской Академии наук, В.П. Леонов посвятил целую главу библиотечной и книгоиздательской деятельности Петра[163]. Не будем воспроизводить здесь факты и цитаты, любовно собранные автором, напомним только данные о личной библиотеке царя. Она хранится в Библиотеке Академии наук и насчитывает 1663

[162] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. С. 13.

[163] Леонов В.П. Судьба Библиотеки в России. Роман-исследование. – СПб, 2000. С. 82–107.

названия, из которых 293 – рукописи на русском языке[164]; 490 – печатные книги на русском языке, 68 – рукописи на иностранных языках, 812 – печатные книги на иностранных языках. Многие из книг приобретены Петром лично или через доверенных лиц, некоторые имеют пометы, свидетельствующие о том, что книги были для него не элементами интерьера, а источниками просвещения и рабочими инструментами. Петр не только сам был просвещенным библиофилом и прилежным читателем, он стремился приохотить к чтению своих верноподданных путем открытия общедоступных библиотек. Известно, что в начале XVIII века Петр одобрил книгоиздательскую деятельность московского купца В.А. Киприанова и даже присвоил ему чин «библиотекаря», оговорив бесплатность пользования библиотекой купца-книжника.

Библиофильское почитание книжности, несомненно, позволяет рассматривать Петра Великого в качестве интеллигента-книжника, но при одном непременном условии: если его правомерно назвать русским интеллигентом. Довольно давно высказано мнение, что император Петр – это первый русский интеллигент. В одной из своих пророческих статей столетней давности (1906) Д.С. Мережковский категорически заявил: «Я повторяю и настаиваю: *первый русский интеллигент – Петр* (курс, автора). Он отпечатлел, отчеканил, как на бронзе монеты, лицо свое на крови и плоти русской интеллигенции. Единственные законные наследники, дети Петровы – все мы, русские интеллигенты»[165]. Однако существуют противоположные мнения о личных качествах великого преобразователя России. Эти мнения собраны и систематизированы в обширной антологии[166]. Л.В. Поляков, подводя итоги опубликованным точкам зрения (всего представлены высказывания 136 писателей, историков, философов, публицистов, поэтов, священнослужителей XVIII–XX вв.), перечисляет эпитеты, даваемые Петру (с. 573–708). Их можно сгруппировать следующим образом:

[164] Подробное научное описание рукописных книг, принадлежавших самому Петру и его родным (отцу, старшему брату, сестрам) содержится в книге: Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / автор-составитель И.Н. Лебедева. – СПб: БАН, 2003.-432 с.

[165] Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. – М., 1991. С. 368 – 369.

[166] Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. – СПб: Изд-во РХГИ, 2001. – 758 с.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.